

Комбат Найтов

ОРУЖЕЙНИК

Записки горного стрелка

В самом сердце Сибири

Оружейник

Над Канадой небо

синее...

Военная фантастика
коллекция

Коллекция. Военная фантастика (АСТ)

Комбат Найтов

**Оружейник: Записки
горного стрелка. В самом
сердце Сибири. Оружейник.
Над Канадой небо синее**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Найтов К.

Оружейник: Записки горного стрелка. В самом сердце Сибири. Оружейник. Над Канадой небо синее / К. Найтов — «Издательство АСТ», 2020 — (Коллекция. Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-134019-3

Герои ворвались в этот неспешный и мрачный век со знаниями и умениями конца XX – начала XXI века. Привыкшие жить в совсем другом ритме, они отчаянно нуждались в последователях, так как невозможно построить новую империю вдвоем. Жизнь человеческая хрупка, как прутик, но если из тоненьких прутиков сделать метлу и скрепить ее прочной обвязкой, то подобным инструментом можно вымести средневековые предрассудки, создать надежную систему хранения государственных секретов. Нарушив основной закон обучения: от простого к сложному, можно надолго заблокировать развитие науки и технологии в остальной части земного шара. Ведь невозможно скопировать протонообменную мембрану ученым XVII века. Для этого необходимы знания XXI века и всех предыдущих. Империя, созданная на берегах Балтики и Ладоги, через некоторое время раскинулась по всем континентам. Подрос наследник, и у него, естественно, возникли вопросы о природе могущества Выборга. Пришло и его время узнать тайну мироздания.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-134019-3

© Найтов К., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Записки горного стрелка	7
Глава I	7
Глава II	14
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	32
Глава VI	40
Глава VII	47
Глава VIII	51
Глава IX	54
Глава X	60
Глава XI	67
Глава XII	70
Глава XIII	74
Глава XIV	77
Глава XV	82
Глава XVI	91
Глава XVII	101
Глава XVIII	105
Глава XIX	108
Глава XX	117
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Комбат Найтов
Оружейник: Записки горного
стрелка. В самом сердце Сибири.
Оружейник. Над Канадой небо синее

© Комбат Найтов, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Записки горного стрелка

Глава I

– Хана! Щаз полыхнет!

Из пробитого керобака струей вытекает тээска, растекаясь тонким слоем по палубе. Рву на себя правую дверь и кричу пилоту, чтобы брал ближе к склону. Но это бесполезно: командир уткнулся в стекло, двигатели уже скисли и начинают разгораться. Под нами многокилометровая пропасть, а с противоположной стороны бьет ДШК. Прыгаю, прижимая к себе пулемет. Неожиданно мягко приземляюсь на крутой склон, покрытый свежевывапавшим снегом, и лечу вниз вместе с сорвавшейся лавиной. Плыву в потоке, снег везде и всюду, неожиданно взлетаю в воздух, меня сильно бьет воздухом, меняю направление полета и падаю в заросли можжевельника, которые самортизировали удар. Приехали! Путаясь в ветвях, с большим трудом выбираюсь из зарослей. Рядом небольшая пещерка. Похромал туда. Сильно болит колено, выбито два зуба, у пулемета погнут ствол и сломаны сошки. Протиснулся между камнями, отсоединил ствол. «Черт! Запасной у меня или у Витьки?» Расстегиваю стяжку рюкзака, перебрасываю его вперед. Ствол у меня! И одна запасная коробка. Эта разбита вдребезги, аккуратно извлекаю ленту из нее. «Стечкин» на месте. Выше виднеется дым. Там вся моя группа. Вколол обезболивающее в коленку. «Бля! Как отсюда выбираться?!» Рация шипит, но не принимает. Глубоко. Просмотрел склон, людей не увидел. Решил пройти в пещеру поглубже и отдохнуть. Накинул рюкзак, пытаюсь пройти... Не пускает! Упираюсь во что-то упругое! А если чуть с прыжка? В лицо ударил яркий свет! И над головой запели пули! Крутнулся в сторону. Но стрелка я засек! Очередь! Готов! Вдруг замечаю, что пулемет зашевелился! «У духов второй номер? Так не бывает!» Дал еще туда очередь. И чуть скорректировал оптический прицел. Интересно. Из чего дух стрелял? Звук незнакомый! Внимательно осматриваю окрестности, ищу еще огневые точки. Что-то на Памир и Гиндукуш совсем не похоже! Я же в трехстах километрах северо-восточнее Файзабада! И солнце должно быть с другой стороны! И выше! Ни хрена не понимаю! Я ведь только что был в пещере и уходил в глубь нее? А тут лежу на площадке, почти на самой вершине. Я же внизу был? Охренеть! Ничего не понимаю! Где я?

– Эй, кто там наверху? Классно ты их срезал! Ты кто?

– Лейтенант Найтов, «пятнашка»! А ты?

– Сержант Матвеев, двадцать девятый ГСП.

У меня закружилась голова! Это же мой тренер! Он в ту войну был в 1329-м горнострелковом полку, вместе с моим отцом.

– А у нас тоже есть Найтов, только он сержант! Он ниже, сейчас поднимется.

Справа послышалось дыхание и легкий скрежет триконой. Перебросил пулемет направо. Из-за камня появляется голова в сванской шапочке, но со звездой. Матвеич. Вышел на площадку, организовывает верхнюю страховку. Все лежат. Значит, противник рядом. Я перебросил пулемет назад, достал бинокль, продолжаю наблюдать за тем местом, где был пулеметчик. За спиной еще раз проскрежетали триконы. Послышался шум двух ползущих. Подползли. Дядя Ваню и Матвеич.

– Привет, давно здесь?

– Нет. Минут пятнадцать.

– По западному склону, что ли, поднялся?

– Да не поднимался я, Матвеич!

– Ты что, меня знаешь?

– Знаю, и тебя, и дядю Ваню.

Он внимательно посмотрел на меня и пожал плечами.

– Я тебя точно в первый раз вижу. Лицо вроде знакомое, на Петьку похож, только лицо более круглое. А, и фамилия одинаковая.

– Да сын я его! – Я повернулся на бок и достал удостоверение личности.

Передал ему. Надо было видеть его лицо.

Вано что-то быстро заговорил по-грузински, он, когда волнуется, всегда на него перескакивает. Чуть успокоившись, они с интересом уставились на пулемет. Пошли вопросы о нем.

– Тихо! – справа от пулемета метров десять – снайпер, я его увидел раньше, чем он успел увидеть меня. Очередь, и вторая, для надеги!

– Матвейч! Здесь противника нет, он напротив, давайте вниз и туда. Я прикрою. И пошустрому. Здесь мне никто не нужен. Сколько вас?

– Четверо.

– Негусто.

– И не говори! Наш лагерь вон там. Перила я оставлю. Давай, лейтенант.

Они ушли вниз, я подложил под себя коврик и продолжил наблюдение. Наконец я увидел их наблюдателя. Вон его перископ торчит. Черт, из пулемета его не разбить. Не попасть! Может быть, выглянет? Вряд ли... Жалко, нет второй станции и ребятам ничего не сказать. Впрочем! Лезу в центральный клапан рюкзака, там у меня лежат в коробке разобранная СВД-С и целевые патроны к ней. Достал, собираю вслепую, посматривая в прицел ПК. Готово! Выстрел! Пошел кал прицелом. Выстрел! Больше перископ работать не будет! Отложил винтовку. Во! Голова появилась! Огонь. Блин! Мимо! Не успел. Но этот гад, конечно, спрятался. Появился правее. Я его срезал. Две двойки срезал, но немцы обычно ходили тройками. Значит, еще минимум двое. Так, а это кто? Это не немцы, это поднимаются наши. Теперь внимательнее! А мужикам бы левее зайти, чтобы быть у меня в секторе. Смотрю, грамотно забирают влево. Молотки. Быстро идут! Но на площадке у немцев никого. Теперь надо бы выйти из сектора моего обстрела. Смотрю, один повернулся, посмотрел на мою площадку и махнул рукой второму забирать еще влево. Пошли медленнее, видимо, тяжелый склон, а крючья не вбить: прошумишь. Вышли на предвершину, ползут. Затем послышалось несколько очередей, слабеньких, еле слышных и два сильных взрыва. Появляются оба, подняли над головой автоматы. Вершина чиста. Начинаю собираться вниз.

Обалдело смотрю на веревку: жесткая, тяжелая. Явно металлический трос, обмотанный пенькой и плетеным хлопчатобумажным кордом. Офигеть! На всякий случай пробиваю сплесь двумя штыками (P.S. Это узел, а не оружие), соединяю свою и их веревку, цепляю карабин, и по-пожарному ухожу вниз. Сбрасываю перила. Странно, нога не болит! Промедол, что ли, так действует? Жаль, его осталось только три тюбика. Начинаю спуск к перевалу. Я уже узнал это место: Клухорский перевал. Если отец здесь, то это до 6 августа 1942 года. Подхожу к позиции сверху: пулеметное гнездо, стоит «максим» без щитка. Пара ячеек справа и слева от него. И еще по склону несколько штук раскидано. Не дело! У пулемета кто-то возится, набивая брезентовую ленту вручную. На позиции всего ОДИН человек. А где полк? Послышался шум камней слева от Клухор-баши. Идут вниз трое. Я видел до этого только двоих на восхождении. Либо третий прикрывал, либо – это не они. Смотрю в бинокль, нет, все в порядке. Солдат у пулемета увидел меня и насторожился, схватил винтовку и навел на меня.

– Отставить! Я – лейтенант Найтов, красноармеец, опусти оружие. Меня сержант Матвеев просил сюда спуститься.

– Фу, товарищ лейтенант, напугали вы меня. Очень тихо ходите. Шагов не слышно, как кошка.

Красноармеец чуть расслабился, но карабин из рук не выпускает, держа его направленным чуть ниже моих ног. Форма у меня не такая, как у них: красно-зелено-желто-белый мас-

кировочный костюм горного стрелка. Я остановился и решил подождать, пока подойдут отец, Матвейч и дядя Ваню. Спускаются они торопливо и шумно. Помахали рукой, я в ответ помахал тоже, они махнули еще раз. Солдатик шумно выдохнул. Понял, что опасности нет. Трое альпинистов пошли медленнее.

– Валера, все нормально! Это – свой, – послышалось сверху.

– Красноармеец Савельев, товарищ лейтенант. Одеты вы не по-нашему, извините. И оружие у вас не наше. Только что по-русски говорите.

– Нормально, товарищ Савельев. Все понятно.

Он поставил карабин у ноги.

– А закурить не будет, товарищ лейтенант? – и удивленно уставился на протянутую ему БТ. – Старшина третьи сутки не поднимается. Кажись, нас уже списали. А огоньку?

– Тетенька, дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде? Держи!

– Трофейная? Я таких не видел! – сказал он, прикурив. – Слабенькая совсем, а это что за коричневая хрень?

– Фильтр, чтобы табак в рот не попадал и часть смол оставалась на нем.

– Понятно! – Хотя было видно, что ответ ушел в пустоту.

Подошли остальные.

– Ну как? Познакомились?

– Частично.

– Сержант Найтов. Командир группы альпинистов. Товарищ лейтенант, разрешите ваши документы!

– Конечно, сержант.

Остальные уставились на снятый станковый рюкзак, нейлоновую веревку и снайперскую винтовку. Пулемет они видели до этого. Но, увидев, что Валера курит, сразу переключились на него.

– Где взял? Оставь!

– Берите! – Я протянул раскрытую пачку.

Матвейч начал распаливать кресало и трут. Я похлопал по карманам, нашел еще три зажигалки, две отдал им. Всегда на выход беру много. Сигарет тоже пятнадцать пачек. Шли на две недели. Мы присели, кто где мог, отец изучал документы.

– Что-нибудь еще есть?

– Партбилет. Больше ничего. А, и копия заявки на выдачу БК на группу. Но с печатью. Петр Васильевич, прекрати. Кончай изображать НКВД. Нас здесь пятеро. По тому, что ты мне рассказывал, через сутки вас останется трое. Вот у того камня вы зароете документы, награды и медальоны. – Они переглянулись.

– Мы их вчера зарыли, там.

– Выкапывайте, и давайте укреплять позицию.

– Лейтенант! Принимайте командование, – тихо сказал отец.

Они спустили сверху один немецкий пулемет, две коробки патронов к нему, снайперскую винтовку, два пистолета. Было два ящика винтовочных патронов, один ящик пулеметных, ящик гранат и два ящика тола с пятью взрывателями и огнепроводным шнуром. Шнура было мало. Я залез в свой рюкзак: «Муха», 520 патронов к СВД, 250 патронов к ПК, 240 к «стечкину», малая монка, десять радиовзрывателей (полная пачка) и пульт к ним. Две радиостанции: моя Р-127Д и немецкая «телефункен». Матвейч сказал, что чуть выше есть немного минометных мин. Шесть сухпайков. Ребята уже трое суток не ели, поэтому, когда я сказал, что это такое, уставились на них. Один вскрыли. Я тоже пожевал колбасного фарша с галетами. После этого показал отцу, как устранять задержки при стрельбе и как пользоваться прицелом пулемета. Матвейч сидел, разбирался с МГ, Ваню пристрелял маузер, Валера выравнивал патроны

в ленте «максима», но я ему сказал, чтобы взял свой карабин и двигал на правый фланг, присмотреть за обратным склоном Клухор-баши. Если немцы там смогли утром подняться, то постараются сделать это еще раз. В этот момент послышался гул самолетов. Три «лапотника» и два «мессера» шли к восточной вершине. Бомбили с горизонтали, поэтому никуда толком не попали, но камнепад устроили что надо. «Мессера» попытались проштурмовать наши позиции, но довольно бестолково. Мы отлежались под козырьком. Самолеты пожужжали и улетели. Но этим ничего не кончилось. Внизу захлопали минометы. Я с СВД пополз на левый фланг к одной из ячеек, которую заранее присмотрел. Позицию минометчиков обнаружил сразу. Часть ее просматривалась. Обнаружил край ящиков с минами и всадил несколько «бэзух» в них. Раздался довольно громкий взрыв. Но егеря уже начали подниматься вверх по склону. Перенес огонь на них, выскивая офицеров и унтеров, с их шмайзерами и пистолетами. Шести выстрелов хватило, чтобы оставить роту без командования. Пройдя метров сто, они залегли. Наши пулеметы молчали. В этот момент открыл огонь Валера. Я прокричал Ваню, чтобы он пулей летел к нему. Тот, пригнувшись, побежал направо. Спустя несколько минут он тоже включился в игру. Я неторопливо выцеливал головы, однако спустя несколько выстрелов увидел блеснувший прицел или бинокль чуть дальше от залегшей цепи. Перенес огонь туда. Попал или нет – не знаю, больше похоже, что просто напугал. Противник начал пятиться. Точный одиночный огонь здорово действует на нервы. Особенно в горах, где каждый выстрел многократно отражается и создает сильное эхо. Они начали отходить, я время от времени стрелял по наиболее умелым. Их сразу видно.

Подсчитали расход патронов, после этого снарядили Валеру вниз, за патронами. Даже так экономно нам надолго не хватит. Теперь Ваню сидел справа с немецкой снайперкой. Остальные лежали каждый в своей ячейке. Ближе к вечеру я и Матвейч пошли наверх закладывать взрывчатку. Нашли хороший каменный карниз, заложили оба ящика, я поставил радиовзрыватель, привязал место постановки к карте. Уже ночью спустились вниз. Распределили смены, свободные начали укладываться спать. У них даже спальников нет. Пришлось отдать коврик. Ваню очень заинтересовался оборудованием. Рассматривал титановые крючья, карабины, «рогатку», восхищался ледорубом. Он до самой смерти будет ходить в горы. Будет начальником горноспасательной службы этого района. И Ваню, и Матвейч не давали мне уснуть, расспрашивая в основном о себе. Потом Матвейч ушел на пост, сменив отца.

Тот задал только один вопрос: то, что сейчас происходит, похоже или не похоже на то, что тебе в детстве рассказывали?

– Не похоже. Ты не говорил о самолетах. Только о штормках. И бой за Клухор-баши длился двое суток. Вершина трижды переходила из рук в руки. От перевала вас отжали, и уже другой полк, сто двадцать первый, взял его назад, причем немцы отошли сами, когда убедились, что здесь технику вниз не спустить. На их картах эта дорога проходима. Сведения о ней у них 1912 года.

– Судя по всему, лейтенант, завтра здесь будет жарко. Стой, слышишь?

Снизу раздавался мерный цокот, но звук шел с юго-запада. Мы замолчали, прислушиваясь.

– Лейтенант, вы бы поспали чуток. Моя очередь на подвахту. Вам скоро заступать.

Через полтора часа меня толкнули.

– Время!

– Что с цокотом?

– Похоже, поднимается всадник или лошадь, но периодически пробиваются еще какие-то звуки. У немцев – тихо.

Я подхватил СВД и пошел на правый верхний пост.

– Стой!

– Свои! Смена.

– Поднимайся.

Сменил Матвеева. Бросил на дно ячейки матрасик, пристроился поудобнее. «Собака», самое сонное время. Поэтому надо быть внимательным. Положил одну ПР-40 перед собой. Звуков в ночи много, особенно снизу, вплоть до легкого храпа Ваню. Прошло около часа, и я услышал явственные звуки, что кто-то поднимается на Клухор-баши. Я повесил люстру. Так и есть. На стене две тройки. Успеваю даже подкорректировать прицел для стрельбы снизу вверх. Наступили тишина и темнота. После ракеты ничего не видно. Голоса снизу:

– Лейтенант, ты как?

– Порядок.

С другой стороны доносилась немецкая переключка. Но при свете ракеты никто на перевал не поднимался. Спустя час снизу, с юго-запада, появились два громадных светящихся зеленых глаза, и раздался мерный цокот копыт. Поднялся Валера, который привез патроны, продукты и одеяла. Меня сменили, я поел чуть теплой каши с мясом. Немного поговорил с Валерой, но он потом быстро уснул.

Главная новость была, что к нам поднимается свежий взвод.

Почувствовал чужую руку на плече, открыл глаза: отец.

– Внизу, у немцев, звуки моторов. Видимо, подкрепление прибыло. Вставайте, лейтенант.

Расстегиваю спальник и выбираюсь из него.

– Извини, вчера постеснялся спросить: мама моя где? С сорок первого писем не получаю.

– Шесть лет назад похоронили, а сейчас она под Ленинградом служит, воюет. Заряжающим зенитного орудия.

– На Ленфронте? Мы же только что оттуда! Я возле дома был, он разбомблен. Думал, что...

– Нет, все в порядке.

– Облачность стоит ниже нас, все скрывает. Могут незаметно подойти.

– Там россыпь каменная, тихо не смогут. Только по дороге, а я там пару ловушек поставил из минометных мин.

Тихонько переговариваясь, мы подошли к костру, у которого стоял горячий чайник. Я сделал себе кофе из сухая, а он налил себе чая. Кофе он никогда не пил. Он был самым опытным из всех, вторую войну тащит.

– Теперь мы удержимся. Плюс два пулемета и две снайперки, это как раз то, чего не хватало. А почему ты никого не оставил у закладки?

– Я ее отсюда взорву, по радио.

– У... Удобно. Пойду, подниму всех и сменю Валеру.

Атака началась в 9.30. На этот раз немцы начали без артподготовки, но их поддерживало три бронетранспортера, бивших из пулеметов. Но открытый пулемет против снайпера не играет. Ваню и я быстро их подавили. Немцы опять залегли и огрызались огнем. Но не отходили, что-то готовили. Скорее всего, пошли в обход справа, теперь поджидают удара сверху вниз. Но мы с Матвейчем и там поставили несколько растяжек. А с моего места плато хорошо просматривается и пристреляно. Так и есть! Вон они. Выходят на плато. Три тройки. Спешат, видимо, подзадержались на подъеме. Тявкнула 50-миллиметровая мина-ловушка. Отлично! Четверо свалились, теперь мой выход! Их ведь отстегнуть надо! Успеваю выстрелить 4 раза. Двое начали отползать обратно. Остальные лежат. Атаки сверху не будет. Переношу огонь вниз. «Эдельвейсы» еще немного полежали и тоже начали отходить. Ближе к двенадцати часам мы увидели поднимающийся взвод.

Прибывшее подкрепление ничего, кроме шума, из себя не представляет. Один «максим», два «дегтяря», автоматов нет, только винтовки. Ни одной снайперки. И очень горластый лей-

тенант Кравцов. А горы шума не любят. Через пятнадцать минут я не выдержал и подошел к нему.

– Лейтенант, если вы хотите сообщить противнику всю диспозицию, то удобнее и быстрее спуститься вниз и нарисовать. Что вы разорались на весь перевал, кому и куда? Что, считаете противника еще глупее себя? Так не бывает. Нас слушают, а ветер в ту сторону! Заткнитесь и постройте взвод.

После построения я подозвал командиров отделений и показал им общий план позиции. Раздал каждому план секторов обстрела для их отделений.

– Всем все понятно?

– Да, товарищ командир.

– Быстро и тихо занять позиции. Проверить на месте расположение каждого стрелка. По исполнению – доложить.

Взвод рассыпался по склону, зазвучали удары МСЛ по камням, начали создавать ячейки. А мы с Кравцовым отошли к костру.

– Давно взводом командуешь?

– Третью неделю. Я студент-нефтяник из Баку. В Тбилиси закончил курсы командиров.

– Понятно. Попей чайку. Что так долго поднимались?

– Две лошади расковались, захромали, пришлось перевьючивать.

– Эти вещи проверяются перед маршем. Иначе провалите марш. Будете находиться на правом фланге, помогать сержанту Найтову. Командовать будет он. У него опыта побольше, а вы пока поучитесь у него. Без обид?

– Конечно! Я в бою еще не был.

– Вот и славненько.

Подоспели они вовремя. К немцам подошли танки. Четыре штуки, «тройки». Я прошелся вдоль линии обороны, кое-кого передвинул с учетом возможного артобстрела, прикрыв их валунами и объяснив, как действовать и когда выдвигаться на основную позицию. Большинство людей готовилось принимать свой первый в жизни бой. Подносчики разносили противотанковые гранаты и бутылки КС. Зная историю боев за перевалы, я всерьез рассчитывал ослабить давление на действительно танкоопасных направлениях, где лишь мужество наших бойцов позволило предотвратить прорыв немцев через них. Здесь, на Клухоре, их танки заведомо не могли спуститься вниз. Дорога разрушена, и с 1916 года не использовалась. Притягивая сюда силы 49-го горнострелкового корпуса немцев, мы бы решили в первую очередь проблему прорывов на других участках. Вслед за взводом Кравцова подошли радисты, и у нас появилась связь с полком и дивизией. Полковник Евстигнеев, командир девятой ГСД, вышел на связь и запросил обстановку. В ответной радиограмме мы дали ее, состояние дороги и сообщили, что считаем это направление не танкоопасным. Тем не менее противник совершает ошибку, накапливая именно здесь танковые силы. Постараемся связать их боем, но имеем мало противотанковых средств, взрывчатки, мин и другого саперного обеспечения. Через полчаса пришел ответ: «Штаб фронта приказал имеющимися средствами полностью заблокировать дорогу. Возможности выделить дополнительные средства не имеем». Тем временем облачность поднялась, позиции противника стали видны как на ладони. Матвеев, который вел наблюдение, отметил уход трех групп противника: две пошли обходить нас справа, одна – слева. А альпинистов у меня – четыре человека. Пришлось ослабить фронт, но перебросить четыре человека держать плато слева и пять человек на Клухор-баши. Через час с Клухор-баши началась стрельба. Связи с группой не было, но через полчаса огонь прекратился. Немцы, поняв, что их план провалился, атаковали нас в лоб. Когда танки вошли в сектор, я подорвал карниз. Два танка засыпало, один остался перед обвалом, еще один за ним. Танк не стрелял, башня была повернута в сторону. Из него выскочило несколько человек, которых срезали выстрелами. Пять

бойцов и я рванулись к нему. Несколько крупных камней попало по башне, наводчика убило самопроизвольно выстрелившим орудием. Его труп лежал внутри с разбитым лицом. Я сел в танк на место механика и погнал его по тропе к нам. К сожалению, башня соскочила с погона, и использовать танк не было возможности. Тем не менее это здорово воодушевило бойцов.

После завала характер боев изменился. Немцы создали наблюдательный пункт на горе Чотча и оттуда корректировали огонь гаубичной батареи. Оставив небольшой заслон, немцы прекратили атаки, но методично обстреливали перевал и минировали подступы к своим позициям. Всякий интерес к нему они потеряли. Из штаба полка пришел приказ группе альпинистов спуститься с перевала. Я пошел с ними.

Глава II

Штаб полка находился в Южном приюте, топтать довольно далеко, но одну из лошадей выдавали непосредственно группе, поэтому снаряжение завьючили на нее. Ее вел в поводу Валерий, который лишь изредка останавливался, чтобы скрутить очередную самокрутку. Часам к девяти вечера, уже в темноте, дошли до приюта. Майор Гришин уставился на меня как баран на новые ворота. Я попросил вызвать начальника Особого отдела. Вошел немолодой капитан с характерными чертами местного жителя Кавказа: либо адыг, либо ларец. Ему я предъявил свое удостоверение личности, но не в присутствии всех, а у него в палатке. Он долго вчитывался в документ, но ничего не понял.

– У вас здесь ошибка на ошибке сидит и ошибкой погоняет! – проворчал он.

– Вы не могли бы сообщить об этих ошибках начальнику Особого отдела фронта, минуя непосредственное руководство. Или отвезти меня к нему.

Он сидел и несколько минут думал. Взялся за трубку, снял ее и положил обратно.

– Давайте, мы пройдем к нашим вещам, я вам еще кое-что покажу.

С этим он согласился. При свете моего фонарика я показал ему ПК и СВД и год выпуска оружия. Тут до него дошло!

– Что ж вы все тут бросили, немедленно несите это ко мне! Давайте я вам помогу.

Совсем другой разговор. Спустя некоторое время мы, уже вшестером, но на лошадях, двинулись вниз в Сухум. По дороге нам навстречу попала машина, которая затормозила возле нас. Из нее выскочил лейтенант в фуражке с малиновым околышем. О чем-то пошептался с капитаном. После этого тот отвел отца в сторону и начал шептаться с ним. После этого Валера забрал всех коней и поехал с ними обратно – «шахматисту», как его называли в группе из-за разряда по шахматам, не повезло. Всех посадили в кузов, меня в кабину. По дороге лейтенант ни о чем не разговаривал. Я клевал носом и лишь время от времени поглядывал на дорогу. Наконец правый поворот с видом на море, КПП, лейтенант предъявил документы, нас пропустили без проверки. Привезли в школу на улице Фрунзе. Там находился Особый отдел 46-й армии. Начался самый обыкновенный допрос, который длился несколько дней и ночей. На вопросы, не связанные с моим пребыванием на подчиненной армии территории, я отвечать отказался. Только о том, что я делал эти пять дней на Клухоре. Это могли подтвердить люди, участвовавшие в боях. О происхождении «вещественных доказательств», чем стало мое оружие и снаряжение, я отвечать отказался. Только потребовал передать в Москву с пометкой «воздух» информацию об этом. Из воспоминаний наших генералов, мне было известно, что такие сообщения шли только к НЕМУ. То, что я знаю этот «государственный секрет», окончательно испортило мои отношения со следователем, и он попытался меня ударить, наивный индеец. Оказался прижатым к собственному столу, с рукой, взятой на болевую.

– Дурак, у тебя был шанс, ты его использовать не захотел! Если со мной что-нибудь произойдет, Лаврентий Павлович из тебя колбасу сделает!

– Я нэ ем колбасу из человечины! Что здесь происходит! Отпустите его!

Я отпустил майора, встал и представился:

– Лейтенант Найтов, войска Специального Назначения ГРУ Генштаба Вооруженных Сил СССР.

– Садитэс, лэйтенант! Увэсти! – сказал он, показав пальцем на следователя.

В дверь вошли два высоких лейтенанта, один протянул руку к майору. Тот расстегнул кобуру и передал пистолет лейтенанту. Все трое вышли. Берия обошел стол, поднял мое дело и вытащил из конверта все документы. Внимательно просмотрел их. Особенно его заинтересовал партбилет. Он долго рассматривал его под косым светом. Нажал на кнопку звонка. Вошел один из лейтенантов.

– Принэсите вэщественные доказатэлства.

Когда их внесли, он осмотрел оружие и снаряжение, номера, пощупал материал, покрутил в руках радиостанцию, плоскую коробочку японского кассетника.

– Унэсите в мою машину и усилтэ охрану. – После этого он повернулся ко мне и мягко сказал: – Убэдительно. Давайтэ знакомиться. Я – нарком внутрэнних дэл Бэрия, Лаврэнтий Павлович. Кажэтся, вы хотели имэнно мнэ рассказат, как это все оказалось в этом кабинэте.

– Так точно, товарищ маршал.

– Я нэ маршал, ви ошибаетесь. Но это не важно. Начните по порядку.

Он внимательно выслушал меня. Его круглое лицо не выказывало никаких эмоций. Несколько раз он поправлял пенсне.

– С этим понятно. А какие боевые задачи вы выполняли в Афганистане?

– В основном, нашей задачей была разведка баз противника, привязка их координат, скрытая установка радиолокационных отражателей и приводов с целью наводки на эти базы фронтовой и армейской авиации. Советский контингент уже полгода находится в этом районе по просьбе правительства этой страны.

– Понятно. Война?

– Да, гражданская война при активной помощи Китая, Пакистана и немного Америки. Но последнее время помощь со стороны американцев значительно возросла. Америка провозгласила это. Пытается нам сорвать проведение первых Олимпийских игр в Москве.

Тут Берия сделал движение, характерное для выключения какого-нибудь прибора.

– У вас на документах нэт ни одного упоминания о товарище Сталинэ. Он проиграл эту войну?

– Товарищ маршал, включите магнитофон. И повторите этот вопрос. Мне кажется, что это важно.

Он усмехнулся, открыл ящик стола, и было слышно, что он включил магнитофон. Он повторил вопрос.

– Нет, товарищ маршал, товарищ Сталин выиграл эту войну! Она закончилась девятого мая сорок пятого года безоговорочной капитуляцией Германии. Но после его смерти власть перешла к Хрущеву, который приказал расстрелять маршала Берия и обвинил товарища Сталина в узурпации власти, создании культа личности и массовых репрессиях. Тело Сталина было вынесено из Мавзолея на Красной площади. Вас, товарищ маршал, расстреляли по приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР 23 декабря 1953 года. В день вынесения приговора, вы были расстреляны лично генералом П. Ф. Батицким. Место, где вы похоронены, никому не известно.

– А почему вы все время называете меня маршалом? Я – Генеральный комиссар госбезопасности.

– Ваше последнее воинское звание: маршал Советского Союза.

Он спросил, хорошо ли я знаю историю этой войны, и, получив утвердительный ответ, начал расспрашивать меня о текущих событиях. Часа через четыре я попросил его принести из машины мою аптечку, так как несколько суток не спал и могу что-то напутать.

– А там что?

– Стимулятор. Подстегивает и не дает уснуть.

– Нет, это слишком ценное средство! Не стоит его так расходовать. Нам проще дать вам отдохнуть. И вообще, имея такие сведения, лейтенант, вы вели себя неосторожно. Вас бы уже убили, если бы не приехал я.

Я улыбнулся и слегка отрицательно покачал головой.

– Я – военный диверсант первого класса с 1974 года. Мне надоел этот бессмысленный допрос, и я решил уходить. Совать мне руку несколько опасно, все равно что сунуть её в мешок с кобрами.

– Но вы же только начали, а я и мои люди вошли в кабинет. Вы бы не успели!

– Товарищ маршал, вы очень правильно построили первую фразу: сразу представились. Иначе... – Я поднял из-за стола левую руку и разжал кулак.

– Что это? – спросил он, разглядывая маленькую трубочку.

– Подарок из Никарагуа. Заряжена иглой кактуса с ядом тропической лягушки. Вызывает мгновенный паралич всех мышц. Ваше тело перекрыло бы сектор обстрела вашим лейтенантам. И у них не было бы ни одного шанса. Ствол майора был в ноль-двух секундах от меня. И я только выгляжу безоружным и беззащитным. У меня сейчас шесть единиц метательного холодного оружия и американский бронежилет, держащий пистолетную пулю. Я бы ушел, забрав снаряжение и документы.

– Вот стервец! Приятно разговаривать с профессионалом! Сейчас на аэродром и срочно летим в Тбилиси, в штаб фронта. Эти сведения надо немедленно передать на фронты и в Ставку.

Поспать мне действительно дали. Но перед этим я попросил генерального комиссара отдать мне хотя бы «стечкина».

– Я без оружия чувствую себя голым.

Он несколько секунд подумал.

– Такой устроит? – спросил он, передавая мне кобур-маузер номер один. – Знаешь? Пользоваться умеешь?

– С детства. Оружие моего деда.

– А он где?

– Погиб под Ошем, в тридцать третьем. У него был такой маузер, хранился у нас дома.

– А твой пистолет надо передать нашим конструкторам. Интересная модель.

В штабе Южного фронта мы встретились с маршалом Буденным. Что меня поразило, так это то, что Берия извинился перед ним за критику в его адрес.

– Семен Михайлович, я вчера вспылел, сами понимаете, когда три дня минируешь и взрываешь нефтевышки под Грозным, причем это приказ Верховного, а порядка на фронте маловато, то поневоле взбесишься. Продолжайте исполнять свои обязанности. Тут от противника вышел наш разведчик. Познакомьтесь с тем, что он видел у немцев. Давайте карту.

Я сидел, поднимал карту, а двое маршалов тихонько переругивались между собой. Когда я сказал: «Готово!» – оба уткнулись в нее.

– Где группа Клейста?

– Вот здесь. Они планируют нащупать перевал, где можно форсировать Большой Кавказский хребет.

– А группа Гота?

– Здесь, у Нальчика. Попытаются захватить вот эту переправу: двести четыре танка, триста орудий и пехота. Начнут одиннадцатого августа.

– Разведка! Тебе цены нет! – сказал усатый маршал и вытер лицо двумя руками. – Лаврентий Пальч! Не беспокойся! Встретим. И Хозяину скажи.

– Все, лейтенант. Времени больше нет. Летим дальше!

Опять Ли-2, или как они тут называются. Сваленные чехлы под заваленными сиденьями. Берия сидит у самой кабины и контролирует летчиков и пространство вокруг самолета. Несмотря на шесть истребителей прикрытия, видно, что он расслабиться не может. Нет. Встал и пошел ко мне, когда увидел, что я проснулся.

– Как тебе Семен Михайлович? – Было отчетливо слышно «тебе»!

– Нормально, Лаврентий Павлович. Он владеет ситуацией. А вообще, никогда себе не представлял, что буду докладывать непосредственно ему.

Берия заулыбался.

– Тридцать третий год... В том году погиб один из комиссаров ОГПУ, фамилию не помню... Василий Николаевич, точно. Северо-Восточное Туркестанское управление. Он? – спросил Берия.

– Имя-отчество – совпадает. Звания и должности не знаю. ЧОНОм командовал.

– Он! А вы почему с отцом по другой линии пошли? Он ведь чекист.

– Я выбирал свободно, что хотел, а отца не приняли в летное училище перед войной из-за происхождения. Кстати, товарищ Нарком! Я обратил внимание, что в тех местах, где я появляюсь, идет резкое изменение предыдущей истории: Клухор-баши мы взяли один раз, сорвали немцам два восхождения на нее, немцы пытались отбомбиться по Клухору. Тысяча триста двадцать девятый полк удержал перевал. Сто двадцать первый полк к перевалу не поднимался и не отбивал его у противника. Отец не был ранен на перевале и не улетел в Алма-Ату и Арысь. Если ему целенаправленно не помочь, то генералом ВВС он уже никогда не станет.

– Ты думаешь? Хотя что-то в этом есть.

Сели в Астрахани. На борт подсел какой-то трехзвездный генерал. Лицо знакомое, но вспомнить его не могу. Я успокоился и уснул. Спустя некоторое время я проснулся и увидел, что генерала перебинтовывают. Чуть ниже правой лопатки у него ранение. Я заметил жест Берии, который означал: «Подойди сюда!»

Начал отвечать на заданные вопросы по Сталинградскому сражению. Особенно я подчеркнул форсирование Дона в районе Крыловатки и подвиг зенитчиц Сталинградского фронта. До 19 и 23 августа оставалось около десяти дней. Прилетев в Сталинград, Берия снял Гордова, которого он действительно нашел пьяным на окраине Сталинграда с какой-то военврачихой в постели. Их расстреляли прямо возле дома. Командующим фронтом стал генерал Рокоссовский, прилетевший вместе с нами. В Сталинграде мы тоже не задержались, тем более что с Рокоссовским говорили и в самолете, и в штабе довольно долго. В Москве меня поселили за городом на какой-то даче. Довольно комфортабельно, покормили.

– Лаврентий, проходи. Что там на юге? Все успели взорвать? Кто вместо Буденного?

– Буденный. Он хорошо справляется. Наступление противника в основном сорвано. Фронт закрепился на естественных рубежах обороны. Я снял и расстрелял Гордова, вместо него – Рокоссовский.

– Он же ранен!

– Он согласился принять командование фронтом.

– Ты понимаешь свою меру ответственности, Лаврентий? Положение у нас катастрофическое, гораздо хуже, чем было под Москвой в прошлом году. На что ты надеешься?

– На историю, Коба. Подожди! – Он прошел к двери кабинета и открыл дверь. – Заносите!

Два чекиста пронесли в кабинет несколько предметов, завернутых в мешковину, и положили все на стол. Начали распаковывать, но Берия их остановил.

– Все, спасибо, вы свободны. – И сам начал распаковывать и раскладывать предметы: пулемет, снайперскую винтовку, гранатомет, мину направленного действия, радиовзрыватели и остальное.

Сталин заинтересованно подошел к столу и в первую очередь взял в руки пулемет.

– Откуда это?

– Из Афганистана, из 1980 года, Коба. Оттуда вышел человек, наш, советский. Вот его документы. Ты на партбилет посмотри: все тайные знаки на месте, порядок не перепутан, добавлено три новых знака. Три раза меняли партбилеты, но – это НАША ПАРТИЯ!

Сталин начал рассматривать партбилет под косым углом. Да, постановление 1925 года, зафиксировавшее эти знаки, исполнялось в 1974 году, в год выдачи этого партбилета.

– Что этот человек сказал об этой войне?

– Мы ее выиграли, Коба! Он военный, войсковая разведка. Грамотен, обладает хорошей, я бы даже сказал, очень хорошей памятью. Профессионал. Дал ценные сведения по положению на всех фронтах. Поэтому я и оставил Буденного на месте: военные историки мира признают, что отступление Южного фронта, проведенное им, это шедевр маневренной войны. Он сумел отойти, потрепать противника, растянуть его коммуникации и закрепиться на естественных рубежах обороны. Дальше немцы не пройдут на том участке. А вот Тюленев себя проявил как нерешительный и безынициативный комфронта, который сорвал «Большой Сатурн».

– Какой «Большой Сатурн»?

Берия вынул из планшета карту.

– Вот операции, которые будут проходить в этом и следующем году. Вот «Большой Сатурн». Он провалился из-за действий Закавказского и Северо-кавказского фронта.

– Где этот человек, Лаврентий?

– В Момино.

– Привези его ко мне, вечером. Все это поставь вон туда, в шкаф. И до вечера.

Когда Берия вышел, Сталин сказал Поскребышеву, что занят, подошел к шкафу и вытащил из него пулемет. Легкий, меньше 8 килограммов, с ленточным питанием и сошками. Сталин поднял крышку и посмотрел вовнутрь. Отбросил в сторону ленту и закрыл крышку. Поднял пулемет к плечу, даже с его не очень хорошо работающей рукой это оказалось совсем нетрудно. Оптический прицел. Нет, сейчас это – лишнее. Покрутив его еще немного в руках, поставил на место и взял в руки винтовку. Отсоединил магазин: стандартный винтовочный патрон, сдвинул предохранитель и оттянул затвор, отпустил, затвор глухо щелкнул, Сталин вскинул винтовку и прицелился через окно. Тоже очень удобная и легкая винтовка. Сухо щелкнул спуск. Сталин присоединил магазин. Несомненно, нужно копировать и запускать в производство. «А это что?» – подумал он, подняв легкую, слегка изогнутую, явно пластмассовую вещичку. На одной стороне было написано «к противнику». Крутить ее в руках он не стал, аккуратно поставил на место. С таким же интересом осмотрел пистолет в пластмассовой кобуре. Он ему не понравился: слишком тяжелый для него. Тем не менее большое количество патронов в магазине – это удобно в бою в городе и стесненных условиях. Патроны ему были незнакомы. Дослав магазин на место, Сталин вложил пистолет в кобуру и еще раз взял в руки партбилет. Что-то насторожило его в нем. Да, вот что! Нигде он не увидел ставший уже привычным собственный профиль. «Если он говорит, что мы выиграли эту войну, то почему снят мой профиль? Странно!» Он взял пакет с личными вещами неизвестного разведчика и пошел к столу. Неторопливо набил трубку и прикурил. Так, что здесь: газета «Правда» за 21 июля 1980 года. Станный орден, он достал лупу: Октябрьская революция. На первой странице: открытие Олимпийских игр в Москве, странного вида пузатый медвежонок, победа в стартовом матче чемпионата по футболу: СССР-Венесуэла – 4:0, прыжки в длину: золото и серебро у СССР. В борьбе победил Вахтанг Благодзе из Грузии. На пятой странице мировые новости. Странно, если он говорит, что идет война, то почему в газете об этом ни одного слова? Они что, не понимают, что это сплачивает народ? Так, это что? Фотографии. Это, видимо, он сам, какой-то странного вида парашют, незнакомые танки и машины. Огромный толстопузый самолет без винтов, из которого выезжают танки. Фотографий немного. Это что? Он вздрогнул, когда неожиданно открылась крышка кейса. Внутри лежала еще одна коробочка. Захлопнув крышку, он отложил в сторону незнакомый прибор. Пластмассовый карандаш с металлическим грифелем. Провел им по бумаге и попытался стереть появившуюся черту. Не стирается, это – ручка. Покрутил в руках, отложил в сторону, взял опять фотографию и внимательно рассмотрел лицо. Он считал себя хорошим физиономистом. Лицо ему понравилось, даже несмотря на большой шрам, пересекавший его. Отодвинув от себя вещи, Сталин раскурил погасшую трубку. «Это знак! Знак свыше! И его надо использовать! На все сто. Этот человек знает многое и может повлиять на весь ход войны. Интересно, как он сюда попал? А вдруг

удастся попасть обратно и получить помощь от СССР восьмидесятого? Зря я сказал, чтобы его привезли вечером. Надо немедленно с ним поговорить». Он снял трубку и попросил соединить его с Берия.

– Лаврентий, я передумал. Привези его сейчас! – и положил трубку.

Я вышел из душа посвежевшим и чисто выбритым. Куда-то надо повесить выстиранную гимнастерку. Я вышел из комнаты, напротив сидел сержант. Он встал и спросил:

– Вам что-нибудь требуется?

– Где можно повесить и просушить гимнастерку?

– Давайте, я сейчас распоряжусь об этом. А вас просили не выходить из комнаты.

«Блин, как под арестом! Впрочем, это, скорее всего, и есть арест, а я теперь – подопытный кролик! Фиг с ним. Потерпим». Отдав постирушки сержанту, вернулся в комнату, открыл окно и закурил. Все, кроме гимнастерки, брюк и кроссовок у меня забрали. Хорошо, что оставили сигареты и одну зажигалку. Время тянулось мучительно медленно. В дверь постучали.

– Войдите!

– Вас просили быть готовым к выезду.

– Мне нужна моя гимнастерка, утюг и чистый подворотничок.

– Одну минуту.

Оба на! А я таким утюгом пользоваться не умею! Пришлось сказать об этом лейтенанту госбезопасности. Он странно посмотрел на меня, но, вышел в коридор, и, через минуту, вместе с ним вошла женщина, которая быстро отпарила и просушила гимнастерку, и, так же быстро, пришила подворотничок, с интересом рассматривая полевые погоны.

– Мне еще сапоги нужны, сорок второй размер.

Принесли сапоги, а я прикрутил на место Красную Звездочку. В комнату вошел Берия.

– О, на человека стал похож. Поехали!

Насколько я ориентируюсь, мы где-то в Монино, недалеко от аэродрома. Едем в Москву, в центр.

– Вас вызывает товарищ Сталин. Обращайтесь к нему только так, пожалуйста.

Мы вошли в кабинет, я никогда не был в этом дворце Кремля и с интересом его рассматривал. Кабинет Сталина особого впечатления не произвел: длинный, т-образный стол, развешенные карты Европы и Европейской зоны СССР. Отмечены фронты. Даже представляться не пришлось!

– Здравствуйте, товарищ Найтов!

– Здравия желаю, товарищ Сталин.

На столе разложено мое снаряжение. Даже камуфляж, все, до последней мелочи. Кроме духовых трубок. Так как на столе стоял и диктофон, я понял, что Сталин прослушал запись моего допроса Берией.

– Товарищ Найтов, вы знаете, кто изобрел это оружие и где оно производится?

– Да, конечно. Это пулемет Калашникова модернизированный, образца шестьдесят восьмого года. Калашников сейчас сержант и служит на каком-то танковом полигоне под Москвой. Кроме этого пулемета, вся армия вооружена его автоматами и пулеметами калибра 5,45 мм, до этого его же автоматами 7,62 мм. Все это оружие считается лучшим и самым безотказным в мире. Это – снайперская винтовка Драгунова, он служит сейчас в Приморском крае оружейным мастером. Пулемет и винтовка сделаны на Ижевском оружейном заводе. Автоматический пистолет Стечкина сделан на Тульском оружейном заводе. Создан там же. Конструктор Стечкин должен быть на заводе. Это управляемая противопехотная мина МОН-50. Это вот – прицел, позволяющий навести ее на цель. Это – два отверстия для взрывателей. Используется или с радиовзрывателем, или с обычным. Внутри – картечь и взрывчатка. У нас изготавливается четыре вида таких мин. «Пятьдесят» – это дальность разлета осколков. Одна такая мина может

уничтожить взвод. Очень проста в изготовлении и очень эффективна в обороне и на отходе. Ну и для засад хорошо использовать.

– Что значит управляемая?

– Ее подрыв осуществляет человек, который приводит ее в действие, когда в створе действия мины находится противник. Или когда противник сам приводит ее в действие, задевая растяжку или датчик объема. Датчиков объема у меня с собой нет. Только радиовзрыватели. Вот, девять штук осталось. Вот, можете посмотреть, сами взрыватели отдельно. Они и сейчас у вас выпускаются. Не менялись. Это ручной одноразовый противотанковый гранатомет РПГ-18 «Муха». К сожалению, он только один, и его нельзя раздвигать. Вот тут, сбоку, инструкция по использованию. Несмотря на небольшой вес, стреляет на двести метров и пробивает стапятидесятимиллиметровую броню.

– Зачем так много?

– Скоро под Ленинградом будет захвачен новый немецкий танк «Тигр». Он имеет толщину брони сто миллиметров. Будут и еще более тяжелые танки – до двухсот миллиметров.

– Да, такой танк мы уже захватили. Но пока не можем его доставить на полигон.

– Насколько я помню, все компоненты для подобных гранатометов уже существуют, кроме пьезоэлектрического головодонного взрывателя. Так что необходимо его извлечь и сделать такой же.

– Как он устроен, вы знаете?

– Да. Кремниевый кристалл, закрытый алюминиевым колпачком, от него идут два провода к электровзрывателю. Тот же принцип, что и в проигрывателе грампластинок, только монокристалл большой. Где-то десять на десять миллиметров.

Еще немного поговорили об оружии и о моем образовании. Сталин обрадовался, что по основной специальности я – инженер-электромеханик по системам наведения крылатых ракет морского базирования.

– Инженеров у нас очень не хватает!

Дальше он перевел разговор о положении на фронтах, пришлось вкратце рассказывать весь ход Великой Отечественной войны. Он что-то записывал в блокноте. Очень удивился, узнав о предательстве Власова. Нервно раскурил трубку. Но после этого он внезапно перешел, видимо, к основной части разговора. Был задан вопрос о сегодняшнем руководстве СССР. Из всех перечисленных мной он знал только Косыгина, Устинова, Черненко, Пельше, Сулова и Громыко. Затем попросил меня рассказать о «переходе».

– Товарищ Сталин, я сам не понял, как это произошло. Яркий свет, в пещере несколько темно-вато было. А потом сразу же пришлось вступить в бой.

– А вы не пробовали вернуться назад?

– Нет. Я, честно говоря, не знал, как выбраться из того района. До ближайшего нашего поста почти двести километров. Район контролируется людьми Ахмад Шах Масуда. Только если идти к нашей границе...

– Покажите на карте: где это место!

Я показал.

– Кто такой Ахмад Шах Масуд?

– Афганский полевой командир. Примерно моего возраста. Контролирует несколько рудников с лазуритом и изумрудами и несколько лабораторий по переработке опиума-сырца в героин.

– Сколько у него дивизий?

– Нет у него никаких дивизий, товарищ Сталин. Ополчение, что-то типа партизанского отряда. Днем – мирные, ночью – стреляют. Но неплохо вооружены, китайцы и пакистанцы постарались. И склады армейские почистили. В том районе проживает примерно полтора-два миллиона человек. Население его поддерживает.

– А вы туда как попали?

– На вертолете. – Видя, что Сталин не понял термина, я назвал его «геликоптером». – Взлетает и садится вертикально или с небольшого разбега.

– Мы бы хотели установить связь с руководством Советского Союза. Если это принципиально возможно, товарищ Найтов. Как вы думаете, это может быть осуществлено?

– Не знаю, товарищ Сталин. Но в «треугольник» никто из руководства не полетит. Это точно. Там стреляют. Хотя мне бы хотелось вернуться туда и похоронить то, что осталось от моей группы.

– Сначала вам нужно помочь нам здесь, а мы подумаем, как сделать так, чтобы у вашего руководства возникло желание сотрудничать с нами.

Далее пошли вопросы по тем самолетам, фотографии которых были у меня в кармане. Разговор плавно перетек к ядерному оружию, ракетам, электронике, средствам навигации и управления. Узнав, что я знаком со спецбоеприпасами, Сталин тут же дал указание подключить меня к группе Келдыша.

– И вообще, товарищ Берия, вы у нас курируете оборонную промышленность, поэтому постарайтесь извлечь из этого случая максимальную пользу. И продумайте, кого дополнительно подключить к операции «Горный стрелок».

После этого Сталин поинтересовался ситуацией с теперешними союзниками СССР. Разговор получился долгий, закончился он глубоко за полночь. Ни одного человека, кроме Берии, Сталин к разговору не подключил. Берия отвез меня обратно в Монино. Судя по тону разговора, он был очень доволен произошедшим. Все мои вещи погрузили в эту же машину, но в Монино их не выгрузили. Мне было сказано, что подъем в десять, в 10.30 за мной заедет машина.

Глава III

Утро началось с переодевания в форму РККА. Наша полевая мабута гораздо удобнее, но назвался груздем – полезай в кузов! Едем в Москву, вместо Берии какой-то немолодой офицер с ромбом на петлице, неразговорчивый, не представился, звания я не различаю. Не армейские. Приехали на Лубянку, там я сдал маузер, принимавший его офицер удивленно посмотрел на меня и на пистолет.

– Это ваше оружие?

– Нет, наркома Берии. Он мне его дал.

Офицер еще раз внимательно меня осмотрел, но выдал номерок, который я сунул в карман. Меня провели в какое-то помещение на втором этаже. Там попросили подождать. Спустя несколько минут попросили пройти в кабинет, в котором находился довольно крупный человек с зачесанными назад волосами. Я представился так, как мне сказал представляться Берия:

– Лейтенант Горский.

– Входите, Найтов, входите. Комиссар госбезопасности второго ранга Меркулов, Всеволод Николаевич, первый заместитель наркома внутренних дел. Присаживайтесь. Мне поручено легализовать вас в СССР, оформить формы допуска. Кроме того, так как в моем ведении находятся некоторые аспекты вашей будущей деятельности, то у меня есть к вам вопросы, к которым мы вернемся чуть погодя, после оформления соответствующих бумаг. Вы знакомы с правилами допуска к государственным и военным секретам?

– Да, я имел допуск формы «два» «Совершенно секретно».

– Этого недостаточно. Вот, пожалуйста, прочтите, это форма «ноль» «Особой Государственной Важности». Прочтите, заполните собственноручно и распишитесь. Вон там вон! – И он указал на стол, стоящий у входа.

Мда, ничего себе, формочка! Больше всего понравилось, что с момента подписания я не подлежу судебной и иной ответственности в иной форме, только через институт Специального судебного присутствия Верховного суда СССР. И только на закрытых слушаниях. Особенно памятуя о том, кто вынес приговор Берии. Подписал.

– Готово? Теперь такую же, но на вот это имя и вот эти документы. – Он передал мне достаточно помятое удостоверение личности на имя Горского Андрея Петровича, 1916 года рождения, майора ГБ. – Под этими документами вы будете проходить дальнейшую службу. Учтите, это – высший начальствующий состав НКВД. Мы вынуждены пойти на эту меру, чтобы вы всегда и везде могли находиться с оружием, кроме одного кабинета во всей стране. – Он выразительно показал пальцем наверх.

После того как я заполнил и вторую форму «0», и расписался в удостоверении личности, Меркулов продолжил «беседу».

– Для всех вы только что вернулись из некоей командировки, в СССР не работали, так как многих реалий вы не знаете, ваш лексикон значительно отличается от местного. Уточнять место и вид деятельности не требуется. По линии НКВД. Этого достаточно. Вот здесь вот, на третьей странице, стоит отметка об уровне вашего доступа. Если возникнет проблема, то предъявляете это удостоверение, этого будет достаточно. Кроме того, при вас будет постоянно находиться наша охрана, но, сами понимаете, она не всесильна и очень многое будет зависеть лично от вас. Вот здесь вот – ваша официальная легенда. Выучите, пожалуйста, из этого кабинета ее не выносить. Мы максимально приблизили ее к вашей собственной биографии, поэтому это будет несложно. Если вам не мешают мои вопросы, то я могу продолжить.

– Да, конечно.

– В настоящее время по проекту «РДС» самый больной вопрос – это отсутствие делящихся материалов. Как в СССР решался этот вопрос, ведь основные месторождения урана находятся в Африке?

– СССР занимает второе место в мире по запасам урана после Австралии. Основные месторождения находятся в Узбекистане, Казахстане, Читинской области. Всех не знаю, допуска не имел, но четыре крупных могу показать на карте. Жил рядом. Вот в Алма-атинской области, всего сорок пять километров от железной дороги, вот в Узбекистане, здесь до дороги подальше, но месторождение крупнее. Кстати, вот тут золото! Очень много, крупнейшее в мире месторождение. А это вот уран под Читой. Еще есть на Мангышлаке, но там дорог нет.

– Отлично! А что еще открыли в СССР после войны?

– Нефть и газ в междуречье Волги и Урала, в Тюменской области, в Узбекистане, Казахстане, Туркмении. Первое место по газу и второе место по нефти в мире. Алмазы в Якутии на Вилюе. Вот здесь. Искать их надо по красным пиропам.

Меркулов, увидев метки на карте, схватил трубку телефона. Через несколько минут в кабинете появился Берия. Пошли вопросы по всей таблице Менделеева. В конце концов я не выдержал и сказал, что, к сожалению, я не геолог, поэтому мои познания в этой области довольно ограничены. Берия забрал карту и вышел из кабинета. А мне пришлось вспоминать все, что я помнил об американском проекте «Манхеттен». Хорошо, что в СССР были изданы книги Лоуренса и Гровса, а я в детстве увлекался физикой, в первую очередь ядерной, и в горы ходил в группе, где основной специальностью у всех была именно ядерная физика. Меркулова в основном интересовало положение на начальном этапе исследований.

– Где они взяли делящиеся материалы?

– В Нью-Йорке, их туда привез бельгиец из Бельгийского Конго. До середины сентября 1942 года они находились на складе в порту на острове Стэйтон Айленд и даже не охранялись. Около тысячи двухсот тонн урановой руды в двух тысячах стальных бочках. Фамилия теперешнего владельца – Сенжье.

– Не охраняются? В порту? Замечательно!

– После этого США выкупили у Сенжье затопленную шахту и вывезли оттуда еще урановой смолки на три тысячи тонн. Больше там ничего не было.

– Отлично! Время у нас еще есть!

– Да, еще. В конце войны какой-то наш шифровальщик из посольства в Оттаве «слил» всю нашу сеть в США. Фамилию не помню, но украинец. В том числе тех, кто работал по проекту «Манхеттен».

– Проверим. То, что шифровальщик, – точно?

– Да. На «-ко» фамилия заканчивалась. Три слога. Извините, не помню.

Всеволод Николаевич снял телефон и запросил списки шифровальщиков в посольствах. И продолжил беседу.

– В каком году американцы получили атомную бомбу?

– В июле сорок пятого года, взорвали ее на полигоне в Аламо-Гордо, штат Невада, а затем в начале августа взорвали урановую бомбу над Хиросимой, а через четыре дня уже настоящую плутониевую над Нагасаки.

– То есть вы хотите сказать, что бомб две? По типу?

– Атомных – две: урановая и плутониевая. Практическое значение имеют только плутониевые бомбы. Урановые оказались тупиком: дорого и грязно. Большие отходы и меньшая мощность. Но основное значение имеют термоядерные боеголовки на основе синтеза трития. Они мощнее, но для синтеза требуется ядерный детонатор.

– Мне сказали, что вы изучали атомное оружие?

– Да, но уже второе и третье поколение его. Боевые части ракетного оружия. У нас пока нет таких электронных приборов. Через первый этап не перепрыгнуть. Принцип – похож, а

исполнение совсем другое: совершенно другие давления и температуры в момент имплозивного взрыва. Поэтому при меньшем весе дают высокую мощность, в третьем поколении меняется и характер излучения, вместо гамма-излучения преобладает нейтронное. Сам взрыв имеет маленькую мощность, но живая сила получает огромные дозы облучения. В общем, это на теперешнем этапе пока недоступные технологии.

– То есть ураном можно не заниматься?

– Нет, вы немного недопоняли! Он необходим для реакторов, для ТВЭЛов, без обогащенного урана невозможно создать реактор-накопитель, в котором получают плутоний из урана-238, благодаря этому экономятся огромные деньги. 238-го много, а 235 – мало, и он дорогой. Плутоний – дешевле, но получается только искусственно. Это две взаимосвязанные вещи. Одного без другого не получить.

– Теперь понял! Для оружия использовать не выгодно, есть более дешевый вариант.

После этого мы перешли к проблемам с доставкой первых ядерных бомб, под которые не были созданы соответствующие носители. Я упомянул, что долгие годы, до середины 60-х, основу ударной мощи США представляли бомбардировщики В-36, созданные из нашего титана, который мы исправно поставляли США с 1943 года, расплачиваясь за ленд-лиз и другие поставки. И в следующем поколении стратегических бомбардировщиков, В-52, все ответственные детали были сделаны из него.

– Патент на современные двухконтурные реактивные двигатели принадлежит Архипу Люльке, но так как наши патенты не признаются, то государство с этого ничего не получит. Я знаком с воздушно-реактивными двигателями Климова, они в мое время стоят на малогабаритных крылатых ракетах морского базирования с компрессорными одноконтурными двигателями ВК-1, это английский двигатель Нин II. Оба разработки бюро Климова, в Ленинграде.

– Климов сейчас в Рыбинске, кстати, о Ленинграде, когда удалось снять блокаду?

– Первый раз зимой сорок третьего, окончательно – зимой сорок четвертого. Сейчас под Ленинград переброшен Манштейн и его армия из Крыма. Будут тяжелые бои до конца сентября. Укрепления в Синявино, которые мешают снять блокаду – деревянные. Если массово применить напалм, то можно быстро выжечь немцев оттуда. Напалм – это смесь низкосортного бензина и пальмового масла. пятнадцатипроцентного масла. Масло делает бензин липким. Можно использовать хлопковое. Сейчас лето, торф подсых, немцам мало не покажется! Можно использовать авиабомбы с хрупкими корпусами, можно выливные приборы.

Меркулову еще раз пришлось звонить, теперь в Ленинград и в Волхов. Мне принесли новую гимнастерку с новыми петлицами, там был такой же ромб, как у привезшего меня командира.

– Что, незнакомые петлицы и незнакомое звание? – улыбнулся Всеволод Николаевич. – У вас ведь погоны, как в царской армии.

– Их ввели в январе сорок третьего года. Так что можно не выбрасывать.

Вошел Берия, но руками показал, чтобы мы продолжали, а сам взял в руки протокол «беседы», мои рисунки и эскизы, быстро прочитал, затем остановил нас, сказав, что на сегодня достаточно и что мне надо ехать с ним.

Они хотят форсировать «Горного стрелка», поэтому меня отвезли к академику Комарову. Видимо, с ним уже беседовали до этого, потому что он не задавал «глупых» вопросов, а сразу начал с уточнения мест событий.

– Вы не заметили чего-нибудь необычного перед и после перехода? Ответы, звуки, сияния, покалывания и тому подобное?

– Да нет. Кроме того, что я упираюсь во что-то теплое и упругое, но в полумраке пещеры ничего не было видно.

– А на вершине Клухор-баши?

– Я сразу попал под огонь, все внимание было направлено на противника. Ничего необычного я не заметил.

– А вы потом обследовали место?

– Нет, я больше был заинтересован спуститься вниз. Противник находился совсем недалеко и мог атаковать позицию на перевале. Как выяснилось позже, ее прикрывал один человек с пулеметом «максим».

– То есть вас не заинтересовал феномен вашего перехода? И можно ли вернуться?

– Заинтересовал, конечно, но вот возвращаться никакого желания не было. Вы слабо себе представляете, что значит оказаться одному в тех местах. Для меня это было выходом из безвыходной ситуации.

Владимир Леонтьевич попытался развить свою мысль о том, что образованный и мыслящий человек непременно самым образом заинтересовался бы этим феноменом, но его остановил Берия.

– Считайте, что противник не предоставил товарищу Горскому этой возможности. Давайте ближе к делу.

Комаров смутился, потом предложил организовать две экспедиции для исследования мест переноса: одну на Клухор, где еще продолжались бои, вторую в Афганистан. Себя он предложил в качестве начальника афганской экспедиции.

– Там довольно высоко, больше четырех километров над уровнем моря, вы же не альпинист, и вам, даже на вид, больше семидесяти лет, извините. Район очень труднодоступный, поэтому туда надо отбирать людей с соответствующей подготовкой и физической формой. И со снаряжением. Войны там сейчас нет, поэтому будет попроще, но основное население принимало активное участие в басмаческом движении, которое еще недавно было очень сильно в Средней Азии. Так что это не совсем простая поездка для вас в вашем возрасте.

Берия меня поддержал, уточнив, что от Комарова требуется составить научную группу из молодых и физически сильных научных сотрудников. Определить необходимый состав приборов и инструментов, а начальником экспедиции будет назначен представитель НКВД. Получив заверение Комарова, что в ближайшее время он предоставит такой список, мы выехали в Шукино. Там в небольшом домике работало несколько человек во главе с Курчатовым. Там я «завис» на несколько суток. Несколько раз приезжал Берия, но, видя, что мы еще разговариваем с Курчатовым и его сотрудниками, он, немного послушав, уезжал, не задавая никаких вопросов. И только когда Курчатов неожиданно ему задал вопрос:

– Неужели американцы нас так сильно обогнали, если товарищ майор отвечает практически на все вопросы по «изделию»?

– Не беспокойтесь, Игорь Васильевич, таких сведений и у них еще нет.

На немой вопрос Курчатова он развел руками.

– В настоящее время это совсем закрытая информация. Надеюсь, что диалог был полезен?

– Да! Конечно!

– Нам, к сожалению, требуется уехать, Игорь Васильевич! Но майор Горский, сразу как освободится, будет оказывать вам консультационную помощь. И еще новость для всех: наши войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали блокаду Ленинграда, захватили Синявино, Мгу, Шлиссельбург, Отрадное, Кировск. Идут бои за Ульяновку и Тосно.

Все закричали «ура», так как большая часть людей жила и работала в Ленинграде до войны. Когда мы вышли из лаборатории, я сказал Берии, что в здании ГРЭС-8 есть прямой телефонный кабель в Берлин, проходящий через многие интересные точки, в том числе через ставку Гитлера под Смоленском, Растенбургом и т. д.

– Как только удалось выжечь Синявинский УР, так и прорвались. Этот самый напалм оказался очень эффективным оружием. Для немцев это было совсем неожиданно. Мерецков

особенно подчеркнул, что максимальный урон немцам нанесен авиацией. А немцы смогут сделать такую штуку?

– Теоретически да, но им понадобится время для этого, да и компонентов у них подходящих маловато. Они фосфор до конца войны использовали. С бензином у них довольно напряженно.

– А средства защиты от него есть?

– Да, конечно: глина, известь, герметизация входов, песок, земля. Солдат необходимо обкатывать напалмом, учить с ним бороться. Еще эффективно добавлять в него магний, окись железа. Получается пирогель, резко повышается температура горения. Я вообще заметил на Кавказе, что солдаты плохо подготовлены в психологическом отношении.

– А какие средства у вас применяют для этого?

– Дурдом. Комплекс по психологической подготовке: здание с подвалом, внутри мишени, стрельба боевыми, гранаты тоже боевые, ловушки, качающийся пол, вода, огонь, грязь, очень скользко, много громкоговорителей, через которые даются звуки боя. Прохождение на скорость и полное уничтожение целей. Норматив на отлично: три минуты. Правда, не для всех войск, только для ВДВ, морской пехоты и спецназа, ну и для разведподразделений. Но они обычно к нам приезжали. Для остальных – обычная полоса препятствий, но с огнем. Плюс обязательная обкатка танками. Полоса, по-моему, не изменилась со времен войны, но я еще не видел ваших полос сейчас, может быть, мы использовали послевоенную полосу.

– Покажем, но позже. Сейчас встретишься с конструкторами двигателей и ракетчиками.

Ну вот наконец-то в своей луже и в своей тарелке! Как бы не так! Нет у них текущих координат! Хоть убейся! А у нас все построено на них! Какая же, на фиг, это крылатая ракета, если она только прямо летать умеет? И то злонамеренно стремится уйти в пикирование! Начинать надо не с этого, а с вентиляторов трубы в ЦАГИ и с ее переменного профиля. Требуется получить сверхзвук на трубе. Да еще и с ламинарным потоком! Часа четыре объяснял: что из чего вытекает. Как назло, вылетела из головы формула расчета кривизны сверхзвуковой лопасти Богословского. Вот он, гад, напротив сидит, а подсказать ее не может, так как до этого ему еще лет десять в ЦАГИ скрипеть. Тьфу, наконец вспомнил. И профиль Т-112, мессершмитовской трубы, отобразил во всех тонкостях. Уж дюже у нас на это дело каприз Гальперин напирал, когда аэродинамику сверхзвуковых ЛА читал. В общем, получилось довольно смешно: разговор глухого со слепым. А Раиса Николаевна вообще попыталась мне экзамен по аэродинамике устроить! Не понимает, что за скоростями свыше 900 у аэродинамики совсем другие законы.

– Товарищ Алексеева! На этих скоростях молекулы воздуха сдвинуться не успевают! Воздух становится несжимаемым. Возникает явление «тяжелого носа», поэтому ракета стремится уйти в пикирование. Поэтому кромка прямого крыла должна быть острой, а профиль – ламинарным, S надо увеличивать и сдвигать в середину.

В общем, с разговор не получился. Они экспериментаторы, пока собственной задницей не прочувствуют, пинай, не пинай, ни во что не поверят. Бог с ними! Зерно сомнения я посеял, а там, глядишь, изменят лопасти вентиляторов и профиль сопла и получат сверхзвук, и сами убедятся в том, что они же и доказали к 1953 году.

С Расплетиным тоже возникли проблемы, так как у него вся аппаратура управления на старых лампах собрана, а новые пальчиковые он не применяет, дескать, у них характеристики хуже. Откуда он это взял – не понятно. Но с ним по крайней мере удалось о чем-то договориться. И его сильно заинтересовало топливо ТГ-02 на основе триэтиламина и ксилидинов. Поэтому он сказал, что попробует переделать системы на новых лампах. С разрешения Берии ему показали в разобранном виде Р-127Д. Прикинув ее на вес, он согласился, что приемопередатчик таких размеров больше подойдет для работы, чем 85 кг РДС. Но вот что делать с астро- и радионавигацией – ума не приложу. Сам в этих вопросах плаваю. Ничего из этого досконально мы не изучали. Только принцип работы. Этого недостаточно. Блок-схема ничего не

даст. Толку от того, что я знаю, что $\sin h = \sin \varphi \cdot \sin \delta + \cos \varphi \cdot \cos \delta \cdot \cos(t_{\text{гр}} + \lambda)$; $\text{ctg} A = \sin \varphi \cdot \text{ctg}(t_{\text{гр}} + \lambda) - \cos \varphi \cdot \text{tg} \delta \cdot \text{cosec}(t_{\text{гр}} + \lambda)$, где $A = \text{ИЛ} + \text{КУ}$. Сюда бы Гамова, а не меня! Стоп! А это – идея! Лихорадочно вспоминаю, что мне рассказывал мой научный руководитель о войне: Балтийский флот, флагштурманенок.

– Лаврентий Павлович, а как бы вот этого человека выцепить. В мое время это был весьма разбирающийся в радионавигации человек. Он сейчас где-то на Балтийском флоте. А в пятидесятые создавал РНС по всему Союзу.

– Зайди в кадры флота, и вытаскивай!

– Я?

– А кто? Я что, так и буду тебе нянькой, что ли? Тебе поручили это направление? Вот и работай!

Глава IV

– Лаврентий! Где Горный стрелок? – спросил Сталин.

– В Кыштыме, готовит три группы дальней разведки осназа ГРУ. Хорошо получается. Вообще парень мне нравится: потрясающая работоспособность, очень высокий уровень физподготовки и творческий подход к подготовке групп. Единственное, что несколько напрягает: очень жесткие условия по «выживанию». А так... Хорошо работает! Обычный инструктор готовит одну группу, этот – три.

– Что с экспедициями? Они выехали в районы?

– Да, выехали. Англичане разрешили нам посетить район «пещеры». Обещали прислать своего наблюдателя, но никто от них не приехал. Так что все в полном порядке. Ждем сообщений от групп.

Я действительно гоняю три группы в Кыштыме, под Челябинском. Две из них скоро уйдут в Белоруссию, одна пойдет под Смоленск. Их задача подключиться к линии правительственной связи Германии и передавать сведения нам. Ребята подобраны великолепно. Единственный человек, который внушает подозрение – во второй группе Полина Еременко, радист и снайпер группы. Причем понять, почему она меня напрягает, я не могу. Внешне все в полном порядке. Она – высокая брюнетка, роскошные миндалевидные темные глаза. Но в них пустота и смерть. «Предки» придумали классное средство первичной оценки: анкету! По ней вот такая вот картина: четыре дальних поиска, начиная с 1941 года. Первая выброска под Минск в 1941 году. Вернулась одна. Со второй выброски – двое, затем – трое, и с последней – четверо из шести. Показатели растут, но... она – смертница. Ничего за душой: змеиный взгляд из-за чуть приподнятых уголков глаз, хищный прищур, высчитывающий «тысячные» и «щелчки». Судя по всему, она меня ненавидит: потому что молодой, но майор, потому что впервые меня увидела, а в осназе все друг друга знают, потому что старательно прятала от меня левую руку в черной перчатке, ведь я мог списать ее из-за того, что левая рука у нее искалечена. А она рвалась мстить. Ее родители остались на оккупированной территории. Плюс они – «армейцы», а я – «гэбэшник». В общем, «любила» она меня! Особенно потому, что гонял я их как сидоровых коз. Они пойдут под Смоленск. И я не знаю, кто из них вернется. Однажды случайно коснулся ее, поправляя прицел: нас обоих как током дернуло. В воздухе запахло чем-то терпким. И ее злобный шипящий шепот: «Не смейте прикасаться ко мне!» Красное лицо и ужас в ее глазах: зрачки стали почти вертикальными. Я и сам не понял, что произошло: я случайно зацепил ее локтем правой руки за предплечье, когда поправлял прицел. Меня тоже здорово потрянуло, а потом донесся этот запах. Я что-то довольно злобно ответил, она замолчала. Вечером, после ужина, я сидел в своей комнате и заполнял журнал, вдруг раздался негромкий стук в дверь.

– Войдите!

– Разрешите, товарищ майор госбезопасности?

Полина. Глаза опущены, старается скрыть свою ненависть.

– Входите, старший сержант!

– Разрешите обратиться, товарищ майор! Не надо меня списывать из группы! Да, у меня нет двух пальцев на левой руке! – Она сдернула перчатку с левой руки: мизинца и безымянного у нее не было, внутри перчатки были их протезы. – У меня в руке сработал взрыватель, на выходе, но меня оставили в школе. Это задание мне по силам. Район я знаю хорошо. Это будет второй выход после ранения. Вы предвзято ко мне относитесь. – Она подняла глаза и уставилась на меня своим змеиным взглядом.

– Сержант, я не планировал снимать вас с выхода! С чего вы это взяли?

Она нервно начала натягивать перчатку на руку.

– Мне так показалось, после того как я сорвалась с турника две недели назад.

– Вы выполнили норматив, но попытались продолжить упражнение. Это была ваша ошибка, а не отсутствие двух пальцев. О том, что их нет, я знал из вашего личного дела. Но я не высказывал ничего по этому поводу. Вам требуется точно согласовывать собственные возможности с вашими желаниями. Не более того. И мне не совсем понятно, что произошло сегодня?

Она совсем потупилась и замкнулась. Потребовалось несколько минут, прежде чем она вновь заговорила. Она попыталась что-то сказать, но ее пробило на слезы, я попытался ее остановить и опять коснулся рукой кисти ее правой руки. И опять почувствовал удар током. Мы явно разноименно заряжены. Но Полина неожиданно взяла мою руку двумя руками, стараясь не задевать меня деревяшками протезов левой руки, и поцеловала кончики моих пальцев. И выбежала из комнаты.

А до меня дошло, что меня так раздражало в ней: полное безразличие к смерти. Не знаю, что там у нее произошло на выходах, но она перестала бояться смерти. Такой человек в группе опасен. Разведчик обязан быть разумным трусом, чтобы выполнить задание. Это в кино «про разведчиков» они валят противника сотнями, стреляя с двух рук из шестиствольных пулеметов. А на самом деле кто прошумел, тот не вернулся. Носимого боезапаса хватит на полчаса. А эта с ее ненавистью выстрелит, не задумываясь о последствиях. Надо будет поговорить об этом, когда успокоится. Интересно, почему так трясет, когда ее касаешься? И чем так пахнет? Переговорить удалось только на борту самолета, пока летели в Ляхово, откуда осуществлялись выброски групп осназ в дальний поиск. Она в очередной раз злобно посмотрела на меня, но мотнула головой, что поняла. Их самолет ушел со связи до выброски. А два других вернулись из-под Минска. Две группы вышли на связь и начали работать. Третья группа молчала. Мне дали еще две группы, которые я готовил к выброске уже в Ляхово. Прошло три недели, я уже и не вспоминал эту странную девушку, как неожиданно ночью ко мне в палатку кто-то вошел.

– Я вернулась, товарищ майор.

Я зажег коптилку: Полина. В грязном изорванном комбинезоне, худющая, лицо просто черное. Два часа назад перешла линию фронта. Принесла назад разбитую осколками зенитки рацию. Их самолет попал под сильный обстрел с земли, ей удалось выпрыгнуть и уйти от погони.

– Мы все ненавидели вас за эти бесконечные марш-броски. Вся группа. А сейчас я понимаю, что именно это меня и спасло. И тот разговор в самолете, где вы сказали, что главное в работе разведчика – вернуться, выполнив задание. Что иначе не стоило и мучиться. Плюс то, что вы заставляли нас собирать в лесу всякую гадость и есть ее, для того чтобы выжить. Мы привыкли пользоваться продуктами населения, а вы заставляли обходить населенные пункты и выживать. Под Смоленском в каждом селе – немцы. Не зайти было. Пришлось выживать, как вы учили. К сожалению, у меня не было возможности выполнить задание, но проход туда и обратно я нашла. – Она показала карту маршрута, пройденного ей. Уже позже, по нему несколько раз проходили наши группы, работавшие в этом районе.

В общем, подготовленные группы работали успешно, еще две группы ушли на выход. После этого пришла радиogramма вылетать с одной из групп в Сухум. Радистом группы была старший сержант Еременко.

Обе экспедиции нашли какую-то субстанцию, но, по их описаниям, эта субстанция сильно отличается от того, с чем я столкнулся. Твердая и холодная, как стекло. Протыкается неодушевленными предметами, но живая ткань не проходит. Попытки замерить температуру дают потрясающие результаты: от температуры воздуха до абсолютного нуля.

Мы прилетели в Сухум в середине ноября. В городе обычная для этого времени года погода: льет как из ведра. Еле-еле сели. Мне надо за несколько дней научить людей ходить по горам. Горы покрыты свежеснегавшим снегом, и его очень много. Занимаемся на ближайших скалах. В результате трое человек отсеиваются: боятся высоты. Нас отвезли к Южному Приюту,

проводим акклиматизацию. При этом постоянно бегаем и даем себе нагрузку. Продолжаем изучать технику скалолазания. Здесь теперь КП 121 ГСП. 1329-й сейчас действует под Туапсе, но инструктором по горной подготовке здесь работает Ваню. Он сообщил, что Матвеева и отца забрали из части в середине августа. Начальником особого отдела 46-й армии теперь работает тот самый капитан ГБ Бокерия, бывший начальник особого отдела 1329-го полка. Здорово поднялся! Он сообщил подробности того, что произошло летом. Нас арестовал Сособишвили, но Бокерия остался свободен. Он – родственник Берии, поэтому ему удалось с ним связаться и сообщить ему обо мне. Ну а дальше все прошло как надо! Гор – это сокращение от Горавия – соорудил классный шашлык и напоил всю группу прекрасным домашним вином. Для него оказать услугу именитому родственнику было манной небесной! Я теперь его брат, сват и черт его знает что. В общем: свой человек. Как и все, кто рядом со мной! «Кавказ – дело тонкое, Петруха!»

Моя группа не знает, кто я и на какое дело они пойдут. Готовятся действовать в горах против немцев. Поначалу очень сильно удивлялись нашим отношениям с майором ГБ Бокерией и рядовым Ваню. Потом привыкли, что их командир здесь главный. Всего неделя подготовки и мы пошли наверх. 121-й полк отеснил немцев от Клухора на восемь километров. Нам дали лошадей и мы довольно быстро поднялись к перевалу. Предстояло подняться на Клухор-баши, но придется делать «полочку» для акклиматизации. Потом пошли наверх. Подъем был тяжелый для всех, ну кроме меня. Наверху маленький пост 121-го полка и участников экспедиции. Мы поднялись ближе к вечеру, когда солнце уже село. Нас напоили крепким чаем, но сказали, что выходить к месту нет надобности, так как «субстанция» появляется в строго определенное время. Без солнечного света она отсутствует. Тихомиров, начальник экспедиции, довольно долго расспрашивал меня, был ли в пещере свет, когда я проходил переход.

– Был. Там небольшой пролом сверху, оттуда падали лучи света, прямо перед упругой стенкой. Еще так полосами светили.

– Тогда все совпадает! Здесь тоже карниз с дыркой. Субстанция появляется на полтора часа. Потом исчезает. Ладно, отдыхайте!

Мы улеглись, кто где смог. Ночью было тихо, только кто-то все время ворочался чуть ниже полочки. В середине ночи слышались шаги, я проснулся и вытащил Browning HP. Подошла старший сержант Еременко.

– Товарищ майор госбезопасности! – прошептала она. – Мне страшно, сама не знаю почему. И все время думаю о вас! Я не знаю, почему я пришла сюда. Разрешите, я здесь лягу? Я мешать не буду!

Она бросила спальный мешок чуть выше меня, в расщелине между камнями, забралась в него и затихла. Спустя некоторое время несколько раз подвинулась и прижалась ко мне. И только после этого она уснула. Что это на нее нашло? «Горянка» начинается? Может быть, может быть.

Нас разбудили первые лучи солнца. Я раскочегарил примус, а Еременко прятала от меня глаза, но успела развернуть станцию и передать вниз условную фразу, что все в порядке. Я сварил кофе и спросил ее:

– Будешь?

– Нет, я – чай! Хотя... давайте кофе!

Она очень старательно пыталась не прикоснуться ко мне рукой. Я жевал бутерброд с тушенкой и запивал его горячим и душистым турецким кофе. Полина тоже улыбалась чему-то своему, жуя бутерброд.

– Красиво как, товарищ майор! И небо такое чистое как слеза! Только холодно очень!

– Море видишь?

– Конечно! Мне кажется или нет: вон там вот – другой берег?

– Да! Турция.

– Потрясающе красиво.

– Все! Строиться! – сказал Тихомиров. Он достал из командирской сумки семь бумажек. – ознакомьтесь, товарищи. Это форма «ноль», и подпишите, пожалуйста. Все, что будет происходить далее, является государственной тайной «Особой Государственной Важности», за разглашение которой предусмотрена статья 283-я УК СССР, вплоть до ВМСЗ.

Пока группа читала и писала почти замерзшими ручками на форме, Тихомиров подошел ко мне.

– У нас еще полчаса, потом солнце подойдет к провалу, и надо будет быть там. Это в ста метрах выше.

Через десять минут группа была готова, мы поднялись к провалу.

– Товарищи! Здесь находится неизвестное науке сооружение, которое может переносить человека через года и пространства. Слушай боевой приказ! Задача группы: разведать территорию и время, куда нас переместит устройство, и возвратиться для доклада. Точку входа из поля зрения не терять. На всю операцию – один час сорок пять минут. Дальше точка исчезнет на сутки, второй раз можно будет ей воспользоваться с одиннадцати часов двадцати семи минут московского времени, через сутки. Предположительно, на той стороне устройства идет война, любой человек возле устройства – враг и должен быть уничтожен. Сигналы и средства связи обычные. Старший группы: я – майор ГБ Горский, старший группы прикрытия лейтенант Бережков. В случае полного срыва задания вскрыть пакеты «два». Вольно, разойдись.

Спустя двенадцать минут Тихомиров показал на образующуюся субстанцию, показывающую легкое искрение по углам.

– Майор! Видишь?

– Да!

Тихомиров подошел к чуть туманному стеклу и потрогал его руками.

– Ледяное! И твердое, как стекло. Не пройти!

Я подошел и попробовал его рукой:

– Теплое и упругое!

Подошла вся группа и все попробовали прикоснуться рукой к поверхности устройства. Неожиданно левая рука Полины провалилась через препятствие. Она взвизгнула от неожиданности, так как для всех препятствие было твердым и холодным. Отдернув руку, она с полным недоумением уставилась на нее: у нее было ПЯТЬ пальцев! Мизинец и безымянный имели розовую натянутую кожу, а остальные были загорелые и морщинистые, в мозолях.

– Все – назад! – скомандовал будущий академик Тихомиров. – Сержант Еременко! Докладывайте!

Глава V

Сталин выслушал доклад Василевского об окружении шестой армии Паулюса под Сталинградом 20 ноября 1942 года. В результате 10-дневных боев войска Донского и Юго-Западного фронтов соединились с войсками Сталинградского фронта в районе между станцией Чир и станцией Цимлянкой. Штаб Паулюса находился в городе Калач-на-Дону. Сталинград ему захватить не удалось. Несколько раз он был в шаге от этого, но всегда находилось что-то мешавшее ему завершить операцию победой. Очень удачно взаимодействовали Еременко, Тимошенко и Рокоссовский. Стоило надавить на одного, как начинал действовать другой, вынуждая перебрасывать войска. Плюс полная неудача на Кавказе, где Буденный отлично потрепал Гота и Клейста. Столкнувшись с эластичной, гибкой обороной русских, новым оружием, Гот откатился к Ростову, но без техники и тяжелого вооружения, застрявшего в страшных вязких черноземах Кубани. Клейст лихорадочно готовил оборонительные позиции на Тамани. Бои за перевалы выиграли русские. Уже 11 ноября они сбросили немецкий флаг с Эльбруса. Появившиеся у русских новый пулемет и новая автоматическая винтовка значительно повысили мобильность русских подразделений и их огневую мощь. Горнострелковые полки двух русских горнострелковых дивизий господствовали на всех перевалах, а 49-й горный корпус Конрада нуждался в пополнении и отдыхе. Сбить русских с перевалов не удалось, началась зима, снежная и морозная. А лучшие в мире горные стрелки лежали под этими неприступными горами. Успех летней кампании развить и закрепить не удалось. Теперь русские наступали сверху, выжимая «эдельвейсов» вниз. Началась операция «Горы». Немцы находились в заведомо проигрышной позиции: они были внизу. И 20 ноября, узнав об окружении Паулюса, Конрад начал отводить войска вниз к станции Крымской. Буденный начал активное преследование немцев, стараясь сбить их с позиций до того, как они там закрепятся. Сталин был очень доволен и с удовольствием передвигал флажки на карте в своем кабинете.

– Разрешите, товарищ Сталин?

– Входи, Лаврентий! Что там у тебя?

– Горный стрелок! На Клухоре обнаружили, что портал, как они его назвали, пропускает только двух человек: Горского и старшего сержанта Еременко, радистку группы. В Афганистане портал непроходим ни для кого. Там есть ответвление в пещере, даже во время, когда портал активен, его можно обойти. Предметы не удалось передать на Клухор. Они исчезли. Входят в портал, с обратной стороны не появляются, хотя толщина портала очень небольшая, и исчезают. И еще, Коба, у радистки выросли оторванные взрывом пальцы.

Сталин потряс головой.

– Как такое возможно?

– Горский высказал предположение, что портал разбирает человека на атомы и собирает по генетическому коду. Предложил проверить наличие у него удаленного в семьдесят четвертом году аппендикса. Мы проверили в Сухуми с помощью рентгена: аппендикс у него на месте. Так что он прав. Но группу пока не отправлять! Надо искать еще людей, способных проходить портал.

– Может быть, это что-то фамильное?

– В первую очередь проверили: из Красного Кута привезли его отца. Для него портал непроходим. И радистка никаким боком им не родственница.

– Может быть...

– Нет, они не имеют никаких интимных отношений. Надо подбирать людей, которые способны проходить портал. А это – время. Отпускать этих двоих туда – неразумно: и погибнуть могут, там же война, и лишиться отличного источника информации по будущему. Тем более что он успешно работает и в проекте «РДС», и с ракетчиками, и по флоту, и с осназом ГРУ.

– Ты прав, Лаврентий. Он еще нужен здесь, да и я боюсь, что могут не пойти на контакт их руководители. Судя по тому, что он рассказывал. А так, кто там есть из надежных? Устинов, Огарков, Громыко да Пельше. Косыгин, конечно, но он сказал, что последнее время он здорово теряет позиции. Так что только на армейцев и можно положиться. Но он там только лейтенант. К тому же уже «убитый» и списанный. Ну еще его отец, но он – не велика фигура и уже на пенсии по здоровью. Работай дальше, Лаврентий! Подбирай людей!

– Знать бы как, Коба!

– А кто нашел радистку?

– Горский.

– Вот ему это и поручи! И все на сегодня. – Берия поднялся и вышел.

Пятые сутки живем в Сухуми в бывшем театре. Теперь тут госпиталь. Проводили какие-то обследования меня и Полины. Она так похорошела! Исчезло злобное выражение глаз, видимо, полученная травма и вид изувеченной руки приводили ее в такое состояние. Первое время она каждые несколько минут смотрела на свою «новую» руку. Глазам не верила, потом немного успокоилась, когда врачи не нашли у нее даже следов переломов и швов. Поняла, что чудесным образом ее рука к ней вернулась. У меня вернулся аппендикс, исчезли костные мозоли в местах, где были переломы ног и левой руки. Видимо, во время перехода мы разбираемся на запчасти, а потом устройство нас заново собирает по генокоду. Операцию отменили, и возникла длительная пауза. Ребят забрали и сделали инструкторами в разведшколе, а нас с Полиной пока никуда не дергают. Поселили нас тут, же при госпитале, на третьем этаже в какой-то гримерной. Комнатушка маленькая, но с видом на море! Курорт! Я поднялся рано и убежал на пробежку, по дороге купил пару кефалин. Вычистил их у моря, занес на кухню, мне их там пожарили. Плеснули в котелок кофе с молоком, я его не люблю, но турецкий кончился, и я поднялся наверх. Полина еще спит, лентяйка! Ну пусть отдохнет, постараюсь не шуметь. Нет, запах жареной рыбы работает лучше звонка!

– Ой, что это за запах?

– Черноморский деликатес: кефаль жареная! С картошкой.

Она подскочила и побежала на второй этаж умываться. Довольно быстренько она вернулась.

– Ой, а что ж вы не едите, товарищ майор?

– Тебя ждал! Вместе приятнее.

Она остановилась вытираться и уставилась на меня своими глазищами. Когда она не прищуривается, они у нее огромные и очень красивые. Она повесила полотенце на спинку стула, но по-прежнему смотрела на меня. Сделала два шага вперед. Прикастаться ко мне она побаивается.

– Я вас даже не поблагодарила за свою руку...

– Садись, кушай, остынет!

Но она подошла вплотную и обхватила мою голову руками. Удара током не последовало, но тот странный запах почти сразу появился. Вдруг она застонала. Я попытался встать, но она еще сильнее прижала мне голову.

– Сиди! Мне так хорошо! Я... тебя... люблю!!! Андрюшенька ты мой. Никому не отдам. Господи, какая я глупая. Я ведь даже не спросила, нравлюсь ли вам. А вдруг у вас жена есть! – Она отпустила мою голову и села, закрыв лицо руками. Вот-вот разревется!

– Иди ко мне! – Я развернулся на стуле и протянул ей руки. Она пересела ко мне на колени. – Нет у меня никого. И ты мне нравишься.

– Правда?

– Правда!

– Ты у меня спрашивал, тогда, в Кыштыме, что случилось на полигоне. То же самое, что и сейчас. Стоит мне прикоснуться к тебе, у меня все внизу сжимается и становится мокро.

Просто ужас какой-то... Я потом ни прицелиться, ни бежать, ничего не могу. Все трясется, и такая истома по всему телу. Когда это случилось (дважды!!!) я так испугалась. И там, под Смоленском, если бы ты не попросил меня вернуться, я бы отомстила за ребят и осталась бы там, вместе с группой. Но у меня был ты, я поэтому и вернулась. Вот только я боялась, что из-за моей руки ты не захочешь любить меня. Я ведь инвалид, меня из жалости в школе оставили. Я снаряжала мину, а тут немец ударил прямо над головой из пулемета. Рука дрогнула, и детонатор взорвался. Видимо, о насыпь стукнула. После этого я совсем смерти перестала бояться. Ты правильно сказал в самолете.

– Давай завтракать! Все уже остыло!

– Холодная рыба даже вкуснее!

Она пересела на стул, подвинула мне и себе тарелки. Кефаль была еще теплая, а картошка уже подостыла. В комнате было довольно прохладно. Печку мы еще не топили. Позавтракав, сходили в особый отдел армии. Для нас ничего не было. Было солнечно и не очень холодно, чуть больше нуля. Полина рассказывала о себе, хотя я и знал это из личного дела, но ей требовалось выговориться, поэтому я не мешал ей. Городишко совсем небольшой, пять кварталов от Особого отдела до госпиталя мы прошли совсем быстро, поэтому пошли на набережную, время от времени приветствуя патрули.

– А почему ты о себе ничего не рассказываешь?

– Потому что я попал сюда через портал, потому что это «ОГВ».

Она остановилась.

– Как через портал?

– Случайно.

– Так ты из коммунизма?

– Нет, у нас социализм, развитой! – И я улыбнулся при этом.

– И ты уйдешь обратно?

– Некуда пока уходить! Портал находится на территории сопредельного государства, там идет война. Без солидного отряда оттуда не вырваться. Поэтому операцию пока и отменили. Я получил приказание подбирать людей, но как это сделать, я не знаю. Все думают, что это я тебя нашел, а я считаю, что это портал тебя нашел. В любом случае, Полина, для нас обоих, этот проект – самый главный. Все остальные дела – второстепенные. Жить нам вместе, и долго. Связал нас с тобой этот портал по рукам и ногам. Но я очень доволен тем, что я тебе не противен и мне не придется жить рядом с человеком, который меня ненавидит.

– Андрюшенька, да что ты! Как тебя можно ненавидеть?

– Сама говорила, когда из-под Смоленска вернулась, что вся группа меня ненавидела.

– Потому что методов не понимали, не понимали, как это можно использовать, а ты не объяснял. Но то, что ты красивый, умный и сильный, мне очень нравилось! Только я понимала, что я тебе не пара. Вот и ненавидела, но больше свою судьбу, немцев и тот проклятый взрыватель. – Она провела мне по лицу своей «новой» рукой. – Пойдем домой, Андрюша!

Андрей уснул. Господи, какой он красивый! Я бы никогда не решилась ему сказать об этом! Но вчера нас обследовали на втором этаже. Две врачихи как только его не вертели! А у самих мужья в действующей! А эти, прости господи, чуть ли не в штаны к нему не залазили своими ручищами. Он так тихонько посылал их куда надо, но ведь рано или поздно не выдержит. Он – большой начальник, почти или совсем генерал. Да еще из НКВД. А всего на три года старше меня! Я для него была старший сержант Еременко. И он никогда через этот рубеж не переступил бы! Я ж его знаю! Не знаю, что на меня нашло, утром я есть хотела, но, когда увидела, что он к еде не притронулся и ждет меня, меня как прорвало. Ведь знала, что прикасаться к нему – это все равно как вывернуться наизнанку. Но остановить себя я не сумела. Еще в Кьшитыме я поняла, что если он меня поманит, то я устоять не смогу.

А ребята меня подначивали. В группе все знали, что шутки со мной плохо кончаются. Два раза пробовали. Неудачно для них. В последней группе командир несколько месяцев вздыхал и угваривал. Но не лежала к нему душа. А без любви – это грех, как это раньше называли. Сейчас я не думаю о том, грех это или нет. Главное: он – мой. До самой смерти. А она, с косой, рядом ходит. Война ведь! Я его сразу себе отметила, еще когда его только представили в Къшитыме: высокий, стройный, в незнакомом комбинезоне со странным цветом камуфляжа. Поразило его звание: майор ГБ, но начальство сразу предупредило, что задавать вопросы не по программе запрещено. Теперь понятно почему. И задача, которую мы никогда не выполняли: обнаружить прямой телефонный кабель ставки Гитлера и незаметно подключиться к нему. Он принес что-то вроде небольшого миноискателя и учил им пользоваться. А потом начал нас гонять, да так, что с нас только пена летела. Когда ребята попытались побурчать, что тяжело, выяснилось, что групп у него три, то есть он так бегаёт со всеми, втрое больше нас. Программа у всех одинаковая. Мне так захотелось ему понравиться, чтобы он отличил меня среди остальных (я ведь была самая опытная в группе: больше всех выходов) что я переусердствовала и сорвалась с турника. А он совершенно не обращал на меня никакого внимания. Я была просто членом группы. Причем – слабаком. И такая меня злость взяла, что я сумела себе внушить, что он – бесчувственный чурбан, зазнайка и задавака. Мы уйдем, а он по тылам ордена зарабатывать будет. Накрутила себя так, что все заметили, что я к нему неровно дышу. И началось! «Да ты по кому сохнешь!» и тому подобное. По нему! И еще как сохну! Вот и сейчас: ведь он ничего мне не пообещал, только сказал, что у него никого нет и что я ему нравлюсь. Не сказал, что любит: «Ты мне нравишься». Скупой он на слова, а девушки ушами любят. Но я не жалею о том, что я сделала. Да, конечно, я мечтала быть самой красивой невестой, мечтала о шумной и красивой свадьбе, война все перечеркнула. Ничего этого не будет. В доме хозяйничают фашисты. И если я встретила его, человека, которого я полюбила, то почему я не могу насладиться своим счастьем? Ведь завтра, может быть, придет приказ, и он на Запад, а я на Восток. Или вместе где-нибудь ляжем в землю. Жить надо, пока живая. Ой, проснулся! Разбудила своими дурацкими мыслями!

Как все-таки не идет женщинам обмундирование! Такую фигуру – и в х/б! Но надо вставать! И на занятия, хоть у нас и медовый месяц. Полина не заметила, что я проснулся, думала о чем-то своем. Я несколько минут наблюдал за ней: у нее красивая ровная кожа, чуть худовата, жир накапливать некогда, нагрузки очень большие. Довольно широкие плечи, как у всех разведчиков, с твердыми мозолями от ремней. Аккуратная, но довольно большая грудь с красивыми сосками. Ей бы матерью быть, а не таскать «Северок» по горам! Коротко стриженная, гораздо короче, чем разрешено женщинам по уставу: волосы в рукопашке – очень опасная вещь. Так что стрижется под мальчика. Лицо обветренное, губы сухие, с трещинками. Руки тоже сухие, с крепкими, аккуратными мышцами. Остальное видел только мельком, отметил только длинные сухие ноги и неширокий таз. Ну и руками ощутил набитые мозоли от ремня на бедрах. Ее бы переодеть, сделать ей другую прическу, чуть откормить – и на Невский! Все бы заглядывались! Но война! До Невского нам, как до Пекина босиком да по колючкам! О, заметила, что я проснулся! Стесняется! Потянула одеяло прикрыться.

– Не делай этого! Дай полюбоваться!

– Не дам! Не смотри, я встану! Мне давно надо было встать, но тебя будить не хотела! Отворачивайся!

Я еще немного покапризничал, но отвернулся. Она набросила процедурный халат и убежала. В наше время девушки так себя не ведут! Я вспоминал свою бывшую, разница – огромная.

Поднялся, перестелил постель, начал одеваться. Вернулась Полина, вся пунцовая. Я подошел и поцеловал ее. Она вся вытянулась в тростиночку, податливую и упругую.

– Ты мое солнышко! Все хорошо? Тебе понравилось?

Она покраснела еще больше.

– Одевайся! Пойдем на стрельбище. Бег на сегодня отменяется, а вот стрелковкой надо заниматься каждый день. Группа у нас совсем маленькая, поэтому каждый должен уметь все, Полиночка. Хорошо?

– Да, Андрюша. Сейчас буду готова.

Все сантименты полетели в сторону, уже никто не прячется, оба облачаемся в сбрую. Я порылся в рюкзаке, достал второй НР.

– Знакома?

– Да.

– Как он тебе?

– Тяжеловат.

– Придется осваивать, и нужно увеличить немного питание. Ты еще не восстановилась после Смоленска. Плюс ежедневный массаж и растяжки. Особенно на левую руку. Нам, видимо, придется первые выходы делать в таком составе, и нужно быть полностью в форме.

– Поняла. Я готова, товарищ майор!

– Попрыгали! Порядок! За мной.

Скоростная стрельба с двух рук у нее совсем не поставлена. И поначалу были большие сложности, особенно с разворотом вправо. Так у всех ярко выраженных правшей. Но постепенно она стала выравниваться на рубеже. «Эйч-Пи» у нее не пошел совсем, пришлось оставить ей ТТ. Но достать патроны ТТ в Афганистане невозможно. А патроны в группе должны быть одинаковыми. Пришлось дожимать ей нагрузку на руки, а времени в обрез. Сначала предложил ей Р-38, но она посмотрела на меня так, что я понял: она умрет, но освоит НР. Через десять дней, наш «отдых» кончился. Нас вызывают в Москву. Идем из особого отдела «домой», собираться.

– У тебя красноармейская книжка с собой?

– Да.

– Тогда нам сюда! – И я показал на вывеску «ОТДЕЛ ЗАГС» на одном из домов.

Нужно было видеть глаза Полинки! Она ни одним словом не обмолвилась о том, что на фронте у нее бы стопроцентно появилась бы кличка ППЖ. Теперь не появится. Но это еще и наша дополнительная страховка.

– Проходите, товарищ Горский! – сказал Сталин в ответ на приветствие. – Каковы, на ваш взгляд, наши шансы получить реальную помощь от Советского Союза?

– Около нуля, товарищ Сталин. Во-первых, нет уверенности в том, что портал вернет меня именно в то место и в то время, откуда я прибыл. Механизм переноса и его законы нам неизвестны. Как работает портал – тоже. Исследования ничего не дали, проводятся на примитивном уровне. Пока удалось выяснить, что энергию он получает от солнца. Существуют ли еще порталы и куда они ведут – неизвестно. Непонятен механизм подключения к порталам: почему для меня и Еременко он теплый и упругий, а для остальных – холодный и жесткий? Думаю, что необходимо практическое исследование феномена, но это жестко связано с большим риском: нас всего двое, а нам неизвестно: есть ли возможность пройти туда и обратно в короткое время. В любом случае, выходы должны быть хорошо подготовленными. Где мы окажемся в результате перехода – неизвестно, сколько времени потребует для возвращения – тоже. Второй момент: положение в СССР восьмидесятых. Брежнев стар, сильно болен, заметно, что недавно перенес инсульт, и является несамостоятельной фигурой. Управляют всем какие-то другие люди, но этой информацией я не обладаю. Армейские структуры в Афганистане могут теоретически нам помочь тактическим оружием и боеприпасами к нему, списывая это на войну, но масштабы военных действий здесь и там просто невозможно сравнить.

Передача технологий? Тоже маловероятный случай: порталы имеют небольшой размер и расположены в очень труднодоступных местах. Доставка туда оборудования значительно затруднена. Практическое значение эти порталы имеют для науки и техники: передача чертежей, технологических разработок, помощь в планировании и захвате ведущих технологий. Единственно возможный вариант, который может быть осуществлен. То есть осуществить заброс туда промышленных шпионов. Получить точные карты полезных ископаемых, выяснить действительные характеристики людей. Ведь сейчас тот же Сулов наверняка клянется в том, что вы – Великий Сталин, а там – всячески препятствует восстановлению правды о вас и этом времени. Основная помощь – физическое получение нами спецбоеприпасов второго и третьего поколения и их носителей к середине сорок пятого года или раньше возможна только с помощью высшего руководства СССР. А доступа у нас туда нет.

– Устинов?

– Министр обороны не имеет возможности передать спецбоеприпасы без санкции КГБ, а они – без санкции Брежнева. Или кто там за него. То, что он долго не протянет, – уже отчетливо видно.

– Настолько плохо выглядит?

– Да.

– Когда состоится следующий съезд партии?

– Назначен на февраль будущего, 1981, года. Только, товарищ Сталин, это совсем другая партия, не та, которой вы руководите. На съезде вопрос о смене руководства или курса не поднять.

– Вот как?! Что же произошло, товарищ Горский? О делах Хрущева я уже слышал. Про Брежнева тоже, а что же рядовые коммунисты? Вы, например.

– В тех условиях предпочитаем не вмешиваться в политику, так как это чревато для самого себя. В результате получается, что руководство партии вышло из-под контроля снизу. Оно неподсудно, никогда не ошибается, их дети творят, что хотят. Центральный Комитет составляют триста шестьдесят человек, но никто ни за что не отвечает. В народе об этом стиле управления говорят как о коллективной безответственности. Есть, несомненно, честные, принципиальные люди в партии, иначе бы она совсем развалилась, но от них стараются избавиться, используя чисто бюрократические «крючки». Внешне и в прессе поощряется критика и самокритика, но к тебе придерутся не из-за нее, а из-за чего-нибудь другого. И схарчат, товарищ Сталин.

– Невеселую картину вы рисуете, товарищ Горский. А армия?

– Основное направление использования армии – народное хозяйство. Организованно затыкаем дыры в его управлении. Собираем урожай, работаем на мясокомбинатах, ездим на целину убирать хлеб, в этот момент во всех дивизиях дай бог пятнадцать процентов автомашин остается. Хлеб – это, конечно, важно, и картошка тоже. Но боеготовность падает до нуля. Послали нас в Афган, а армия не имеет вооружений, приспособленных действовать в этих условиях. Стволы у нас высоко не поднимаются на всей технике. Пришлось «шайтан-арбу» изобретать.

– Это что такое?

– Зенитная установка ЗУ-2-23, установленная и закрепленная в кузове автомобиля «Урал». Может стрелять в любую сторону и под любым углом, кабина немного мешает, и из-за подвески сбивается прицел и снижается точность. Афганцы прозвали ее «шайтан-арбой».

Сталин заулыбался.

– Велик на выдумки у нас народ. Вот к народу и надо обратиться!

– Вся пресса и телевидение под полным контролем партийной верхушки. Никто из руководства лишаться партбилета не захочет.

– Вы Огаркова лично знаете? Вы говорили, что он лично готовил и проверял ваше подразделение. Я поинтересовался его службой у нас, на Карельском фронте, очень инициативный и думающий военный инженер.

– Сказать, что лично и хорошо его знаю... Нет, конечно, я же всего-навсего «группер», командир группы. Несколько раз виделся, он меня хвалил. Этот орден вручал лично. По идее, должен меня помнить. Но он не все время находится в Афганистане. В основном в Москве. В Москве к нему попасть на прием сложно. Да и в Афганистане это тоже непросто.

– Сержант Еременко далеко?

– Старший сержант Горская сидит в приемной, документы она, правда, еще не сменила.

– Вот и не надо менять! Пока! – Он снял трубку телефона. – Товарищ Поскребышев! Пусть войдет товарищ Еременко.

Вошла Полина.

Сталин пошел ей навстречу.

– Здравствуйте, товарищ Еременко-Горская. Дайте-ка на вас посмотреть! А губа не дура у нашего Андрея! Поздравляю вас с законным браком, товарищи. Товарищ Горский, если вы вдвоем пойдете сейчас в Файзабад, именно в Файзабад, не в Хорог, пройти вдвоем сможете?

– Зимой? От погоды зависеть будет, но вероятность – практически нулевая: следов будет не скрыть. Лучше весной, в конце февраля – марте, по зеленке. Есть, правда, один вариант, сразу уйти вверх и вызвать вертушки, но район раскроем. Не хочу я пока показывать, где находится портал.

– Правильно говоришь, товарищ Горский. У тебя только один шанс: довести старшего сержанта Еременко до своих. Иначе тебе никто не поверит. Готовьтесь к выходу, а мы будем готовить ваше прикрытие.

Через несколько дней нас отправили под Алма-Ату на Туюк-Су. Там, на левом берегу Алмаатинки, под самой мореной, был разбит лагерь, где проходили обучение горные стрелки. Немного низковато, всего три с половиной тысячи метров над уровнем моря. Но выше ничего и нигде не было. Мы занялись маршами, маскировкой, горными лыжами. Давненько я на таких «дровах» не катался! Но выбирать было не из чего. После пары спусков я вычеркнул лыжи напрочь из расписания тренировок: сломать ногу было – раз плюнуть, особенно для Полины, вес большой, только что скорость. Сюда приехал капитан Бирюков, он возглавлял Гиндукушскую экспедицию, которая исследовала пещеру с порталом. И мы стали прорабатывать обратный маршрут. Сличили две карты: более подробную и поднятую его карту. И мою двухкилометровку. Нашлись отличия. Населения за это время здорово прибавилось. Сейчас там полная глухомань. Более или менее определили маршрут движения и расчетные дневки. Напрягало то обстоятельство, что маршрут был один. Несколько мест блокировало изменения маршрута: дело портила дорога, проходящая вдоль массива Сафед-Херш. Наблюдать за этой дорогой нас и посылали. И большой глетчер на другой ее стороне. Очень много разломов. Подход к Файзабаду прикрывало большое село Ахмадр. Так что только по хребту. Хорошо, что у духов нет авиации! Местность голая. Почти нет растительности, но снег сходит рано. Обидно, но дороги в 1942 году там не было. Ячья тропа. Это китайцы ее построили. Бирюков сказал, что незаметно не пройти. А если идти по маршруту, то понадобится восемь-десять ночей, если не больше. Сами они прошли по тропе, это заняло пятнадцать суток, но это здорово вкруговую.

– Может быть, все-таки пойти к Памирскому тракту? Шансов будет больше!

– Сам приказал идти в Файзабад.

– Это нереально! Я доложу в Москву!

– Докладывайте! Я Ему говорил, что это очень сложно. Но Он хочет выйти на человека, которому Он доверяет. Я тоже считаю, что уходить надо в Таджикистан.

– Сколько вы здесь?

– Две недели. Тренировки здесь ничего не дают, кроме акклиматизации. Я эти места знаю наизусть, поэтому мне несложно здесь ориентироваться. А там придется идти ночами и по незнакомой местности. Ваши панорамные снимки с земли я посмотрел. Так, примерно представляю маршрут и ориентиры, но... Может быть, стоит вернуться в Сухум и попробовать портал без дальней разведки? Просто узнать, куда выбросит? А вдруг все, что мы делаем, – напрасная трата времени и сил? Кстати, газеты свежие есть? Что там на фронтах?

– Паулюс сдался! Триста тысяч пленных! Наши взяли Ростов и добивают группировку Гота. Освобождены Новороссийск, Анапа, бои у Крымской. Харьков взять не удалось, фронт остановился в пятидесяти километрах от него.

– Тогда запросите разрешение лететь в Москву. На этой волне нам могут разрешить попробовать портал.

По прилету в Москву собрались все вместе: Сталин, Берия, Меркулов, Бирюков и мы с Полиной. Бирюков доложил свое мнение. Надо отметить, что он практически не волновался. Четко, довольно громко, расставляя акценты в нужных местах, показывая фотографии. Его выслушали молча.

– Товарищ Горский! На какое число назначен двадцать шестой съезд? – спросил Сталин.

– По-моему, на двадцать третье февраля. Плюс-минус один день.

– У нас времени: три недели! По докладу товарища Меркулова, неизвестные люди, управляющие сейчас СССР, находятся в КГБ СССР. Скорее всего, это Председатель КГБ товарищ Андропов и его заместитель товарищ Цвигун, ты его видел в Тбилиси. Границу охраняют их люди. Если попадете к ним, то операция не состоится. Требуется доставить два фильма, старшего сержанта Еременко и ее документы, несколько писем товарищам Устинову, Огаркову и Громыко. На последнем этапе подключить Пельше, Косыгина и Ахромеева. Обращаться к остальным запрещаю. На первом этапе стоит подключить командира пятнадцатой бригады Мосолова, так как он знает систему осназа со времен войны и сможет отличить настоящие документы от поддельных. Мы подготовили некоторые документы, которые требуется осветить во время съезда партии непосредственно участникам съезда. У вас оборудование все готово, товарищ Горский?

– Да, кроме глушителей на снайперскую винтовку. Требуется вернуть мне мое оружие, зеленые патроны к нему, ПБС и документы. Иначе неприятности у меня начнутся раньше, чем нужно.

– Товарищ Берия! Есть возможность это выполнить?

– Да, но патронов осталось двадцать пять штук из сорока.

– Что есть, этого достаточно. Товарищ Сталин, необходимо срочно опробовать портал на Клухор-баше, может оказаться, что он ведет не туда. И еще, товарищ Сталин, я могу ознакомиться с материалами, которые мы понесем?

– Да, это необходимо сделать вам обоим.

– И, товарищи, вам необходимо начать готовить пути отхода сразу, как вы объявите о своем присутствии в 1981 году. Товарищ Горский, вы меня понимаете? – спросил Берия.

– Да, товарищ Генеральный Комиссар. Это я хорошо себе представляю.

– Так что, товарищи Горский и Еременко, идти придется в Файзабад. По-другому не получается, – резюмировал Сталин. – Вылетайте в Сухум. Не позднее двадцатого надо быть Файзабаде.

Глава VI

Мы прилетели в Сухум, и на машине нас забросили к Южному приюту. Там мы переоделись в пуховки и лешаки, присели на дорожку и в ночь двинулись наверх на трех лошадях. На двух мы, одна вьючная. По дороге не разговаривали: и устали за день, и дорога тяжелая, да и снегу многовато висит сверху. Лошади здесь уже долго работают, дорогу знают хорошо. В нижнем лагере почти никого нет. Войска ушли вперед, осталось небольшое прикрытие группы. Тихомиров сидел внизу. Мы сличили, с учетом разницы во времени, когда оба портала работают. Оказалось всего тридцать три с половиной минуты. Тихомиров рекомендовал не увлекаться, и рассчитывать только на тридцать минут ровно. Обговорили действия на завтра: подъем в 08.00, в 08.30 начало подъема, к 10.22 подойдем к порталу, в 11.22 начало окна. Я ухожу и возвращаюсь через 25 минут, если получится, максимум. А так: дохожу до входа, осмотр склона, проверка наличия надписи, оставленной экспедицией Бирюкова, и отход. Заодно проверим скорость восстановления портала после переноса. Ведь он же тратит энергию.

– Да, должна быть пауза, чтобы накопить энергию. Будем наблюдать за этим. И будем готовы тебя принять обратно.

Мы подстелили второй спальник под себя и легли спать. Нас разбудил дневальный, позавтракали и пошли наверх. Мороз стоял знатный! Вообще эта зима на Кавказе очень холодная. Мы шли быстро, с верхней страховкой. Затем отдохнули у портала. С его появлением проверили реакцию. Он по-прежнему теплый для нас и холодный для Тихомирова. Он поставил на камень хронометр, включил приборы. Полина сидела рядом со мной, придерживая меня под руку, и наблюдала за приготовлениями.

– Андриюша, только побыстрее, пожалуйста. Я здесь на нет изойду! Может быть, вместе пойдем?

– Завтра пойдем вместе. Вроде бы все предусмотрели.

– Ты, как советовал Романец, кислородный прибор с собой взял?

– Да, вот он.

– Проверь оружие, все закрепи. Три минуты осталось. С рюкзаком помочь?

– Сам.

– Время! – сказал Тихомиров.

Я плечом вперед толкнулся и вошел в портал. Полутьма. Пока ничего не вижу. Тихо, что-то капает. Запах кисловатый и писк летучих мышей. Впереди яркий свет. Делаю три шага вперед и вижу ржавый гнутый ствол Витькиного пулемета! Подобрал его, осмотрел склон и гребень, никого не увидел. Очень много снега. Затем возвратился к порталу. Бирюков мне не сказал, что они написали у портала. Надпись нашел: « $E = MC^2$, 1942». Умники! Послушал рацию, настроенную на волну Полины, – только хрипы. Сделал несколько запросов. Отзывает нет. Попробовал портал: теплый. Повторил прыжок. В лицо ударил яркий свет, как полгода назад.

Здесь стрекочет кинокамера, Полинка бросилась на шею, Тихомиров от камеры сразу задает вопрос:

– Удалось?

Показываю гнутый ствол. «Ура!» Чему, дураки, радуются? Задница у нас полная. Но Тихомиров уже присел и строчит донесение, зашифровал его и, пока я пил кофе, отправил его в Москву. Через час обратная шифровка: «Приступить к исполнению операции „Горный стрелок“. Подпись: товарищ Иванов». Всем по фиг, что там лежит снег и не пройти. Действуйте, товарищ Горский! В принципе, у нас все готово: у Полины по образу и подобию пошита наша форма. Немного отличается материал, а так – похожа на первые выпуски мабуты. Есть деньги в долларах, золотых рублях и сберкнижка на предъявителя в одной из московских сберкасс.

Правда, неизвестно, сколько там сейчас денег, после двух реформ, но цифра большая. Еды и сухого немецкого спирта на десять суток, если экономить. Два «стечкина», один, правда, новодел, и патроны к друг другу не подходят, две СВД, они разные, у Полины она тяжелее, один ПБС и 25 патронов к нему, 4 монки, два радиовзрывателя. Патронов много не берем, бой нам принимать просто невозможно. Хорошие пуховки на гагачьем пуху, хорошие спальники, мы их уже попробовали на Туюк-Су. Но только одна веревка – 50 метров. Это ладно, нам вершины не покорять. На Клухор-баши холодно и ветрено, поэтому спустились в нижний лагерь. Полина, видя, что у меня очень серьезное выражение лица, не задает вопросов, что-то стряпает, подгоняет разгрузку. Подошел Тихомиров, предложил выпить и расслабиться. Я на него посмотрел, как на идиота, он отошел в сторону. Затем снизу поднялся Бокерия, привез шифровку из Москвы от Берии и небольшой сверток, довольно тяжелый. Я расписался в получении. После этого Гор передал конверт с письмами. Одно мне. Читать не стал. Будет еще время. Примерно догадываюсь, что там написано. Готов ужин, вчетвером садимся у костра. Горавия поднял свое домашнее красное вино, отказываться не совсем удобно, поэтому наливаем себе по стаканчику и мусолим его до конца ужина. Но он вопросов не задает. Утром поднялись наверх, и ушли в восемьдесят первый. Я прошел первым и отошел в сторону: впервые наблюдаю проход со стороны. Через три минуты появилась Полина.

– Не пускал две минуты пятьдесят три секунды. Затем потеплел. Но меня подташнивает.

– Резкое изменение высоты. Мы выше на почти два километра. На леденец с барбарисом.

И садись вон туда.

– Чем тут пахнет?

– Мышами. Да нет, летучими! – добавил я, видя, как Полина начала смотреть под ноги. –

Полежи здесь, отдышись, будет плохо – зови, я – у входа.

Надел бленды на бинокль, хороший, немецкий, и аккуратно залег у входа. Сектор маловат! Внимательно осмотрел местность, следов никаких нет. Недалеко – звериная тропа, архары ходили. Ни одного постороннего звука. Где-то спустя два часа донесся далекий звук мотора, воющего на подъеме. Дорога работает! Значит, слева от нас – противник. Потом меня сменила Полина, но никаких звуков она за время наблюдения не услышала. Ближе к вечеру попили чая, кофе слишком сильно пахнет, пожевали «второй фронт». Я заставил Полину присесть в быстром темпе пятнадцать раз и замерил пульс: где-то 130. Нормально.

– Ты выходишь первая, я прикрываю. Доходишь до тропы, осматриваешься и прикроешь меня, пока я заметаю следы. Начнем, как стемнеет.

Полина пошла вниз, наста почти нет, глубоко проваливается, я вышел из пещеры и осматриваю склоны и гребни. Чисто. Замести следы будет очень сложно, но будем надеяться на усиливающийся ветер и рыхлый снег. Слегка заравниваю дорожку и быстро спускаюсь вниз, поворачиваю направо, передаю страховку Полине.

– За мной, шаг в шаг. Вперед.

– Андрей, нам в другую сторону!

– Нет, нам туда. В Файзабаде нет интересующих нас людей, идем в Хорог.

– А как же приказ?

– У меня приказ связаться с Мосоловым, он – в Чирчике, а не в Файзабаде. Нам там делать нечего, и по такому снегу мы не дойдем.

– А пограницы?

– Вот им попадаться нам не с руки. Отставить разговоры, вперед!

Высоко! Снег глубокий, архары прошли здесь всего один раз после снегопада, через три часа подошли к морене ледника. Здесь снег сдуло. Мы остановились, чтобы привязать кошки. Отдохнули полчаса и двинулись вперед. За ночь прошли километров пятнадцать. Таким темпом до границы нам четыре ночи. Под утро решили встать на дневку. Но ветер был такой,

что без палатки находиться в неподвижном состоянии было невозможно. Мы дождались, когда рассвело, внимательно осмотрелись, никого не обнаружили. Оба устали, поэтому я расставил «памирку», мы залезли вовнутрь, влезли в спальники и зажгли спирт подогреть воду. Выпив чаю и пожевав немного, я разрешил Полине поспать, а сам вышел из палатки проверить дорожку следов. Снизу никто не поднимался, палатку быстро заносило снегом, поэтому я вернулся и тоже немного поспал. Так как район оказался пустынным, можно идти чуть ниже гребня и днем. Погода стоит такая, что хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. Если увеличить скорость движения, завтра можно начать спускаться к Пянджу. Через два часа разбудил Полину, привязал место к карте, слева Гульхана, довольно большое село, неконтролируемое нами, справа дорога, «ну а мы – посередине» на леднике. Собрались и пошли. По леднику нам еще километров двадцать, там вниз к Пянджу. Четыре села с афганской стороны и восемь с нашей. Пяндж – естественная граница между государствами: с одной стороны – Памир, с другой – Гиндукуш. Речка неширокая, но бурная. Красивая, но дико холодная вода. Там, где есть броды, с обеих сторон поселки. Мостов нет. Их только два и очень далеко отсюда. Ниже Хорога по течению есть два места, где ширина ущелья всего метров тридцать – тридцать пять, а ширина реки около двадцати пяти. Нам туда. В связи с труднодоступностью мест контрольно-следовой полосы нет, а датчики движения стоят не везде. Дело портит Памирский тракт: вдоль всей границы проложена дорога. Датчики движения стоят вдоль дороги и фиксируют все. Но нас не даром учили вскрывать подобные укрепления. Кое-какой опыт имеется. В том числе и в этом районе. На нас натаскивали погранцов, а мы натаскивали их, но... У каждой службы – свои секреты! Поэтому, пользуясь ненастной погодой, мы ускорили движение и вышли в расчетную точку к вечеру. Первым неприятным моментом было то обстоятельство, что наши погранцы стояли по обе стороны границы! Только заставы на афганской территории были смешанными, а граница технически не оборудованной. Я сначала обрадовался, увидев своих на этой территории, потом высмотрел, что это погранцы в касках. Положение еще более обострилось. Мы начали отходить на север, скрываясь и от духов, и от наших. Наконец нашли участок, охраняемый время от времени, у брошенной заставы Баш-Гумез. Три ночи подряд нас преследовала стая волков. Они здесь маленькие и противные. Кусаются и пытаются что-нибудь украсть. Но не шумят, не то, что шакалы. Но шакалы зимой куда-то уходят. На двух пришлось потратить три патрона от ПБС. Я вырезал у них гениталии и надергал шерсти с паха и под хвостом. Дорожку следов от брода мы присыпали волчьей шерстью. На правом берегу нет ни лесов, ни естественных убежищ. Мы вымокли на переправе, поэтому уходили вверх с максимальной скоростью. Заодно и грелись. Отмотав за ночь двенадцать километров, поднялись к расщелине в скале, закрепили там спальники, прикрылись от ветра скалой, поставили палатку и стали сушиться. В восьми километрах отсюда – шикарный ореховый лес. Завтра уйдем туда, если погранцы не накроют. Жутко холодно. Залезли в один спальник голышом и сушили собой одежду. Днем мимо нас прошел пограннаряд. Видимо, просматривают дорожку следов. Наверх они не смотрели, устали. Под вечер наряд прошел вниз. На плечах тащили двух волков. Только бы не простыть! Но полфляги спирта мы за день выпили. Ушли по гребню к ореховой роще. Я там знаю знатную пещерку, можно будет зажечь костер и полностью обсушиться. Подъем был тяжелый, и руки плохо слушались. Полина один раз сорвалась, немного поцарапалась. Подобрали валежник арчевый, ввалились в пещеру. Разожгли костер и начали все сушить. Перед этим я приказал разрядить оружие.

– Почему?

– Здесь нет войны. Нет противника. Это – СССР. Погранцы – такие же граждане СССР, как ты и я. Врагов, которых надо уничтожать, тут нет. Но нас надолго задержат, если мы им попадемся. Документы у нас у обоих не в порядке.

– А твои?

– Мои в порядке, но у меня нет пропуска в погранзону в этом районе. Все, я пошел наружу, сменишь меня через час. Все влажное и холодно. В первую очередь суши пуховку. Она быстро сохнет. И спальники. Они почти сухие.

На входе тишина, только ветки шевелятся от ветерка. Здесь микроклимат: снега уже нет, листики на деревьях, но ночами очень холодно, минусовая температура. Я продубел сильно за этот час, поэтому был страшно рад, когда меня сменили. Полинку у входа я оставлять не стал. Сходил, погрелся, собрав валежник. За час до рассвета мы вышли из пещеры и ушли наверх. Там припекало солнце и было довольно тепло. Но пришлось собираться и маскироваться: над районом закрутились вертолеты. Ночью ушли еще выше к заброшенному басмаческому стойбищу. Следов по дороге не было. Там и встали лагерем. Район очень удобный. Обзор подходов просто великолепный. Буквально склад саксаула под карнизом, никаких проблем с дровами. По дороге подстрелил архара, едва дотащили его до полупещеры. Наелись досыта, все высохло.

– Полина, пойдем, покажу, зачем мы шли сюда.

Я повернул небольшой рычаг, спрятанный за обычным камнем, опустил его и заложил камень на место. Прошли немного по пещере вглубь, подсвечивая уже садящимся фонариком.

– Вот сюда! – Я указал на пролом в стене. – Закрываем и подпираем этой палкой. Здесь можно спать. Эта лестница ведет наверх к наблюдательному пункту. Там светлее, чем здесь, днем. Вот сюда поставь котелок или кружку. За день накапывает четыре стакана воды. В семьдесят третьем мы всемером здесь неделю жили, пока нас погранцы искали. Потом выполнили задание и ушли. Пошли обратно! Убирай палку! Вот здесь вот рычаг! Наклоняй! Выходи! Правильно, здесь! Убирай камень, рычаг сам выпадет. Его нужно поднять и заложить камнем. Но это потом! Перетаскиваем вещи отсюда туда. А я вынесу золу, кости и тушу брошу возле ручья. Придут волки и шакалы и наследят здесь так, что любая собака сорвется на их следы. Мне нужно в Хорог, на связь. Сутки туда, сутки обратно. Возьмем на непредвиденное трое суток. Продуктов у тебя на восемь – десять, топлива тоже. Внутри ничего, кроме спирта, не зажигай, вентиляция там слабая. Вот наш маршрут на карте. Но лучше не рискуй и самостоятельно не возвращайся. Если я через десять дней не вернусь, оставляй здесь все и без оружия и документов выходи к погранцам. Ври все что хочешь. Максимум – это нарушение погранрежима. Документы потеряла, откуда ты – не помнишь, так как ударила головой. Говори, что из Ленинграда, как есть. Вот мой адрес в Чирчике, вот адрес моих родителей. Можешь сослаться на них, но это в крайнем случае. Выучи и уничтожь. Я постараюсь быстро. Друг у меня здесь живет: Рахмонов Саид. Вместе служили. Он, кстати, это место знает, но снаружи его не открыть и не подорвать, все обсыплется. И еще, он не знает, что есть два хода наверху. Пока раскапывают вход – можно уйти. Но я не думаю, что Саид нас сдаст.

– А что дальше, Андрей?

– Надо выбраться из погранзоны и лететь в Москву. Сегодня уже девятое февраля.

– Может быть, вместе пойдем? Я подстрахую.

– Нет надобности. Комендантом участка здесь капитан Терех, я его еще лейтенантом помню, ну и он меня. Серега меня не шибко любит, но даже арестовывать не будет. Запросит Чирчик и Ош. Так что, если я попадусь, то ничего страшного. Максимум трое суток на губе отосплюсь. Потом здесь сейчас базируется 860-й полк из Оша, я там тоже многих знаю. Так что я тут как рыба в воде, а вот тебе с твоими документами здесь делать нечего. Не волнуйся, солнышко! Выкрутимся!

Я проверил все на наличие следов, все чисто, ходили только по камням, поднялся на хребет, помахал Полине рукой, знаю, что наблюдает, и двинулся к Хорогу в наступающей темноте. Предстояло подняться на три хребта и спуститься с них, потом повернуть направо и пройти самый опасный участок: вдоль хребта к правому берегу реки Гунт чуть левее навесного моста и казарм погранотряда. Там – автопарк, замначальником которого работает Саид. Несколько километров пришлось бежать, чтобы успеть затемно. Главную опасность представляют маль-

чишки: они все в ЮДП и наблюдатели на вышках в отряде, но утром они в основном наблюдают за тем, кто идет из городка. Иначе могут море нарядов схлопотать, а когда здесь был Батя, начальник штаба отряда, полковник, а командиром был подполковник, то пропустить «начальство» было очень опасно! Я успел спуститься в заросли урюка до того, как рассвело. Выбрал орешину густую, забрался в нее и веду наблюдение за проходящими и приезжающими в автопарк. О! Саид! А растолстел-то как! Важным шагом идет от остановки автобуса.

– Паф-паф! Младший сержант Рахмонов! Вы убиты!

Саид крутит головой, но обнаружить меня не может!

– К дереву подойди и головой не крути!

– Андрей, ты?

– Я!

– Старший сержант Найтов! Сколько лет! – Он сделал вид, что чистит собственные брюки, так как приближались его сослуживцы.

– Пять лет, Саид!

– Ты какими судьбами?

– Да вот с погранцами в войнушку играем.

– Ты же уехал в морское училище!

– Я опять в «пятнашке», только теперь лейтенант. Мне нужен подбор, поэтому нужна связь с Чирчиком.

– Я думал, ты ко мне приехал!

– Обязательно заеду! Но сейчас нужен подбор.

– Опять Сереге выговор впают! Я оставлю открытым окно в свой кабинет вечером после работы и зайду поболтать с Хаким-ака. Давай! Увидимся! Серега – мой друг, но я всегда на стороне «спецуры»! Кстати, ты провидец: я женился на русской! Надя зовут. Будем рады тебя видеть! Но это на том берегу. Ульянова, шесть. Давай, был рад слышать, мне пора!

Самое гнусное – это ждать и догонять! Лежу в лешаке в кустах, земля холодная, а сверху припекает, но я – не шашлык, поворачиваться нельзя. С вышек этот кустарник виден. Время тянется, как резина. В обед по другой стороне дороги прошел Саид, минут через пятнадцать возвращается уже по этой стороне.

– Андрей!

– Здесь!

– Это тебе! После звонка отходи к белому дому, видишь?

– Да!

– Этот сектор не просматривается с вышек. Там проход между дувалами. Давай!

Он сунул в куст бумажный пакет. Я подождал немного, потом его забрал: самса! Сволочь! Знает, что я люблю! Впрочем, сейчас обед, так что запахом самсы никого не удивишь. А ел я вчера! Вкусная! После «обеда» время пошло веселее. В 17.30 солнце село за горы, похолодало и потемнело, я пополз к забору автобазы. Довольно быстро нашел пролом в стене, через который, видимо, таскают запчасти и бензин. Проскользнул на территорию. Вон вроде контора. Зашел с обратной стороны, обнаружил условный знак: «чисто», толкнул окошко и перемахнул через подоконник. Спустил телефон под стол, потрогал дверь: закрыта на ключ. На телефоне обратный номер. Обнаружил записку Саида: «Звони по автомату! 8-971». Только бы был дома!

– Таш полковник? – Он, вообще-то, подполковник, но не любит, когда его так называют.

– Слушаю!

– Лейтенант Найтов, четвертый батальон, вышел в Хорог, два «четырёхсотых», три места ноль-ноль-один, требуется лифт. Связи нет.

– Ты же... Живой, зараза! Мы ж тебя похоронили!

– Ну поспешили немножко, тела ведь не было?

– Не было.

– Мы можем выйти к «Славе КПСС» через двое суток. Груз небольшой, но очень важный. Кстати, несу вам привет из Кыштыма.

– Первая рота подберет, жди Васильченко или Карпухина. Почему из Кыштыма?

– Сами увидите! Связь кончаю! – Я повесил трубку. При помощи веревочки прикрываю окошко, отход тем же путем, но теперь налево, отхожу к дувалам двух больших домов. Здесь есть кустарник, ухожу туда. Надо ждать, когда все уснут! В своем лешаке я похож на кикимору. Если кто заметит, тут такое поднимется! Через час стук камешков: Саид не выдержал, подает условный сигнал. Зараза, как хорошо знает мои приемчики! Впрочем, чему удивляться! Мы с ним одного призыва, восемнадцать месяцев вместе ходили. Я подал условный сигнал. От дувала отделилась тень. Идет тихо, несмотря на то что растолстел.

– Андрюха! Черт! Как я рад тебя видеть!

– Привет, Саид! Я тоже очень рад! Дома-то что сказал?

– Что по делам. Как там ребята в нашей «девятке»?

– Я в четвертом батальоне, давно никого не видел.

– Так ты оттуда? – Он махнул рукой в сторону Афгана.

– Да.

– Как там?

– Война.

– На заставах повышение, большая стая волков перешла границу. Твоя работа?

– Да.

– Мастерство не пропьешь! А я хотел тебя к стойбищу подбросить, чтоб ты на волков не нарвался. Мою машину не досматривают. Моя жена – дочка начштаба. – Было видно, как он расплылся в улыбке. – Давай, в багажнике!

Я понимал, что он от чистого сердца, но рисковать не хотел.

– Нет, Саид! Я – одиннадцатым маршрутом. Так надежнее. Сведения у меня слишком ценные, да и человек ждет наверху. Спасибо, конечно, огромное! Обязательно заеду, с женой.

– Ты женился! Поздравляю!

– Все! Давай! И так шумим много! – Мы пожали друг другу руки, он выскользнул из кустов почти бесшумно и исчез между дувалами.

В 21.00 началась программа «Время», и я двинулся наверх: все у телевизоров. Прошел к камину, поднялся на плато. Дальше пришлось ползти: установлен пост наблюдения. Прошлой ночью его не было. «Вьетнамская гусеница» отбирает много сил, но ползущего совсем не слышно. Отойдя на двести метров от наряда, я встал и нырнул в тень от скалы. Все, прошел! Но продолжаю двигаться медленно. У них усиление, наряды могут быть в самых неожиданных местах. Прошел еще километра четыре, обнаружил пеший патруль со станцией и собакой. Пришлось затаиться и ждать, пока пройдут. В общем, до света к стойбищу я не успел. Надоело прятаться, слов нет. Нашел звериный ход в заросли барбариса, заполз туда и уснул. Солнце припекало, было довольно тепло. За весь день никого. Только пролетел вертолет. С наступлением темноты двинулся дальше и через три часа был на месте.

Простучал: дай-дай-за-ку-рить-дай-дай, и услышал, как заскрипела каменная дверь. Из темноты выскочила Поинка и зацеловала меня.

– Все в порядке? На связь вышел? Кушать будешь?

– Да, все в порядке, сама-то ела?

– Нет, тебя ждала, чувствовала, что ты где-то рядом.

Мы вошли в тайник, закрыли дверь. Зажгли спирт и поставили на огонь консервы и чай.

– Что-нибудь происходило?

– Нет, никого не было, только самолет пролетал вчера и пара вертолетов, но просто шли по маршруту. Ну и волков было много ночью. Потом какой-то странный лай слышала.

– Это шакалы вернулись. Жаль! Стукачи они! Как у нас сороки! Сейчас покушаем и тронемся подальше отсюда. Вот точка, в которую надо выйти послезавтра. Там нас подберут. На дневку встанем здесь. Места там мало, но вода рядом и людей почти никогда не бывает, особенно в это время года.

– Как у тебя прошло?

– Встретился с Саидом. Он нас приглашает к себе, после операции. Позвонил в Чирчик, нас встретят и вывезут из погранзоны.

Глава VII

Мосолов после звонка надел куртку и пошел в бригаду. «Странный разговор получился. Если он в Хороге, то почему не действует через отряд? Кто второй? Почему не в состоянии передвигаться? Что за груз? Причем тут Кыштым, в котором я не был с сорок второго года?» Он шел к штабу, Найтова он помнил еще солдатом. Довольно быстро он стал сержантом, а потом и вовсе заменил командира группы и последний год водил группу, в том числе на боевые, и в разных странах. Потом уехал в Ленинград, в морское училище, но в семьдесят девятом весной неожиданно приехал из Москвы в командировку от Генштаба на должность группера в формируемый новый батальон. Гибель его группы очень переживали все. И вот спустя полгода он появляется... Дальний заброс? Но почему подставили группу? Вряд ли... Войдя в штаб, он уже принял решение. Принял доклад дежурного и приказал ему заказать билет на утренний самолет в Ош. Зашел к ЗАСовцам и вызвал командира 1-й роты Васильченко. Рота находилась под Ошем, на выходе: обрабатывали взаимодействие с мотострелками в поиске.

– Казань-один, Гранату!

– Гранат, я – Казань-один! На связи!

– Первого на связь!

– Я первый, слушаю.

– Где находишься?

– В двенадцати километрах к югу от Нооката.

– Утром две машины и УАЗ направь в Ош, узик пришли в аэропорт к 7-50, встретить меня. Машины подготовить к маршу. «Баллонов» возьми самых опытных. Пойдем в Хорог. Как понял?

– Вас понял! Вас встретить?

– Если сам поедешь в Хорог, то приезжай. Времени нет, идем на подбор!

Марш был тяжелый: местность голая, у погранцов усиление, малость промахнулись с водой на первом участке. То ли консервы были пересолены, то ли просто нервничали из-за постоянно встречающихся пеших патрулей и воя шакалов, но вода кончилась быстро. Пришлось набить котелок снегом и размораживать его на себе. Не самое приятное удовольствие! К Сары-Агачу просто бежали! Все! Все заставы в тридцати километрах! Можно двигаться и днем, и ночью! Теперь успеем подойти к «Славе КПСС» в любом случае! Какой-то чудак на букву «м» прикрутил к скале огромные алюминиевые буквы, наподобие «Hollywood» в Калифорнии, и решил, что он «дизайнер», причем последние буквы он явно каРРтавил. Это сооружение видно на дороге Ош-Хорог на протяжении почти ста километров. Там, где они установлены, дорога проходит в ста метрах от сооружения. Три скрытых подхода к ним сверху. Днем есть тень от букв, и две расщелины от ветра. В общем, сооружение стало притчей во языцех. Мы подошли к нему еще засветло и стали ждать колонну. Они появились ближе к ночи: два бронетранспортера и узик. Я пошел вниз к ним, а Полина, подняв незаряженную СВД, следила за нами. Но я заметил, что два снаряженных магазина она вытащила из рюкзака. Из узика вылез командир бригады. Сам приехал! Докладываюсь: «Лейтенант Найтов, командир тринадцатой группы четвертого батальона, до посадки вертолет доставки был сбит, вышел из окружения». Мы обнялись с Васильченко и его новым взводным, я его не знаю. Мосолов стоял чуть поодаль и тоже меня облапил. Он крупнее меня, но ниже. Обнимаясь, тихо спросил: «Где второй и привет из Кыштыма?» – «Пойдемте наверх, товарищ полковник!» Он, чертыхаясь, полез за мной по камням.

– Андрей! Не спеши так! Далеко еще?

Мы отошли от колонны метров на шестьдесят, я поднял над головой руку. От буквы «А» отделилась фигура с рюкзаком и винтовкой в руке. Чуть не доходя нас, Полина остановилась:

– Курсант Мосолов! Доложите обстановку!

Мосолов выхватил из кармана фонарик и попытался осветить лицо Полины. Она сделала еще три шага вниз-вперед.

– Не слышу доклада!

– Старший сержант Еременко! – почти прошептал Мосолов. – Полина Васильевна, командуя пятнадцатой отдельной разведывательной бригадой специального назначения. Выполняю «подбор» группы лейтенанта Найтова. Здравствуйте! Вы же не вернулись с боевого выхода в сорок втором году...

– Он тоже не вернулся, подполковник Мосолов. Вы считаете, что разговариваете с трупами?

– Ни фиги себе: Привет из Кыштыма! Ты знаешь, кто она? Мой инструктор в разведшколе осназа по радиоделу и снайпингу. Самая красивая инструктор в школе. По ней все сохли!

– Я знаю, товарищ подполковник. Вот наши документы.

– Майор ГБ? И твоя морда?

– Грузиться будем?

– Да, конечно! Садитесь в мой узик! Где вещи?

Я поднялся наверх и взял свой рюкзак. Все вместе спустились вниз.

– Товарищ полковник! Вопросов явно будет много, давайте я сяду за руль, а водителя отправим отдохнуть?

– Да, конечно! Соловьев! К машине! Иди, поспи в БТР! Васильченко! Один БТР вперед, охранять УАЗ! Разворачиваемся, и в Ош! Топлива у вас на сколько?

– Заканчиваем дозаправку, тащ полковник! До Мургаба хватит! Там дозаправимся!

Мы двинулись колонной в сторону Оша. Полину никто не видел. Даже на заправке в Мургабе. Колонной прошли последний КПП выехали из погранзоны. Все! По дороге Полина вербовала Мосолова. Впрочем, этого и не требовалось делать: прочитав собственное письмо, которое он сам не писал, узнав, что это приказ Верховного, Мосолов приступил к выполнению задания. Как только прошли КПП, он снял гарнитуру с рации и сообщил Васильченко, что выходит из колонны, дальше они идут самостоятельно, о том, что и где делали и кого поднимали, никому ни слова. Я нажал на газ и прибавил скорость. Командир и Полина разговаривали об общих знакомых, я им не мешал, а продумывал варианты, как быстрее попасть в Москву. После Гульчи дорога пошла вниз, так что вылетели из головы всякие мысли, все внимание дороге. Прошли «бабочку», стало чуть попроще, наконец горы остались позади. Командир с кем-то связался, после этого сказал: «Заправляемся в 111-м и в Фергану! Там борт на Чирчик. Нас будут ждать. Аккуратно прибавь!» Проехали через Ош. Первый довольно большой город на пути. Полина с огромным интересом рассматривала окрестности и людей. Проехали мимо «трона», погранотряда, по кольцу прямо и налево, мимо ипподрома, в парк 111-й ПДП. Подполковник Дураков недоуменно посмотрел на меня: «А говорили, что ты погиб?» – «Сбредхали, товарищ подполковник!» Я быстренько заправился, развернулся, и мы выскочили на шоссе, и через два часа я расписывался за полученные парашюты в ПДС, а командир и Полина уже были на борту Ан-12. Подъехал, выгрузил парашюты, а прапорщик из ПДС забрал машину. Все, в воздухе. Через сорок минут мы сели в Чирчике, нас ждала машина командира. Поехали не через город, а через полигон и Азадбаш. Мост, КПП, я дома! Машина тормознула возле штаба. Командир отмахнулся от дежурного, он был мне незнаком, и мы прошли в его кабинет.

– Сейчас получишь деньги за полгода и командировочные в Москву на тебя. Полину переоденешь в гражданку. По плану бортов в ту сторону нет, придется поездом. Я оформлю

отпуск тебе, это еще деньги. И в Москве, в Управлении получишь свои командировочные и чеки. В поезд, и вперед.

Он позвонил Начфину.

Семеныч разулыбался, долго стучал мне по спине: «Живой, чертяка! Наши в огне не горят и в воде не тонут!» Через полчаса, уже с отмененным приказом о снятии со всех видов довольствия, я стоял возле кассы бригады. С боевыми набежала очень солидная сумма. И в Москве будет еще, мне показали расчетный лист. Если чеки загнать, то даже на «семерку» хватит! Я вернулся в кабинет командира.

– Все? Готов? Полина Васильевна, теперь ко мне! Обедать! Жена и дочь уже ждут! Вы – официально жена Найтова. Так что никаких секретов мы не откроем. Плюс мои девицы помогут Вам переодеться и привести себя в порядок.

Мы пришли к командиру: Мария Филипповна и Светка крутят пельмени. Это фирменное блюдо Марии Филипповны, она из Сибири. Бессменный Председатель Женсовета, гроза всех молодых лейтенантов бригады и семейных пар. Светка – студентка Ташкентского университета. Вечно мне глазки строила и любила потанцевать со мной. Полину поначалу восприняли как очередную «незадачливую женушку» молодого лейтенанта. Командир их поправил, сказав, что у Полины несколько «боевых».

– Андрюшка! Ты где такую нашел? – спросила Мария Филипповна.

– Это она меня нашла! Я здесь ни при чем! Я просто капитулировал! – За что я получил подзатыльник от супруги.

Светка тоже сначала надулась, а потом с удовольствием взяла шефство над Полиной, которая была не в зуб ногой в современной моде. В итоге после обеда все женщины на «жигуленке» укатили «прошвырнуться по магазинам», так как местный «Бахор» их полностью не устраивал. Полину переодели в Светкины вещи и повезли одеваться «для Москвы»! Все! Плакали наши денежки! Ну посмотрим, кого они мне вернут обратно! Роберт Павлович хохотал вместе со мной, но отпустил дам в Ташкент. Когда ушли, он налил себе и мне водки.

– Андрей! Давай за тебя и за успех нашего безнадежного дела. Сам понимаешь: всколыхнуть это болото несколько трудновато! То, что ты выкрутился, – это замечательно. Я вылечу самолетом в Москву и встречу вас на Казанском. Давай!

Мы выпили.

– Ты его, правда, видел?

– Да. И вы из того мира его тоже видели и разговаривали с ним.

– Ой, не знаю, Андрей. Лезем мы в дебри! Чем это закончится – никому не известно.

– Да, конечно, товарищ полковник.

– Что там сейчас?

– Сняли блокаду Ленинграда, летом. Паулюс капитулировал в январе, Ростов взяли обратно, тоже в январе. «Большой Сатурн» состоялся. Гитлеру – хана пришла. Сейчас его войска окружают под Харьковом.

– Мне бы туда! С сегодняшним опытом!

– Ну если получится. Главное – здесь сработать. Иначе не с чем будет возвращаться.

– Ты прав!

Командир немного «нагрузился», думая о чем-то о своем. Вернулись дамы! Полинку я практически не узнал: голубое пальто-«дутик», высокие австрийские сапоги, джинсовый костюм, модный парик, большой импортный чемодан в дорогу и норковая шапка. Девочки с ходу уселись перед зеркалом рисовать Полине лицо! Пользоваться современной косметикой она не умеет. Я вышел покурить на кухню, там меня перехватила Светка:

– Ты где нашел такую «дьяревню», Андрей?

- В Афганистане, Светусик. Вообще-то, у нее папа – профессор Политеха в Питере, ну а женские причиндалы она никогда не носила.
- А почему у нее белье армейское?
- Там другого не выдают, Светка!
- Кошмар! Никогда бы не согласилась такое носить!
- Еще как согласишься! Поверь!

Глава VIII

Нас посадили в СВ на проходящий поезд Андижан-Москва. Больше всего Полинку поразили телевизор и назойливость дам в Чирчике.

– Как они меня достали, Андрей! Мне хотелось стрелять! – Это было первое, что я услышал.

– Привыкай! В маленьких гарнизонах первую скрипку играет жена командира.

– Я бы ее убила! А девица почему-то меня ревновала! У тебя с ней что-нибудь было?

– Нет. Несколько раз танцевали вместе в клубе части.

– И ВСЕ?

– Да.

– Я подумала, что я у нее жениха увела как минимум. Слушай, это действительно сейчас модно и так одеваются все?

– Не совсем. Так одеваются те люди, у которых есть деньги и связи, чтобы так одеться.

– Ты шутишь?

– Нет. Совсем нет. Тебе-то как?

– Очень неудобно, особенно нижнее белье. Но красивое. Еще Светлана что-то сказала по поводу моей груди, дескать, сейчас это не модно. А что: грудь можно изменить? Я считала, что это от родителей достается. А вот брюки очень удобные. Они за ними специально в какой-то поселок ездили.

– Джинсы «Ли-вайс». Действительно сейчас очень модная штука. Вообще они старались и одели тебя хорошо.

– А парик зачем?

– Ну, в первую очередь – модно. Во-вторых, короткую прическу, как у тебя, никто не носит. Она мужская.

– Да и у нас никто такую не носит, все больше косы, это же для разведки. Неужели я так «страшно выглядела», как они говорят?

– Для меня? Для меня ты выглядела самой красивой девушкой в мире. А на мнение остальных мне было и есть сурово наплевать!

– Ты подлизываешься?

– Нет, солнышко. Можно я тебе, только тебе, признаюсь? Я люблю тебя. Правда!

Полинка ткнулась мне в плечо головой.

– Ты все врешь! Я тебя очень люблю. Представляешь, Мария Филипповна посоветовала, чтобы мы не затягивали с ребеночком! Она что, не понимает, что идет война?

– Здесь нет войны, Полина. Давно. Их интересует больше, что «выбросили» в «Бахоре», чем все остальное. Светлана на кухне очень интересовалась твоим армейским бельем.

Полина покраснела.

– Да, они обе на него уставились, как будто в первый раз увидели. Но этот «дедерон» здорово щиплет.

– Чай или кофе будешь? Кофе не бери! Он в поездах очень плохой. Это не кофе, а напиток «лето»! Роберт Павлович дал нормальный, индийский.

На самом деле Полина почувствовала себя женщиной. Она даже продемонстрировала свое белье, правда, как бы ненароком. Каждой женщине хочется выглядеть привлекательной и желанной. Тем более после стольких дней воздержания, тяжелых маршей, ледяной воды, сидения взаперти на старой басмаческой базе!

Ночью мы практически не спали, наслаждаясь друг другом. Мерное постукивание колес, позвякивание стаканов в подстаканниках, время от времени пролетающие мимо фонари настраивают на необходимую волну. Все опасности позади, и хотя мы оба понимали, что все

только начинается, все равно мы стремились заполнить эту мирную паузу друг другом. Оба воспринимали это купе как наше свадебное путешествие. До этого момента у нас не было возможности уделить много внимания друг другу. Теперь мы с лихвой закрывали этот пробел в отношениях. Днем я показывал Полине знакомые с детства места. К вечеру проехали Ленинск, я с гордостью показал ей на космодром. Полине очень понравился Ташкент, она удивилась, узнав, что город полностью был разрушен и восстановлен в 60-е годы. Мы не отходили друг от друга ни на шаг. Для нее, особенно для нее, окунуться в мирную жизнь не сильно получалось: давило то обстоятельство, что сейчас кто-то гибнет, а мы сидим в вагоне-ресторане и ожидаем неторопливого официанта. Контраст был слишком велик, поэтому на второй день я услышал от нее, что она хочет поскорее вернуться. Произошло отторжение этой реальности. Все эти мелкие мирные заботы ее мало волновали. Она не представляла себе ни на секунду, что можно просто выйти из войны в мир и это новая реальность. Она и ее сознание осталось «там», в сорок третьем. Она штудировала Москву, я отвечал на многочисленные вопросы: как купить билеты, сколько стоит транспорт, где могут потребовать документы и тому подобное. Она здесь на нелегальном положении: документов у нее нет, только образца сорок третьего года. И меня она воспринимает как майора ГБ Горского, а не как лейтенанта Найтова. Она не понимает, что это мой мир и мой дом. Что скоро в Москве нас встретят мои родители, полгода назад получившие сообщение, что я не вернулся с боевого задания. Телеграмму им я отправил еще из Ташкента. Тем не менее все мои ночи заполняла она и ее любовь. Чем ближе была Москва, тем стремительнее преображалась Полина. Утром перед приездом она уже «была на задании». А я ей не говорил, что ее ожидает. Толпу на перроне она увидеть не ожидала. Когда нас обоих зацеловали, затискали мать, тетка и бабушка, сестра с братом, двоюродная сестра, два дядьки и отец. Рядом на перроне стоял Мосолов. Я представил его отцу. На четырех «волгах» двинулись в Ватутинки. Меня заставили переодеться в парадную форму, которую привезли родители. Китель мне оказался чуточку тесноват. За прошедший год я солидно раздался в плечах.

Моим Полина понравилась. Мама придирчиво ее осмотрела и не нашла в ней недостатков. Бедная мама! Она даже не представляет, что Полина старше ее почти на тринадцать лет. Но правильный ленинградский выговор дочери филолога, не испорченный современным сленгом, привел в восторг маму. Единственное, что она не понимала, где и когда состоялась наша свадьба и почему мы никого не известили об этом.

– Тебе идет морская форма! – услышал я от Полины на балконе девятого этажа. – Мне понравились твои родители и родственники. Все военные. Интересно, мои родители живы или нет?

– Если будет время, обязательно съездим в Ленинград.

– Когда приступим к заданию?

– Считай, что приступили. Дядя Дима – начальник Политотдела шестого Управления ГШ ВМФ, военно-морской разведки. Сейчас закончат радоваться и состоится «совет в Филях»! Я же специально притащил сюда Мосолова. Дядя Вова учится в Академии Генштаба, Огарков там преподает и штатный военный атташе. Имеет пропуск в Министерство Иностранных дел. А там – Громько. Отец хорошо знает Командующего ВВС.

После обеда мужчины собрались на балконе покурить, и мы начали «большой совет». Я и Мосолов представили Полину. А я рассказал о своем «путешествии» и задании: выйти на переговоры с руководством СССР. Все, кроме молодого дяди Володи, фронтовики. Лица у всех серьезные. Документы и фотографии, которые мы предъявили, их поразили. Мосолов подтвердил, что Полина – инструктор разведшколы при курсах «Выстрел», которые он заканчивал во время войны.

– Как ты там оказался, Андрей? – спросил отец.

– Пап, это – «ОГВ». Меньше знаешь – крепче спишь.

– У вас ничего не получится... – задумчиво вставил дядя Дима, знавший политическую кухню изнутри.

– Я знаю, но у меня приказ Верховного и полномочия от него на проведение переговоров. Полина, дай бумаги.

– Серьезная бумажка! Но тут она не прокатит.

– Требуется, чтобы прокатило.

– Задал ты задачку! Вечно во что-нибудь вляпаешься! – пробурчал отец.

– Пап, в новой реальности твоего шрама на спине нет. Клухор мы удержали, твой партбилет у тебя в кармане, и ты учишься не во Фрунзе, а в Качинском. – Отец, который три года был на волоске из-за закопанного на Клухоре партбилета, покачал головой. Я достал карту с положением на фронтах по ситуации на 3 февраля 1943 года. – И это – воздействие одного информированного человека. А теперь представьте, что произойдет, если вмешается СССР восемьдесят первого? Сколько жизней спасем?

– Ты изменился, Андрей...

– Да, я – майор Госбезопасности Горский, полномочный представитель Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, а не лейтенант Найтов, товарищ генерал-майор запаса.

– Даже по званию меня догнал. – Сидящие вокруг подполковники и капитаны первого ранга заржали.

– Петро, растут детки! Быстро растут! Ладно, Андрюшка! Все, что в наших силах, – сделаем!

Глава IX

Мы завезли Мосолова к его родственникам, а сами поехали на квартиру, ключи от которой передал нам он. Это была квартира одного из офицеров бригады, который сейчас находился Кандагаре. Маленькая однокомнатная квартира недалеко от Управления. Утром нам надо идти туда. Свежестроенный «аквариум» сиял и сверкал чистотой. Еще вчера мы с Мосоловым договорились, что здесь не будет сказано ни слова ни о чем. Только о том, что вернулся. Без этого – никак. Тем более что я не штатный, а прикомандированный. Полина осталась мерзнуть на улице, а мы пошли в кадры. Там особых вопросов не возникло, так как приказ уже подписан и командир части рядом стоит. Но нам не повезло: нарвались на Ивашутина в коридоре! А у него просто фотографическая память. Мосолов попытался отправить меня по делам дальше, но это не получилось. В марте семьдесят девятого именно Ивашутин разговаривал со мной, предлагая не отказываться от вызова из бригады.

– Подполковник Мосолов! А вы что тут делаете? А это кто? Найтов, что ли? Как служит? Постой, постой! Он же погиб вместе с группой!

Я сделал глупое выражение лица и пару раз обернулся вокруг.

– Товарищ генерал-полковник, колено он повредил, недавно вышел. Я его в отпуск отправляю, пусть подлечится.

– Путевку выбиваешь для любимчиков? Ну пусть съездит в Гудауту! Скажи, что я приказал.

Пришлось изображать прихрамывающую лошадь. Самый опасный человек в управлении! Он из КГБ – раз, с Крючковым не разлей вода – два, с Брежневым вместе водку пил – три. Бессменный начальник ГРУ с шестьдесят третьего года – четыре.

– Так что, Найтов, решил не возвращаться на флот? А как просил! Дескать, только в командировку!

– Я еще не решил, товарищ генерал. Думаю, пока.

Блин, вот привязался! Наконец он меня отпустил, а Мосолова потащил за собой. Я получил деньги, сдал отчеты, расписался в приказах, наконец появился Мосолов.

– Тебе путевка нужна? – Я мотнул головой. Район Сухума меня сильно интересуется на случай отхода.

– На март. Не раньше.

– Понял! Пошли.

Еще полчаса потеряли, оформляя бумажки.

– Старый «контрик» хочет тебя видеть и поговорить о том, где ты отлеживался. Но я сказал ему, что у тебя самолет, летишь домой к родителям. Он приказал после отпуска зайти к нему. Больше ему на глаза попадаться не стоит.

Удалось выскочить из Управления незамеченными. Гад, не забудет ведь! Но теперь я чист как стеклышко и официально в отпуске. Командировочное отдал командиру. Он пошел с кем-то встречаться из Управления, этот кто-то постоянно работал с Огарковым, а когда-то служил у нас в бригаде.

– Буду вон в том кафе. Пусть Полина подстрахует меня и запомнит этого человека. Тебе на него выходить не стоит. Мы с ним давно не общались, а сам знаешь: в Москве люди здорово меняются.

Полине удалось сделать несколько снимков встречи. Вернувшийся Мосолов сказал, что человек отказался организовывать прямую встречу с Огарковым или Устиновым. Не хочет рисковать. Мы поехали обратно на квартиру, оттуда позвонили всем. Там тоже глухо. Но еще не вернулся отец из штаба ВВС. Повесили трубку. Звонок: отец!

– Мосолов у тебя?

– Да.

– Все сюда! Кутахов всех ждет.

Главный маршал авиации Кутахов как был лихим истребителем-фронтовиком, так и остался. Он не отказался встретиться с бывшим фронтовиком-истребителем, хотя, скорее всего, думал, что отставник будет у него что-то выпрашивать. Такого разворота событий он не ожидал, но принять нас согласился.

– Первое, что с нас попросят, – доказательства! – сказал он после разговора.

– Есть у нас доказательство, товарищ маршал. Вот сидит. В главном разведывательном управлении Генштаба лежит ее личное дело в архивах. Там есть все, в том числе и ее отпечатки пальцев, и ее личный номер.

Кутахов аккуратно переписал все и вызвал адъютанта:

– Срочно запросить наличие личного дела старшего сержанта Еременко Полины Васильевны в архивах ГРУ Генштаба. Одна нога там, другая тут. Скажи Кондрашкину, чтобы накрыли обед на всех. Пойдемте обедать, товарищи.

Во время обеда он живо интересовался происходящим на фронтах. Было видно, что он мысленно уже там, что он хочет оказаться там и провести все немного по-другому. Отомстить за все потери, кровь, слезы. Этот человек привык рисковать своей шкурой, а не подставлять солдатские души.

– Эх, мне бы туда, сейчас, – тихо сказал маршал. Я понял, что он сейчас поднимает «кобру» в своих мыслях, видя, как сжалась его левая рука, как будто бы держит РУД.

– И нам, – ответили остальные.

После обеда появился адъютант, который привез личное дело Полины. Кутахов вызвал начальника особого отдела и приказал ему снять отпечатки пальцев Полины, официально зафиксировать это и сфотографировать этот процесс. Сам он только попросил у Полины красноармейскую книжку и сличил номер, записанный в деле.

– Лично мне этого достаточно, – сказал Кутахов, возвращая Полине документ. – Неожиданно, конечно, очень неожиданно. Так кто старший группы? Вы или лейтенант Найтов?

– Старший группы – майор ГБ Горский, он же лейтенант Найтов.

– А почему именно он и почему вас только двое?

– Устройство, мы его называем порталом, пропускает людей избирательно. Пока через него прошли только мы. Времени подобрать еще людей у нас не было. Верховный принял такое решение. Он сомневается, что удастся реально получить помощь отсюда, товарищ маршал, и решил выяснить это как можно скорее.

– Чем вы занимались там, майор. Они знают, что вы – лейтенант?

– Да, мое звание здесь им известно. Я занимался проектом РДС. – Кутахов вскинул на меня глаза. – Внедрением некоторых систем вооружения: единого пулемета Калашникова, винтовки Драгунова, пистолета Стечкина, мин направленного действия, зажигательного и ракетного оружия, подготовкой групп осназа, и поиском людей, способных проходить через портал. В общем, работал. У нас есть небольшой фильм, снятый по приказу Сталина. Он, правда, предназначен для другого человека, но я считаю, что вам его будет посмотреть полезно. Снято на тридцатипятимиллиметровую пленку.

– Хорошо, давайте посмотрим.

Полина из сумки достала фильм, снятый для Огаркова. Пришлось повозиться, открывая герметическую упаковку: коробка была залита смолой. Солдат помог вставить ленту в киноаппарат, после этого особист удалил его из кинобудки. Я уже видел этот фильм, поэтому остался рядом с особистом.

На экране были Сталин, молодой Огарков, молодой Мосолов, Василевский, Берия, Меркулов и мы с Полиной. И его последние слова: «Мы посылаем к вам этих людей, рассчитывая на вашу помощь в этой священной для нас войне».

Выйдя из зала, Кутахов вытирал слезы.

– Верховный подчеркнул, что отправляет к нам самого нужного сейчас стране человека.

Чем вы, лейтенант, это заслужили?

– Вы историю войны помните? По состоянию на начало сорок третьего?

– Да, конечно.

– Вот карта боевых действий на третье февраля 1943 года в новой реальности, товарищ маршал. Это подпись Верховного, это Василевского. Снята полная блокада Ленинграда, еще летом, отстояли Сталинград, немцев окружили под Калачом, удался «Большой Сатурн», освобождена Тамань, бои под Харьковом. Наступаем на Мариуполь.

– А на севере? – спросил бывший летчик Карельского фронта.

– Там пока без значительных изменений. Тяжелые оборонительные бои.

– Что требуется от нас?

– Чертежи и технологические схемы вооружений конца войны, немецкие шифры, гранатометы, «Шмели», немцы собирают кулак под Харьковом, авиационные пушки Грязева с технологией производства, радиолокаторы, радио и лазерные дальнометры для истребителей и штурмовиков, ЗАС и средства связи. Материалы по ракетному оружию, образцы двигателей крылатых ракет. В основном – техническая помощь, консультации, все по транзисторам и навигационным системам.

– Вы говорили, что участвуете в проекте РДС. Что там происходит?

– Полным ходом идет строительство в Снежинске. Запустили реактор в Москве. Но начало наработки плутония в плане на будущий год только. Средств не хватает. Но расчет имплозии выполнен. В общем, все, что могли.

– Американцы?

– Несколько неприятных минут мы им доставили: у них пока почти нет урана, начали возить из Африки, по капле. Как у нас было, когда на ишаках возили, товарищ маршал.

– Твоя работа?

– Нет, Меркулова, я только подсказал, где он лежит.

– Про Хрущева Он знает?

– А как же, товарищ маршал!

– Наш человек! Василич! Дельного мужика воспитал!

Он снял трубку вертушки:

– Дмитрий Федорович! Как здоровье?.. Ну грех жаловаться! А Александр Викторович что говорит?.. Отлично! Да-да! И в Карловы Вары! Самое то! Слушай, в гости хочу набиться, и не один... После съезда? Нет, не прокатит!.. Да, нет! Ни о каком «Т-десять» разговоров не будет. Есть решение, будем ждать. А в гости надо сегодня... Ну какая печень, о чем ты! Максимум по пять граммов. Люди подобрались непьющие. Чай, не Леонид свет Ильич... На дачу? Понял. К двадцати? Отлично!.. Нет, не много. Пять человек, вместе со мной. Ну все, до вечера!

– Все! Нас ждут к двадцати на даче. Собираемся здесь в 18.30. Василич, у тебя номера на машине какие? Нет, это не прокатит! Отсюда вас штабная «волга» заберет. Так что здесь, через три часа.

Едем по Москве с мигалками – удобно для тех, кто едет с мигалками. Остальным нешибко. Довольно быстро выскочили на Рублевку. На КПП у дачи нас даже не тормозят. Кутахов церемонно представляет нас министру.

– Генерал-майор Найтов, вы его знаете, помните: Су-7б представлял, и в семнадцатой армии был И.О. Это его сын, он из спецназа, а это – командир его бригады – подполковник Мосолов. А это – наш сюрприз. Чуть попозже представим. Тут с лейтенантом такая история приключилась, что я был вынужден попросить вас об аудиенции, товарищ маршал. Вы же Ста-

линский Нарком. Давайте посмотрим вот эти два фильма, они коротенькие, но кроме нас их видеть никто не должен.

– А кто запустит проектор?

– Лейтенант, сможешь?

– Так точно.

– Вот этот мы смотрели, а вот этот еще запечатан. Посмотрите на печати и упаковку.

Министр полез в карман за очками.

– Надо же! Где нашли? Очень интересно! А почему адресовано мне?

– Подпись видите? – спросил Кутахов.

– Сам? Вскрывать, лейтенант, ставь!

– Дмитрий Федорович, может, сначала этот?

– Нет, пусть его Огарков смотрит. Или позже.

Я запустил проектор и вошел в столовую. Через несколько десятков секунд под министром закрипело кресло: он встал. Остальные поднялись тоже. Лента кончилась. Экран светится белым прямоугольником, а Устинов стоит столбом. Наконец он вытер лоб и сел. Я вышел и остановил киноаппарат.

– Кто такой майор Горский?

Я подал ему свое удостоверение.

– Вы и тот человек, которого к нам послали, одно и то же лицо?

– Так точно. Вот мои полномочия. – Я передал ему приказ Верховного.

– Как?

– Я случайно обнаружил устройство, которое переместило меня в август 1942 года. Там я находился до четвертого февраля 1943 года, после этого, по приказу Верховного, вернулся в восемьдесят первый год. Вместе со мной переместилась старший сержант осназа Еременко, единственный человек, которого пропустило устройство и который может подтвердить свое происхождение архивными документами.

– Я уже проверил эти документы, товарищ маршал: вот заключение экспертов. – Кутахов передал Устинову бумагу: отпечатки идентичны и принадлежат старшему сержанту осназа Еременко Полине Васильевне, 1919 года рождения, инструктору разведшколы при курсах «Выстрел».

– Я заканчивал эти курсы в 1942 году, товарищ маршал, радиodelo и снайпинг мне преподавала она, – сказал Мосолов.

– Отсюда следует, что вы – майор ГБ Горский, полномочный представитель Ставки ВГК. Здравствуйте, товарищ майор, – произнес Устинов и протянул мне руку.

– Здравия желаю, товарищ маршал!

– Кроме кинофильма, товарищ Сталин что-нибудь еще передавал для меня?

– Так точно, но я могу это передать только вам, в присутствии сержанта Еременко.

– Пройдемте в мой кабинет.

Мы вышли из столовой, прошли немного по коридору за министром, вошли в его кабинет. Я достал «сопроводилку» и свое удостоверение.

– Мне сказали, что вы знаете, где смотреть допуск. – Он безошибочно открыл страницу, взглянул на нее и покачал головой.

– «ОГВ», я так и думал.

– Распишитесь в получении, товарищ маршал Советского Союза! – Он достал ручку и уверенно расписался.

Я передал письмо. Он прошел к столу и остановился возле кресла. Постоял, постукивая по столу конвертом. Затем сел и вскрыл ножом конверт. Минут двадцать он читал и перечитывал документ.

– Содержание знаете?

- Там стоит моя подпись, я и сержант Еременко ознакомлены еще 25 января 1943 года.
- Да, я вижу. У меня есть время подумать?
- Так точно. Просили не затягивать с ответом. До открытия съезда я должен знать ваш ответ.
- О чем тот фильм, который Он просит показать?
- О предательстве Хрущева.
- Понятно. Как вас найти?
- Через Кутахова.
- Он в курсе?
- Только о том, что мы просим помощи.
- А если Леня согласится? Я сумею его уговорить, можно обойтись без кино?
- По анализу Меркулова, следующим генсеком станет Андропов, и все пойдет насмарку.
- Всеволод Николаевич умен. Все просчитал!
- Кинофильмы, с них надо сделать копии, а оригиналы я заберу.
- Да-да, сейчас напишу распоряжение, завтра заедете на ЦСДФ СА и сделаете. Две копии каждого мне. – Он передал мне бумагу со своей личной печатью. – Как там сейчас? Сталинград в полном разгаре?
- С Паулюсом мы уже покончили, товарищ маршал. Вот, смотрите! – И я передал ему карту. Он посмотрел на нее и покачал головой.
- Однако! Я сниму копию?
- Снимайте, одну. – Он подошел к ксероксу и передал мне копию. Я завизировал ее. Забрал оригинал, отметив на обороте копирование, попросил его расписаться.
- «ОГВ», – пробормотал он. – Пойдемте, извинимся перед присутствующими, ужина не будет.

В этом министр ошибался! В столовой всю хозяйничала Таисия Алексеевна, все было накрыто, и ждали только нас. На его возражения жена отреагировала просто:

– За стол! Ты не ел с утра! И никаких возражений, иначе Александру Викторовичу пожалуюсь!

Кто такой Александр Викторович, я не знал, но можно было догадаться, что это его личный врач.

За столом было полное молчание, министр, не поднимая головы, медленно ел. Первой не выдержала его жена:

- Дима, что-то случилось?
- Да. Получил привет с того света!
- Плохо себя чувствуешь? – забеспокоилась она.
- Нет, чувствую себя даже помолодевшим на много лет. Просто пацаном-наркомом оборонной промышленности себя ощутил.
- Так что плохого?
- А то, что за все это, – он обвел вокруг себя пальцами, – придется ответить! Говорил я Ленке!!! Хозяин вернулся! Привет мне передал.
- Он же... – тихо сказала Таисия Алексеевна, мгновенно побелев лицом.
- Живой! И моложе меня! Еще и сюда может прийти. Война кончится, и придет! Впрочем, пусть приходит! Я – чист! Всю жизнь на оборону страны положил. В общем, так, майор! Сделаю! Все, что в моих силах, сделаю! – Министр обороны взял бутылку коньяка и от души плеснул себе в бокал.
- Тебе ж нельзя! – прошептала жена.
- Можно и даже нужно! За Родину, за Сталина!

Все выпили стоя. Так как трое из семерых воевали на Ленинградском фронте, то расставались мы под «Героическую Волховского фронта»:

Кто в Ленинград
Пробивался болотами,
Горло ломая врагу!

Вся компания громко горланила:

Выпьем за Родину,
Выпьем за Сталина,
Выпьем и снова нальем!

А мне хотелось завывать:

А под Кабулом,
Весь горя,
В ущелье падал
Вертолет!

А какая разница, где падать? Под Кабулом, под Файзабадом или под Кандагаром. Мне повезло, я выжил. А кто воскресит моих ребят? Мне повезло: сидел возле выхода. Им – нет. Им пришлось заплатить самым ценным. А будут еще войны. И потери. Держись, стрелок! Большая игра начинается! Где ты – пешка!

В результате у меня на руках оказалась новенькая ЗАС-радиостанция. Как сказал министр: «Таких еще ни у кого нет, в том числе и у КГБ. Наговариваешь сообщение, ждешь зеленого сигнала, нажимаешь кнопку, и оно уходит за полсекунды. Запеленговать невозможно. Или с большой погрешностью. Это прямая связь со мной. Носи с собой».

Глава X

Утром на столе у начальника девятого Управления генерал-лейтенанта Сторожева лежало донесение о шумной пьянке на даче Устинова. «Выздоровел!» – подумал Сторожев, двух из пяти гостей он знал: все военные и молодая девица. «Очередной генерал свое чадо пристраивает». Поморщился, заглянул в картотеку, так и есть: генерал оказался в запасе. Ничего интересного. Фотографии нечеткие, надо послать спецов сменить и проверить технику. Покрутив в руках сообщение, он отложил его на уничтожение. Набрал номер охраны министра обороны и закатил разнос за плохое содержание спецтехники и нечеткие фотографии. Мысли о том, что на лице у нас «корректор» у него не возникло.

Мы проснулись поздно, почти в десять, так как отец забрал фильмы и поехал вместо нас на студию их копировать. Он же отвезет их в МО. Нам лучше лечь на дно и не отсвечивать в Москве. Сегодня занимаемся транспортом. Оформляли его на дядю Диму, у него другая фамилия. Сходили проверили счет в сберкассе, заказали недостающие деньги. Купили «Волгу-24-24» с автомат-коробкой, дядя Володя помог по своим каналам. Когда-то она была черной и с мигалками, теперь она темно-коричневая. Терпеть не могу такой цвет, но маскировать удобнее. Много времени потратили на оформление доверенности на управление: пришлось отсидеть в большой очереди и купить секретаршам нотариуса подарки. Иначе: «Зайдите через неделю!» Сообщений от Устинова нет. Он вышел на связь вечером, переслав короткое сообщение: «Получил, спасибо!» Это про фильмы. Сейчас от нас уже ничего не зависит. Собственно задание мы выполнили. Теперь занимаемся сбором открытой информации. Если они не пойдут на развитие сотрудничества с нами, то и этой информации хватит. Наблюдения за собой мы пока не обнаружили. Назавтра планируем поехать на ВДНХ и снять все, что удастся, в павильонах Министерства геологии. Мизер, конечно, но это дополнительные деньги в копилку Победы. До начала съезда еще пять дней.

Полина с огромным интересом бродила по ВДНХ, ей все понравилось, сделано, конечно, красиво. Ее удивляют очереди, большое количество машин с мигалками, очень понравился Новый Арбат. Но нетерпение все-таки проявляет: «Что они тянут? Нам пора назад!» Наконец в 21:00 загорелась лампочка приема на ЗАСе: Устинов передал указание подъехать на Новый Арбат к 22 часам к дому номер 30, напротив библиотеки будет стоять машина, и передал ее номер. С Горским хочет встретиться Громыко.

Машину не берем, ныряем в метро, а затем, смешавшись с толпой, идем к зданию СЭВ. Разделились, Полина прикрывает. Без трех минут десять напротив библиотеки остановился «членовоз»! Конспираторы! Мать их! Подошел к машине, открылась дверь, внутри Устинов и Громыко. Дмитрий Федорович спросил:

- А Еременко где?
- Недалеко.
- Вы без нее?
- Да.
- Садитесь.

Светить Полину мне совершенно не хотелось. Свою роль она уже выполнила. Если что, хотя бы она уйдет. Андрей Андреевич нажал на кнопку, машина плавно тронулась.

- Здравствуйте, товарищ Горский.
- Здравствуйте, товарищ Громыко.
- Мне сказали, что у вас есть письмо для меня.
- Да, Андрей Андреевич. Оно у меня. – Я достал «сопроводилку» и передал ее Громыко.

Он усмехнулся: узнал старую школу! Залез в карман и вытащил «Паркер», расписался и вернул

мне бумагу. Я передал пакет. Он быстро вскрыл его и стал читать. Сложил письмо и положил его в конверт.

– Он считает, что сможет реабилитироваться после всего того, что о нем сказано? Это наивно! Чем чудовищнее ложь, тем в нее легче верят.

– Насколько я понял Верховного, он не собирается оправдываться. Во всяком случае, в фильме нет ни одного слова об этом.

– Вы его видели?

– Конечно. На задание не идут не подготовившись. Я – разведчик, а не дипломат.

– В данном случае, вы – военный дипломат. Поэтому сразу возникает встречный вопрос: то, что получит Сталин, мне понятно...

– Вы неверно расставляете акценты, товарищ Громыко! Получит не Сталин, получит Советский Союз.

– Хорошо, получит Советский Союз, а что получит наш Союз?

– Идеологию для населения, веру в партию и новую технологию. Одно обладание «машинной времени» дорого стоит. Тем более что феномен до конца не изучен и, возможно, обладает возможностью настройки. В нашем времени у нас недостаточно приборов и оборудования, для того чтобы полностью изучить его. На это уйдут десятилетия.

– Убедительно, – сказал Громыко после некоторой паузы. – В плане идеологии и веры в партию у нас действительно наблюдаются большие проблемы. Но есть два мнения по этому вопросу: одно, которое высказали вы, второе, что необходимо до конца отказаться от репрессий и прошлого. Так сказать: покаяться и начинать строить новое общество, без насилия.

– Как только вы это сделаете, государства не станет. Вся история человечества говорит о том, что государство – это аппарат принуждения. Вы сейчас говорите о гуманистическом обществе, а вашу родную Белоруссию топчет враг. Это здесь война кончилась! А там Хатынь еще не состоялась. И в ваших руках возможность спасти ее.

Все замолчали.

– Андрей, я тебе говорил, что Он прислал за помощью. И права отказать ему в этом у нас с тобой нет.

– Нет. Но мне страшно! Понимаешь, просто по-человечески страшно, что может произойти. Хорошо, я поддержу тебя.

– Высадите меня у метро, пожалуйста, – подал я голос.

Хвост я обнаружил сразу. Интересно, где попытаются взять? Гонки по городу пока выиграл я, от хвоста я оторвался.

Взбешенный Сторожев разносил «наружку»:

– Вам ничего доверить нельзя! Как это ушел? Кто это?

– Установить не удалось. Все произошло слишком неожиданно и быстро. А народу в этом месте было много.

– Во что одет?

– Куртка, брюки, кроссовки и вязаная шапочка, перчатки, поляроиды.

– Может быть, американец?

– Нет, ни на одного из тех, кого мы ведем, он не похож. Вот две фотографии, которые удалось сделать, но лица не видно. Отход выполнен профессионально, оторвался мгновенно: зашел за угол и исчез.

(Я подъемом-переворотом ушел на козырек у подъезда, в который зашел какой-то человек, дверь хлопнула, пока «товарищ» проверял подъезд, я ушел. Потом взял участника и уехал домой).

Дома сообщил о «наружке» и о том, что ушел, Устинову. Ответ пришел только утром, на 10:00 у них назначена встреча с Брежневым. Форма одежды – костюм, быть готовым выехать, если потребуется. В 12.00 прекратились передачи по всем каналам радио и телевидения, зазвучало «Лебединое озеро» и другая классическая музыка. ЗАС молчит. Не к добру! В 15.00 трагическим голосом диктор Игорь Кириллов сообщил, что сегодня на своем боевом посту ушел из жизни выдающийся политический деятель современности, секретарь ЦК КПСС, член политбюро ЦК КПСС, дважды Герой Социалистического Труда товарищ Михаил Андреевич Сулов. В стране объявлен трехдневный траур. Государственную комиссию по похоронам возглавил Романов Григорий Васильевич.

Несмотря на постигший страну траур, днем позвонил Кутахов:

– Андрей Петрович! Подскочи ко мне! Пропуск я заказал!

Я сел в «Волгу» и поехал в Главный штаб ВВС.

– Андрей, привет! Слушай, у меня 1860 «кинг-кобр» на складском хранении и 4500 МиГ-15 и 17. Готовимся их списывать. У вас, правда, ТС-1 не делают, но оно дешевле, чем стооктановый бензин. Если снять плоскости и оперение, упаковать в ящики, в твой портал пройдет? Если «да», то я начинаю их готовить!

Я начал прикидывать размер портала. По ширине и высоте должно войти, а вот с длиной как быть? И с возрастом Р-63.

– Не беспокойся! Все дюриты и дутики заменим. Готовим?

– Не знаю! У меня пока никаких ответов нет. Все хоронят Сулова.

– Ладно, ждем похорон, но дюриты начинаю менять. Здесь еще все по Ла-9, по его двигателям. У меня еще есть пятьсот Ла-11, они, конечно, УТИ, но в сорок третьем году таких ястребков ни у кого не было! Да! Ешкин кот, чуть не забыл! Прицелы! Прицелы от МиГ-17! Их тоже много, и не на балансе! По разъемам и питанию абсолютно совпадают со всеми истребителями на вооружении СССР. Хоть на ЛаГГ ставь!

Вот теперь можно домой! Странно, но я начал воспринимать сорок третий как дом. Меня стало коробить от местных прибабасов. Причем чем ближе к Кремлю, тем сильнее тошнотворный рефлекс. А тот же Кутахов – понравился. Кстати, и Устинов тоже. Он, конечно, сначала струхнул, но потом начал работать. Сулов наверняка его работа. Ну и возраст, конечно. Семьдесят девять – это солидная цифра. Что из этого получится? Кто его знает! То, что передали, уже достаточно: вся документация на двигатели АШ, с привязкой технологий по цехам. И Ла-9 с Ла-11: семьсот километров крейсерской. Плюс все по авиационным пушкам. Кутахов – молодец! Подключил ведущих инженеров и подвел технологии под имеющиеся у нас. Опять «нас» говорю. Я и вправду, как Полина, тороплюсь вернуться обратно.

А вот с возвращением, похоже, не получится. Когда вышел от Кутахова и шел по коридору Главного Штаба, меня окликнули:

– Андрей! – повернулся на звук: капитан Барсуков из «Альфы». Мы обнялись.

– Живой? Говорили, что ты погиб.

– Говорили, выкарабкался. А как твое плечо?

– С твоей и Божьей помощью! А ты здесь, что делаешь?

– Кутахов – приятель моего отца, отец хочет «вытащить» меня из Афгана. Не знаю, как и отбиться от такой «помощи».

У Барсукова изменилось лицо. Он обнял меня и на ухо прошептал: «Не ходи сюда, Гюрза-тринадцать, ищут тебя, чтобы ликвидировать. Уходи, Андрюха! Барсук-один в своих не стреляет».

– Но ты же не один, – шепчу ему.

– Я пока группер. Вали отсюда, братишка!

Мы еще раз обнялись, демонстрируя прощание боевых друзей. Хорошо, что приехал на отцовской машине! Ее пришлось оставить во дворах, потом долго проверять хвост. Дома

отправил сообщение Устинову, в том числе и о приказе на ликвидацию Горского. В ответ – молчание. Понятно, что Кутахов на крючке и ГБ уже известна моя фамилия. Уходить надо! Поинка понимающе посмотрела на меня, вынула стволы и начала набивать обоймы.

– Уходить надо сегодня, ближе к вечеру, когда все поедут за город. Если удастся выскочить из Москвы, то уйдем. Мосолов уже в Чирчике, будем пробиваться туда. Но кружным путем.

– Я готова.

– Присядем. Втравил я тебя! Может быть, останешься здесь?

– Я – сержант осназа, товарищ майор, и мы – боевая группа, а не семейная пара. Так что ничего не выйдет. Идет война, и мы на задании.

– Попрыгали! Порядок! Ты грузишь, я прикрываю.

Из Москвы мы выбрались по Старо-Каширскому шоссе. Через Волгоград короче, но я пошел на Воронеж.

Вечером в пятницу Сторожеву доложили о всех посетителях у Кутахова по списку штаба. «Опять лейтенант Найтов! Что-то здесь не то! Что он потерял в Главном Штабе? Стоп, с чего все началось? С пьянки у Устинова, где пели песни за Родину, за Сталина! Точно, и там был Найтов с сыном. И сегодня тот же Найтов, но без отца был у Кутахова. Даже если предположить, что это шахер-махер, все равно надо проверить!»

– Кто был в наружке в ГШ ВВС?

– Группа Барсукова.

– Где отчет?

– Вот он.

– Найтов зафиксирован, и у него единственного стоит причина посещения. Барсукова ко мне!

В течение часа, пока ждали капитана, генерал-лейтенант накручивал себя.

– Товарищ генерал-лейтенант, капитан Барсуков прибыл по вашему приказанию.

– Почему здесь эта запись? – Сторожев ткнул пальцем в примечание напротив фамилии Найтова.

– Знаю лично лейтенанта Найтова, разговаривали с ним в коридоре. Он из сто пятьдесят четвертого батальона. Его позывной – Гюрза-13. Знакомы с семьдесят девятого года.

Сторожев замолчал: «Альфа» и сто пятьдесят четвертый батальон валили «домик на горе». Найтова они ему не дадут.

– Ты понимаешь, что это предатель и шпион! Ты понимаешь, кого ты отпустил?

– Он меня вытащил из горящей БМП. Он не шпион и не предатель. И он не Горский, которого приказано уничтожить.

– Не тебе решать, капитан! От командования группой вы отстранены!

– Не имеете права, товарищ генерал. «Альфа» не находится в вашем подчинении.

– Я доложу о вашем самоуправстве и вашем поведении.

– Разрешите идти?

– Идите!

«Ну что, откомандовался? И о майоре придется забыть!» – думал Барсуков, идя по коридорам девятого Управления. Везде ковры, часовые, вымуштрованные, как автоматы. А капитан видел кровавый снег, сгоревшую БМП, слышал голос Найтова: «Терпи, братишка, сейчас!» – и чувствовал, как кольнуло в плечо. А сейчас кольнуло в сердце.

У Бородинска зажглась лампочка связи, пришло сообщение от Устинова: «Решение на отход из Москвы поддерживаю. Вы где?» Отправляю: «Южнее». – «Окончательное решение не принято, врачи не пускают к Лене. Требуется один день. Далеко не отходи. Покрутись в рай-

оне Липецка. Если что, Кутахов оттуда отправит вас, куда скажете. При попытке задержания разрешаю применять оружие. Приказ № 1592-О-001 от сегодняшнего числа».

Переночевали в лесу, холодно, конечно, но терпимо. Больше беспокоила неизвестность. Подлая девица Полина, оказывается, прихватила из Москвы «синюю птицу», которую мы с удовольствием поджарили и съели недалеко от Липецка. Пристреляли винтовки, которые лежали разобранными. Надо купить продуктов длительного хранения, канистры, бензин, какие-нибудь документы для Полины, хотя девяносто процентов людей на машине ездят без них: «Забыла!» Можно называть имя сестры или племянницы, проскочит. Лучше племянницы. Задница, конечно, полная. Опять надо прятаться. Но так как начали отходить домой, то Полинка повеселела. С видимым удовольствием она вытирала мне лицо и губы после курицы. Заехали в кафе в Липецке, пообедали и посмотрели похороны Сулова. Всех, кого надо было увидеть, увидели. Устинов в первых рядах! Брежнев на месте, но нести гроб ему не доверили. Я видел, что Устинов разговаривал с Брежневым на похоронах. Андропов даже не подходил к Брежневу. На радиостанции пока никаких отметок.

В три часа ночи следующего дня пришло сообщение, что Андропов снят с поста Председателя КГБ, что «глубинное бурение» по нашему поводу отменено. Получено распоряжение возвращаться в Москву, но Устинов предупредил, что могут быть провокации. Завтра в 10.00 необходимо подъехать к Боровицким воротам. Голос Устинова был очень довольным.

Без двух минут десять были у Боровицких ворот. Не въезжаем на эстакаду. Появляется кортеж Устинова, пристраиваемся в хвост. Проехав Боровицкие, Устинов останавливается и выходит из машины. Что-то говорит службе у ворот. Нас пропускают. Теперь все зависит от того, выпустят ли нас. Синие околышки повсюду. На входе во дворец сдаем оружие. Вместо него получаем номерки. Я в полевой форме, Полина тоже. Пришлось ехать вместе. Квартира «занята». Кто-то сорвал «невидимку»! Отсюда не вырваться. Одна надежда, что вместе с министром обороны нас валить не будут. Все проходит на удивление чисто. Брежнева интересует только сам портал и сборка после него: не омолаживает ли. «К сожалению, товарищ Генеральный Секретарь, этого не происходит. Никаких отклонений от физического возраста не отмечено». – «Жаль!» Остальное, похоже, его совсем не интересует. Завтра на съезде будет показан фильм. Нам необходимо сегодня успеть сделать копию и завтра к 07.00 доставить ее в Кремлевский Дворец Съездов. Устинов заверил, что все будет сделано. Брежнев произвел жалкое впечатление. И ему принадлежит весь Союз. После Кремля Устинов повез нас на какую-то дачу, где мы встретились с Романовым. По дороге Устинов предупредил, что не хочет с головой влезать в политику и определил человека, который будет вместо Лени.

– Леня очень плох. Желательно, чтобы он совсем ушел, но, есть маленькие «но». Не сейчас. Вот вторая станция, для вас, Полина Васильевна. Вам лучше завтра отсидеться где-нибудь. Хотя вас сто процентов сняли сегодня. Ночевать будете здесь. Дачу охраняют армейцы, а не девятое Управление.

– Нам необходимо как можно скорее возвращаться, товарищ маршал. «Верительные грамоты» вручены, то, что сейчас здесь происходит, не оказывает никакого влияния на наше время. Необходимо готовить площадки в районе порталов и как можно быстрее передать ту информацию, которую мы получили. И получить дальнейшие инструкции от руководства. Также необходимо как-то легализовать положение сержанта Еременко здесь. Она ведь на нелегальном положении.

– Да-да! Я как-то за событиями упустил это. Сейчас позвоню Громыко. Через него это проще всего.

Устинов вышел из комнаты, спустя несколько минут зашел его адъютант и попросил нас переодеться в гражданское для съемки на диппаспорт. После этого на машине министра нас отвезли в Москву, в МИД, там выдали дипломатические паспорта обоим. Когда вернулись на дачу, Дмитрий Федорович передал мне его письмо Сталину.

– Я попытался объяснить все ему сначала. Потом понял, что оправдываться глупо. Написал как есть и чем можем помочь. Я вызвал Кутахова. С ним решайте вопрос о вашем возвращении. Вот еще микрофильмы по техническим вопросам. Тут много чего. Я буду ждать ваших сообщений и готовить обеспечение операции. Знакомьтесь: полковник Павлов, он будет заниматься техническими вопросами обеспечения портала с нашей стороны. Охрана и боевое обеспечение поручено полковнику Мосолову, поздравьте его от меня. Когда вас ждать обратно?

– Зависит от времени перехода плюс сутки до Москвы, если погода летная. Неделя – десять дней максимум. А за Мосолова – спасибо, товарищ маршал! Его в бригаде очень уважают.

Приехал Кутахов, и мы выехали за ним в Жуковский. Ночью сели в Чирчике. Удобно быть большим начальником! Наша «волга» летела с нами. Борт, правда, небольшой, Ан-26, летели с посадкой в Оренбурге, зато я успел купить бате погоны. Он встретил нас на аэродроме.

– Тащ полковник! Поздравляю вас с присвоением очередного воинского звания!

– Да, знаю, знаю! Спасибо! Зачем тратился? Проще на старых дырочку сделать! – Но было видно, что он доволен.

– Знакомьтесь, Роберт Павлович, полковник Павлов, наша техподдержка.

– Юра, – протянул руку Павлов. – Меня еще не ввели в курс дела, лейтенант по дороге все больше молчал.

– Начальству так положено, полковник. На самом деле мы у него в подчинении. Командует теперь он. И не лейтенант он вовсе, а майор Госбезопасности Горский, представитель ставки Верховного Главнокомандующего. И предстоят нам дела опасные и абсолютно секретные. Воевал?

– Нет, но бывал в тех местах, где шли боевые действия, в Анголе.

– Ладно! Все, поехали в штаб. Начнем подготовку.

Просидели почти до утра. Потом Мосолов открыл нам «генеральский домик» и пошел домой поспать.

Подъем! Зарядка! В бригаде бегают все, даже зам по тылу. Мосолов выгнал на пробежку «московского гостя».

– Юра, не обижайся! Идем на выход, не до сантиментов. Попытели!

По возвращению было видно, что «сапер» устал, но крепится. Полина поставила кофе и начала делать завтрак. После развода, на который мы не ходили, пришел Мосолов.

– Пошли на склад, подберем для вас вооружение.

У Полины глаза разбежались от такого богатства. Ей подобрали совсем маленькую «беретту-кугуар» с плечевой кобурой, АКС-У, новенькую разгрузку, я таких и не видел! Ну и оставили ей НР, к которому она привыкла. Я не стал ничего менять, кроме разгрузки. У меня – самопал, а это – заводская. Моя проношена до дыр. Она, конечно, удобная и родная, но швея из меня весьма посредственная. А здесь качественно сделанная разгрузка под СВД. Весь боезапас под рукой, а не в рюкзаке. Но кое-что дополнительно нашить придется. Юрий Станиславович (блин, не выговорить, видимо, поэтому он Юрой представляется) довольно равнодушно осмотрел все:

– Это обязательно? ПМ не хватит?

Мосолов на него ТАК посмотрел!

– Вообще-то, мы идем в «треугольник». Жизнь и безопасность нам никто гарантировать не будет. Поэтому: все свое ношу с собой.

Тот пожал плечами, взял АКС-У, разгрузку под него, броняшку и РД.

– Готовы? Андрей, получи боеприпасы. Через полчаса встречаемся у штаба. Вперед!

Подогнали все, помогли подогнать снаряжение Юре. Он недоуменно уставился на наши рюкзаки.

– А это зачем?

– На стрельбище побежим, оружие пристрелять надо.

– А рюкзаки зачем?

– Вообще-то, они все время на спине будут, поэтому пристрелку делать надо с ними.

Блин! Точно: «московский гость»! Где его только учили? Пробежались до стрельбища, всего три километра, с бедолаги семь потов сошло. Только присутствие девушки на занятиях спасло наши уши от его выражений. Пристрелялись.

В Хороге аэродром маленький, больше трех бортов не посадить, мы с Полиной улетели на том же Ан-26 первыми, а первый батальон начал перебазирование на следующий день. По прилете сразу поехали к Саиду. Вот это был праздник живота! Полина впервые видела, как готовится плов. Поэтому не отходила от Саида ни на шаг, тем более что я ей все уши прожужжал, какой спец по плову Саид. У них двое мальчишек, и Надя беременна, она хочет девочку. Замечательная пара! Она – дочь пограничника, который прослужил на южной границе всю жизнь. Хорог для нее – родной город. Она родилась здесь. Потом уезжали несколько раз, но возвращались. С Саидом учились в одном классе. Сейчас Саид расстарался и сделал великолепный плов. Мы сидим на веранде его дома и смотрим, как переливаются вершины Памира в лучах солнца. Солнце еще не печет, оно здесь злющее и коварное. Чуть забылся – и сгорел. Саид рассказывает, как живет, всех беспокоит ситуация за кордоном. Стало беспокойно, войск прибавилось. Да и погранотряд периодически несет потери.

– Саид, скоро все начнет меняться. Этот район станет другим. Завтра прилетит батя и наша бригада. Правда, не наш батальон, а первый, но потом подтянутся и остальные. Начнем зачищать соседей. – И я услышал то, что и ожидал услышать:

– Не трогали бы вы их лучше! Чужие они нам, хоть и родственники.

– Уже ничего не изменить, Саид. Все решено.

Я его понимаю: для жителей приграничья вся эта возня совсем ни к чему. Но что делать. Место здесь такое! Стык границ Китая, Пакистана, Афганистана и СССР. И спорная территория между Индией и Пакистаном: Джамму и Кашмир. Там война давно, уже больше двадцати лет.

Солнце зашло, стало холодно, и мы зашли в дом.

Посмотрели новости, ничего особенного не передали, кроме того, что Брежнев на съезде сказал о необходимости реабилитации имени Сталина как создателя нашего государства наравне с Лениным. Камень, брошенный Сталиным, сорвался. Началось. Полина сделала несколько снимков с экрана. Надо будет завтра взять с собой газет.

Переночевали у Саида. Затем весь день бегали между аэродромом и штабом 860-го полка. Мосолов заставил меня снять погоны, дабы не смущать всех своим лейтенантским званием. В 16.00 колонна пересекла границу, и мы двинулись к порталу. Еще раз всех насмешил Юра: он не понял, что ехать придется на броне, а держаться придется за перила вокруг БТРов.

– Внутри же удобнее!

– Там жарко! Особенно, когда горит БТР.

Глава XI

Колонна большая: один батальон с обеспечением, батальон 860-го полка, рота танков, заправщики и четыре «Шилки». Над колонной прогудели «крокодилы», ушли на разведку. Затем прошли четыре Ми-8, они высадят десант на развилке, где эта дорога пересекается с китайской. Там останется одна рота и будет готовить блокпост. К темноте добрались до места.

– Здесь! Стой!

– Занять круговую оборону!

Загремели самоокапыватели, заскрипели лопаты. Шумит пехота! Готовим позиции. Две группы в ночь уходят на два хребта.

– Товарищ полковник, дайте группу, сходим, проверим ущелье. Там где-то вертолет лежит.

– Васильченко! Выделите группу майору Горскому.

Построили группу Карпухина.

– Слушай боевой приказ: скрытно проверить наличие противника в ущелье. Основная задача: обнаружить сбитый вертолет. Старший лейтенант Карпухин! Распределите задачи и расставьте людей!

– Мешки не забудьте! – напомнил Мосолов.

Темнеет здесь быстро. Снег еще есть. Несколько лавинных сходов. Следов нет. Довольно быстро поднимаемся на двенадцать километров вдоль ущелья. Где-то здесь должен быть, справа. Вон он лежит. Перевернутый. Выгорел почти дотла. Нашли несколько обгоревших костей, сгоревшее оружие. Борт сильно поврежден огнем и взрывами боеприпасов. Остальное растащили звери.

– Все! Отходим!

Недалеко от пещеры сказал Карпухину спускаться, мы здесь останемся. Подождали, когда его ребята уйдут, поднялись обратно, затем по камням ушли к пещере. Здесь тоже все чисто. Связался с Мосоловым.

– Мы здесь останемся. Павлову поставьте задачу сделать дорогу до вертолета. Утром мы уйдем. Вернемся через неделю или раньше.

– Счастливо, Андрей! Целую, Полинка!

Портал появился по расписанию, но удивил нас: он умеет разговаривать! Нет, голоса у него нет, на магнитофоне мы не обнаружили потом ничего. Голос раздался в голове у обоих:

– Вас трое! Есть вероятность, что третий пройти не сможет. Пусть женщина подойдет ближе.

Мы взглянули друг на друга.

– Ты слышал?

– Слышал. А почему трое? Тьфу, дурак, извини.

Полина подошла к порталу и прикоснулась к нему.

– Теплый!

– Эти двое могут пройти вместе. Идите, ваше величество!

Полина просто шагнула в него и исчезла. Портал покрылся инеем ненадолго. Я подошел к нему. Холодный, смотрю на часы, прошло около минуты, он потеплел, но я прохожу через него только с толчка. Больше голосов не слышали. На вершине Клухор-баши солнечно, здесь никого, только Полина. Подошел к ней, поцеловал.

– Как себя чувствуешь?

– Отлично! Я что – беременна? Я ничего не чувствую! Почему он назвал меня «ваше величество»?

– Видимо, да. Надо же, разговаривает! Похоже, он разумный! Почему «величество», я не понял. Пока молчим об этом! Поняла?

– Да. Давай спускаться!

Перила на месте, но я их меняю на новые, нейлоновые. Снизу раздались крики. Мы спустились по очереди. Снизу почти бежали Тихомиров и Ваню.

– Вернулись! Живые! – кричали они.

Мы пошли к ним навстречу.

Через час начали спускаться вниз. На дороге много саперов, восстанавливают дорогу. В Сухуми сели на самолет, и через восемь часов мы были в Москве. На Центральном нас встретил Берия.

– Товарищ Генеральный Комиссар. Задание выполнено.

– Поехали, Сталин ждет.

Наши вещи погрузили в «Паккард» Берии, и мы поехали в Кремль. Берия попросил все оружие сунуть в рюкзаки, иначе не пропустят. Нас и вправду попытались не пустить, сказали, что надо ждать Власика, но Берия позвонил Самому, тот вышел из кабинета и прямо у охраны обнял сначала Полину, а потом меня.

– Проходите! – Лейтенант ГБ отдал честь.

Я передал письма Устинова и Романова, а сам занялся тем, что доставал «подарки из будущего».

– Ну показывай!

– Это автомат Калашникова укороченный, это новейшая спутниковая ЗАС-станция для связи с министром обороны СССР Устиновым. Здесь она, конечно, работать не будет, но там она отлично работает. Это – линзы для танковых прицелов, сама конструкция здесь на микропленке, готовы поставлять в необходимом количестве. Это для пушек, это для снайперских винтовок.

– Отлично! А это что?

– Прицел для истребителей, товарищ Сталин. Это вычислитель. Прицел позволяет вести огонь по воздушной цели с двух с половиной километров. Полностью совместим с нашими самолетами. Готовы поставить на все наши машины. Кроме того, готовы поставить самолеты Р-63, реактивные истребители МиГ-15-бис и МиГ-17, штурмовики Су-25. Но необходимо строить какое-то сооружение на вершине Клухор-баши, чтобы спускать это все к подножью. Дорогу уже начали ремонтировать, как я видел. Здесь все по танкам, на микропленке, здесь все по Ла-9 и 11. Это по Якам. Они готовы поставлять приборы для самолетов: радиополукомпасы, радиовысотомеры, авиагоризонты. Очень интересен вот этот прибор: это лазерный дальномер с вычислителем поправок.

– Что по ядерному оружию? – спросил Сталин.

– Прямых переговоров не было, но косвенно было высказано желание снабдить нас этим оружием. Насколько я понял Романова, нам передадут в ближайшее время некоторое количество оружейного плутония. Во всяком случае, все по оружию 2–3 поколения я принес на микропленках. Никто не ставил ограничений по этому вопросу.

Сталин, Берия и Меркулов читали первичные отчеты Горского и Еременко. Меркулов задумчиво произнес:

– А парень совсем не «исполнитель», в принципе, он нас послал с нашим планом внедрения и уложился на неделю-две раньше срока.

– Он лучше знает местные условия, хотя риск был очень велик. Но, по его данным, отход в Файзабад был невозможен. Еременко косвенно подтверждает его слова: подход к леднику занял три часа, а это всего три с половиной километра. Километр в час, – откликнулся Берия.

– Да, товарищи, мы погорячились, отстранив его от планирования операции и не прислушавшись к тому, что нам говорили Горский и Бирюков. Если бы он не взял инициативу на себя, мы бы потеряли обоих, – медленно проговорил Сталин. – Мы думаем, что товарищ Горский доказал, что является достаточно самостоятельной фигурой, нацеленной на выполнение главной задачи. Именно то, что делает руководителя руководителем. Частности его мало волнуют: кратчайшим путем идет к цели. Способный молодой человек. Да и сведения он принес ценнейшие. И то, что передали там, и то, что он сам добыл. Считаю, что необходимо отметить его работу. Для страны он делает много.

– Мы тоже думали об этом, товарищ Сталин. Звания старший майор он достоин. И назначим его начальником этого направления, – сказал Берия. – Молодой, конечно, но, как говорится, со временем этот недостаток устраняется сам собой.

– Да, переговоры с министрами обороны и иностранных дел он провел отлично. Нашел, что сказать каждому. Давайте бумаги. А это им от меня. Где они сами? – Он передал Берии коробочку с орденами и орденские книжки.

– Спят, через две комнаты отсюда.

– Давно?

– Часа три.

– Вводите их в курс последних событий на фронтах, установите на Клухоре ВЧ-связь. Направьте хороших инженеров, чтобы максимально быстро задействовать площадку. Действуйте. Лаврентий, ты и Горский отвечаете, чтобы все работало в максимальном темпе. Понял?

– Конечно, товарищ Сталин. Разрешите идти?

– Идите!

Глава XII

Нам дали поспать три с половиной часа. После этого разбудили, поздравили с новыми воинскими званиями: старший майор ГБ и старший лейтенант ГБ. Передали приказ Сталина о необходимости максимально ускорить получение помощи из СССР. Берия сказал, что именно я назначаюсь руководителем этого направления и вся ответственность теперь на мне.

– Под Харьковом у нас пока задержка произошла. Требуется разрубить «харьковский узел» до лета! Это основное направление усилий. Срезать харьковский выступ у нас не получается. Немцы подтянули две свежие танковые дивизии туда, на новых танках, вооруженных длинноствольной семидесятипятимиллиметровой пушкой. Усилили оборону противотанковыми семидесятипятимиллиметровыми пушками. Наше бывшее превосходство по танкам растаяло. Система обороны пока не вскрыта. Ты, конечно, привез все по новым танкам т-44, т-55 и ИС-2,3, но это же еще перестраивать производство надо!

– А что с ЗиС-два?

– Возобновили производство, уже идет в войска. На аэродром подвезут свежие данные по ситуации на фронтах. Вылетайте сразу после получения пакета.

Меркулов отвез нас на Центральный и уехал. Через два часа и мы вылетели обратно в Сухум. На месте связался с инженерным управлением Закавказского фронта. Возглавлял его толковый инженер – генерал-майор Осипов. Его первой реакцией было послать меня куда подальше. Было видно, что удерживает его от этого только моя принадлежность к НКВД.

– Вам делать нечего больше?

– Мне? У меня много дел, но это дело я поручаю вам. – Я познакомил его с директивой Ставки.

– Товарищ старший майор! С этой бумаги требовалось начинать этот разговор.

– Извините. Я сначала хотел узнать, есть ли у вас соответствующий опыт строительства подвесных дорог в таких районах.

– У меня нет, и я бы никогда не решился сам проектировать и строить такое сооружение. В Сочи есть инженер Болховитинов, который занимался когда-то таким строительством.

– Давайте его сюда. Строительство этой дороги сейчас является приоритетной задачей вашего фронта. Возьмите мой самолет и отправьте его за Болховитиновым. Времени у нас в обрез. Задача первой очереди работ: обеспечение подъема-спуска габаритных грузов весом до полутонны.

– Характер груза?

– Пока это знать необязательно, считайте, что это руда и приборы. Сто двадцать первый полк обеспечит вас альпинистами. Я буду на перевале, жду вас с Болховитиновым.

Через час мы уехали на Клухор. «Студебеккер» надрывно выл мотором на подъеме. Грешили цепи противоскольжения. Скорость, конечно, минимальная, но быстрее, чем на лошади. Водитель матерился на дорогу. Через три часа мы были на перевале. В «приюте» уже шесть сборных домиков, расчищена площадка под стоянку техники. Довольно много народа: это строители дороги. Дорога пойдет и дальше: на Домбай и в Краснодар. Мы поднялись на Клухор, но портал отказался пропустить Полину. Для нее он был холодным. Я ушел один. На выходе сразу же услышал звуки моторов. Вышел на связь с Мосоловым и начал спускаться вниз, и через шесть километров навстречу мне показались поднимающиеся люди. Еще раз запросил Мосолова, который подтвердил, что это они. Это оказались Павлов, Мосолов и... Ивашутин! С группой бойцов. Я узнал его в группе поднимающихся. Отправил сообщение Устинову. Почти сразу раздался его ответ. Он подтвердил, что генерал-полковник получил доступ и руководит всей операцией на этой стороне.

Его первыми словами были:

– Что, лейтенант, решил горным козлом сделать начальника? Прыгай тут по камням!

– Здравия желаю, тащ генерал! Я же вниз шел! Зачем подниматься было?

– Чтоб обратно не ушел! Ничего никому не сказав. Мы тут все перерыли, но ничего не нашли. Почему не доложили мне по возвращению? Устроили комедь с коленкой!

– Товарищ генерал! Я действовал в соответствии с инструкциями, полученными мною в Москве. Круг людей, допущенных к операции, был четко очерчен.

– Ну да! Мои люди все сделали, а все коврижки получил Кутахов! И это... А, что тут говорить! Показывай свой «портал» или что там у тебя.

– Портал уже закрылся, откроется только завтра, где он расположен, могу показать, но это в шести километрах выше.

– Ну пойдем!

Через некоторое время я попросил остановиться бойцов, а мы вчетвером продолжили подниматься. Затем повернули в пещере. С тропы ее не видно.

– Вот здесь вот. Если будете обследовать, то осторожнее с вот этим проломом наверху. Через него на портал поступает питание.

Я аккуратно удалил грязь, которой я замаскировал надпись, сделанную группой Бирюкова.

– Молодец, – сказал Петр Иванович. – Чисто уходил, и следов не оставил. Не зря учили. Во сколько надо быть здесь, чтобы увидеть портал?

– В десять-тридцать местного. Пока мы слабо знаем, как работает портал, поэтому используем момент, когда оба портала одновременно работают. Это всего тридцать три минуты в сутки. Я принес письма Сталина и несколько пакетов для руководства СССР.

– А что там?

– Я не знаю, пакеты запечатаны.

Мы шли вниз. Дорогу начали строить, пока проложили около двух километров. Там стояли машины, ожидавшие нас. Полковой опорный пункт обороны был развернут полностью. Колючка и спираль Бруно опоясывали его. Для «начальства» установили несколько обложенных мешками с песком домиков. На гребнях я видел огневые точки.

– Сколько времени займет строительство дороги? – спросил я у Павлова.

– Еще две недели, максимум три.

– Надо бы что-то придумать против спутников.

– Уже придумали: прикроем сеткой, единственное, что было не понятно: где устанавливать точки крепления.

Мы вошли в домик, я снял «лешак» и пуховку. Ивашутин аж подпрыгнул на стуле, увидев петлицы старшего майора и новенький «Суворов II степени».

– Во, везунчик! Я до генерала двенадцать лет полз!

– А я до полковника – сорок. – рассмеялся Мосолов.

– Ну товарищ генерал, вам грех жаловаться, за четыре года из капитанов в генералы, – вставил я.

– Так ведь война была. – Но после этих слов он замолчал, поняв, что сморозил глупость: Мосолов с сорок первого на фронте разведчиком.

– Так что вы там говорили про порталы? – после некоторого молчания продолжил он, неожиданно перейдя на «вы». С чем-чем, а с аналитикой у старого руководителя разведки было все в порядке.

– Да, портал не один. В ближайшее время покажем второй портал. Как только определимся с проектом потребного оборудования.

– Такое же неудобное место?

– Даже хуже. Но дорогу к нему мы уже подвели. Завтра у меня встреча с проектировщиком. Кто у вас будет заниматься исследованиями?

– Пока решено привлечь НИИ «Геофизики». Еще мы бы хотели, чтобы вы и Еременко прошли у нас полное обследование, чтобы можно было определить, по каким критериям портал определяет доступ к нему.

– Я не думаю, что у нас в ближайшее время будет на это время, товарищ генерал. Судя по темпам, предложенным Ставкой, нам даже дня отдыха не предоставили, мы были в Москве полночи только. После этого нас отправили обратно, загрузив дополнительными задачами по организации строительства.

– С этим я знаком! – улыбнулся Петр Иванович. – Чем больше делаешь, тем больше грузят. Назвался груздем...

– Где-то так. Теперь по переброске: завтра попробуем перебросить линзы к прицелам без человека, а после того как я пройду, вслед перебросить несколько гранат к гранатометам и огнеметы «Шмель». Необходимо проверить: работает ли портал без человека, ведь может оказаться, что предметы может переносить только человек.

– А вы не пробовали перебросить что-то оттуда сюда?

– Нет. Решение на использование портала принято в самом конце января. А четвертого февраля мы уже были здесь. Меня использовали в других направлениях. Как только там наметился успех, так вернулись к проекту «Горный стрелок». Да, в случае успеха, необходимо испытать его на перенос длиномеров.

Петр Иванович никогда ничего не записывал, и требовал этого от всех работающих с ним. Его «Памяти нет – считай, калека!» помнят, наверное, все, кто с ним сталкивался. После разговора с ним и передачи всей секретной документации я оделся и вышел посмотреть, что сделано за это время на опорном пункте. Немного похаживая по округе и поинтересовавшись у знакомых офицеров, как дела, выяснил, что было боестолкновение на развилке, что тот опорный пункт сейчас усиливают. После этого я вернулся к Ивашутину. На мой вопрос он ответил:

– Видимо, мы прервали какой-то важный канал снабжения. Идет давление на нас, как со стороны боевиков Масуда, так и со стороны Кабула. Зато выявили некоторых людей, которые в Кабуле работают на два фронта. Нет худа без добра. Но держать здесь разведбригаду долго не сможем. Есть более нужные направления. Заменим мотострелковым полком.

– А геофизики приехали?

– Пока нет, оформляют визы.

– Здесь кто-нибудь пытался появиться?

– Да, с севера приезжали два руководителя районов. Одного я знаю, будет помогать, по второму пока выясняем, кто такой.

Утром в составе небольшой группы поднялись наверх. К portalу подошли ввосьмером, затем солдат отправили назад. Ивашутин с интересом наблюдал появление портала.

– Блин! Из ничего появляется! Понятно, почему не обнаружили!

– Здесь есть проход, можно посмотреть с обратной стороны.

Павлов прошел за портал.

– Ну что, начнем? Роберт Павлович! Фиксируйте!

Я забросил в портал металлический ящик с линзами, подсумок на семь гранат второго номера, потом сам РПГ-16. Павлов подтвердил, что с обратной стороны портала ничего не появилось. Портал попробовали на ощупь все трое: холодный для всех. После этого я прошел в портал. Возле портала ничего не было! Лишь спустя полминуты появился ящик, подсумок, гранатомет и два «шмеля». Дождавшись открытия портала, я еще раз вернулся в пещеру. Рассказал на магнитофон, как шла телепортация предметов.

– То есть лучше после твоего прохода?

– Наверное!

– Мы «шмели» засунули в него, когда он был покрыт инеем.

– Хорошо, понял. Я пошел!

Уже стоя на Клухоре, я «услышал»: «Проще было спросить!»
– Как? – ответа не последовало.

Глава XIII

Вокруг суета: первая поставка из СССР! Тысяча двести линз к танковым прицелам, образец гранатомета, стреляющего на 800 метров, термобарические огнеметы. Вдруг замечаю, что на вершине нет Полины.

– А где Еременко?

– Перед рассветом ушла наверх, здесь мы ее не обнаружили. Может быть, она прошла в восемьдесят первый?

– Нет, ее там не было!

Потом опять чем-то отвлекли, типа как спускать вниз, тут появилась Полина. Откуда она подошла, я не заметил. Подключилась к спуску доставленного, но краем глаза я заметил иней на портале. Все выяснилось вечером в домике. Неожиданно Полина предложила прогуляться. Домик и вправду сборно-целевой, поэтому все насквозь прослушивается. Она расспрашивала меня о переходе, о том, что происходило на той стороне, но подвела меня к перилам наверх.

– Давай наверх!

Я понял, что что-то произошло, не просто же так во тьме меня тащат наверх. Пристегнул страховку, Полина страховала, затем обеспечил ее верхней страховкой. Она подвела меня не к самому порталу, а чуть в стороне. Прикоснулась рукой к камню.

– Смотри внимательно и запоминай! – сказала она.

Спустя несколько секунд появился красноватый портал немного меньшего размера.

– Пробуй!

Моя рука свободно прошла через него.

– Пошли!

Вдруг раздался «голос»!

– Ваше величество! Он не имеет права этого видеть!

– Имеет! Император – его сын! Не спорь со мной!

Переход был длительный, обычно это занимает меньше секунды, здесь было явно много больше. Я очутился на какой-то вершине: чуть ниже начинался лес, а внизу горел огнями город. Сзади послышалось дыхание, я обернулся: Полина.

– Это столица империи! Когда я была здесь днем, светило два солнца: одно маленькое и голубое, второе огромное и красное. Пошли обратно, он говорил, что тебе нельзя здесь долго находиться. Требуется карантин, что ли. Давай обратно!

Она подвела меня к красноватому порталу.

– Вперед!

Я шагнул, хотя мне действительно было нехорошо. Сел на снег на вершине. Буквально сразу появилась Полина. Она чуть не наступила на меня.

– А ты как ты себя чувствуешь? – спросил я ее.

– Нормально, как обычно. Переход к Сафед-Херш для меня много тяжелее.

– Как это получилось?

– Когда он меня не пропустил, а ты ушел в восемьдесят первый, все ушли вниз, я уходила последней. Что-то меня останавливало, я хотела уйти с тобой, решила еще раз попробовать. Подошла к порталу, но он был холодный. Тут я как бы оступилась, на самом деле он хотел, чтобы я была одна и коснулась вот этого камня. Это не камень, а замаскированный под камень ключ красного портала. Я в него вошла. Там мне сказали, что это – последняя проверка. Если бы ключ не сработал, значит, Страж ошибся. Кстати, Страж – не человек, а я не знаю, как его назвать – устройство, управляющее этой машиной.

– Электронно-вычислительная машина?

– Может быть, мне этот термин ни о чем не говорит. В общем, он управляет всеми устройствами. Кстати, он тебя «не любит»! Говорит, что не может тебя остановить, ты не поддаешься его воздействию. Он говорил что-то про силовое поле, остальных он останавливает, внушая им, что проход закрыт. А с тобой этого не получается. Блокировка идет неполная, и ты проходишь, несмотря на его сопротивление. Это вызывает у него сбой каких-то программ. Он тебя называет «вирусом-червем».

– Я что-то слышал о таких программах, но как человек может быть вирусом? А что он говорил о тебе? Почему он называет тебя «ваше величество»?

– Что-то связанное с генетикой. Он объяснял, но я ничего не поняла. Я включила магнитофон, чтобы записать это, но кассета осталась чистой, слышно только какое-то жужжание и мое дыхание. Больше ничего нет. В общем, меня остановить он может, тебя – только полностью закрывая прозрачный портал. Но после того, как я коснулась ключа и прошла проверку, Страж подчиняется мне. Он – машина, настроенная на исполнение команд человека, прошедшего проверку. Вершина Клухора не гора, а какой-то корабль. Таких на Земле четыре штуки. Они ждут императора – человека с определенным генетическим кодом. Якобы наш сын, они уже определили его пол, обладает этим кодом. Прозрачный портал обеспечивает связь между кораблями. Все корабли находятся в разном времени, в разной реальности и в разных местах. Но имеют общую задачу: найти «императора».

– Глупо поставленная задача! Тем более так высоко и в таких труднодоступных местах.

– Непосредственно поиском занимались люди, а не машины, но все они уже больше трехсот лет, не выходят на связь. Он считает, что я – потомок одного из них. Наши расы – родственны. Но мы – не прямые наследники. Примерно сто двадцать пять тысяч лет назад на Землю впервые попали другие люди, имперцы, экспедиция вернулась на Торхеду, это там, где мы были. Земля была признана слишком тяжелой для выживания, они проводили какие-то эксперименты с нашими предками, но результат был признан неудачным. Люди после экспериментов выжили и создали человеческую цивилизацию. Потом имперцы возвращались несколько раз, а пять веков назад появилась теория, что здесь родится новый император. Больше похоже на верование, легенду, чем на научный эксперимент.

– М-да! Нам только этого не хватало! Тут и так не знаешь, как все успеть, а тут такая... Ладно, пошли вниз. Утро вечера мудренее!

Вот сюрприз – сначала «ваше величество», а потом меня не пустили в портал... Я была расстроена: ну как же может так случиться, что я должна остаться здесь, Андрей будет прыгать по временам, а я должна сидеть здесь, под угрозой того, что мы больше никогда не увидимся? С этими мыслями я хотела спуститься вниз, но каждый раз я делала шаг или два назад, будто я и не хотела никуда идти. Уже все давно ушли, я оступилась, нога подвернулась рядом с камнем возле портала, я оперлась на него, и вдруг мне открылся красный портал. Снова зазвучал голос портала, сообщил мне, что это – последняя проверка... И я ее прошла... Я была ошарашена... Портал начал мне выдавать невероятное количество информации... Я пыталась все это записать на ленту, но кроме моего дыхания и жужжания аппарата никаких звуков не было.

Как оказалось, наш с Андрюшей будущий ребенок – император. Кто такой «император» и зачем он имперцам, я не поняла, но это не правитель. Мне закрыт доступ в 1981-й ради безопасности императора. Я могу свободно перемещаться в Торхеду без интоксикации и для акклиматизации плода, но перемещение во времени может нести угрозу императору... Странно было: когда я очутилась на Торхедде, у меня возникло ощущение, будто я вернулась домой, дышалось легко, немного необычно, что светят два солнца, одно из них голубое... Все остальное похоже на Землю... Но теперь по порядку.

Когда я коснулась красного портала, то вдруг захотела оказаться в империи, раз я будущая мать императора. И Страж доставил меня туда. Это заняло больше времени, чем переход в 1981 год. Я не могу сказать, что мне было страшно. Немного непривычно быть в каком-то непонятном месте, а потом я оказалась там, на Торхеде. Дома...

Торхеда – это планета нашей Галактики, довольно крупная планета. Жители планеты – мирные, по утверждениям Стража, но я не рискнула в одиночку передвигаться по планете и искать контакта с жителями...

Страж, у него еще есть имя – ИскИн-2741... Он забавный... хорошо выполняет свою работу, только переборщил немного. Когда я ступила в красный портал, то он начал рассказывать всю историю Торхеды от начала до последних 300 лет... Очень интересно и познавательно, но я не могу запомнить все и сразу, плюс ко всему он говорил какими-то терминами: «геном», «генофонд», «хромосомы» и многие другие... Что-то касательно оружия и кораблей... И еще сообщил, что Андрей может быть угрозой империи... Но я не верю. Как может быть угрозой отец императора, если верить их теории? Он говорил что-то про несанкционированный доступ, сбой в программах после проходов Андрея... Но я считаю, что надо обо всем рассказать Андрею и показать ему красный портал. И Торхеду.

Глава XIV

Непонятно, что с этим всем делать. Торхеда мне не понравилась: трудно дышать, какие-то неприятные ощущения, нет возможности точно определить, где находится центр тяжести. Ходишь, как пьяный. И все время подташнивает. А Полина говорит, что ничего этого почти не замечает. Стоит докладывать об этом Сталину или нет? Пока, наверное, лучше промолчать. Мы прошли в столовую, теперь можно поесть горячего. Кормят неплохо, по летной норме. Для нас сделали что-то вроде кабинета, отдельно от остального зала. В конце ужина подошел Тихомиров, хочет слетать в Москву за новыми приборами вместе со всем грузом.

– Поезжайте, Михаил Николаевич. Но, надобности в вашем возвращении уже нет. К сожалению, наша наука оказалась бессильной и не смогла разгадать загадку этого феномена. Проход функционирует, свою первичную задачу научная часть экспедиции выполнила. Остальное будем доставлять в Москву и исследовать в стационарных условиях. В 1981 году скоро начнутся исследования второго портала, может быть, институту геофизики удастся решить эту загадку.

– Да, Андрей Петрович, скорее всего, вы правы. Мы еще не доросли до задач такого уровня.

Я преследовал немного другую цель: Тихомиров обладал собственной связью и шифрами в Москву, сейчас утечка информации мне совсем не нужна. Тем более что Полина уже провела «исследования», и результат нам известен. Вот только открытие несколько преждевременно и имеет неоднозначное значение. Полине в восемьдесят первый год лучше не ходить вообще, до рождения ребенка во всяком случае. Мы обсудили это с Полиной, она и не рвется в тот мир, он ее немного оттолкнул, там не все так хорошо, как представлялось отсюда. Тем более что дать команду Стражу вполне реально, а свалить это на беременность. Ее задача – разобраться с кораблем и имперцами. И обеспечить нормальный грузопоток, без бесконечных переходов туда-сюда. Тем более что она узнала, что тот портал, который мы видели, это пассажирский портал. Существует еще и грузовой. Так что через две недели сюда можно будет перебросить нормальные «разведчики» с телеаппаратурой. Но сейчас – две недели ждем. Появление «третьей силы» в момент, когда страна и так напрягает всю свою экономику и людей для борьбы с врагом, явно вызовет отторжение у всех. В первую очередь захотят уничтожить источник угрозы. При условии того, что Полина контролирует по меньшей мере одну машину, а остальные находятся в другом времени, нам пока ничего не угрожает. Но необходимо срочно выяснить все об имперцах: кто такие и что хотят. Где еще два корабля? Какое у них вооружение? Но вести исследования можно только здесь: на той стороне стопроцентно: посты, объемники и постоянное наблюдение за порталом. Надо будет сказать Стражу, чтобы перестал включать портал в пещере без надобности.

Тихомиров уехал в Сухум ночью, вместе с ним уехали еще шесть человек, в том числе его радисты. Мы поднялись наверх, Полина вызвала Стража. Его восторга от моего присутствия я не ощутил, его голос был окрашен в негативный цвет.

- Ваше величество! Я же вам говорил!
- Я тебе тоже. Он – отец императора.
- У нас нет понятия «отец»!
- Это родитель ребенка по мужской линии.
- Производитель?
- Ты – дурак! Отец!
- Вы считаете, что это имеет значение?
- Да!

- Это дает ему какое-то право?
- Несомненно! Без него император не мог появиться.
- Я должен воспринимать это как прямое указание?
- Да! Этот человек обладает моими правами или правами императора, пока он не вырос.
- Вы – администратор системы. Я отменяю команду разработать антивирус и вношу его в файлы, которые проверять нет надобности, ваше величество. Он, правда, и без того имел статус администратора! Я подтверждаю его статус как системный администратор.
- Есть вопросы, Страж! – вступил в разговор я.
- Слушаю тебя, Червяк!
- Либо ты выбираешь выражения, либо мы загрузим тебя из флэша.
- Я слушаю вас, ваше превосходительство.
- Не понял!
- У вас нет ограничений! Но мне это неприятно.
- Вас как зовут?
- ИскИн-2741. Я – разумный искусственный интеллект дестройера 2741.
- Здравствуй, два-семь-сорок два!
- Здравствуй??? Приветствие на этой планете! Здравствуй, администратор.
- Покажи мне дестройер!
- Следуйте за мной, ваше величество, и...
- Можешь называть меня также!
- Следуйте за мной, ваши величества!
- Каким образом, если мы тебя не видим?
- Я могу создать образ последнего командира, если вас это устроит, или создать какой-нибудь объект, за которым вы будете следовать. ее величество следовала за мной без образа, создавая его сама.
- Хорошо, я буду следовать за ней. У меня не настолько развито воображение.
- Вы представьте себе, куда вы хотите попасть! – Ответ мне напомнил сказку Кэрролла: «Для того чтобы попасть куда-то, надо знать, куда вы хотите попасть». У меня это вечно не так: сначала попадаю, а потом выкручиваюсь.
- Страж, видимо, прочел мои мысли, потому что появился небольшой слегка светящийся шарик. Я подумал про себя, что хочу попасть в рубку, шарик двинулся, а у меня в голове появилось что-то вроде плана, как туда пройти. Удобная подсказка!
- Мы будем называть тебя Стражем. Меня зовут Андрей. Ее – Полина.
- Меня полностью это устраивает. – Перед нами бесшумно открылся лифт, который быстро доставил нас к рубке.
- Положите руку к панели на правой стороне. – Я положил руку на панель и подумал, почему она медлит открываться? Дверь открылась.
- Медленно потому, что я еще полностью не настроился на ваше поле, приходится вводить Ваш образ и биометрию в замок. По некоторым данным ваше биополе постоянно меняется, в зависимости от эмоций. Для меня это непривычно. Биополе каждого жителя Империи стабильно. Биополе Полины очень сильно отличается от Вашего. С ней работать привычнее. Но у вас очень сильные и эмоционально настроенные команды. Даже замки подчиняются. Против вас действуют только физические методы закрытия. Это непривычно для нас. Это – физическое место, где я нахожусь. – Шарик завис над довольно большой конструкцией в центре рубки. – Кроме этого места, есть еще четыре таких же устройства в разных местах корабля, в момент боя наши вычислительные возможности объединяются. Там находятся мои клоны, но в нормальных условиях они задействуются один раз в сутки. Если возникает непредвиденная ситуация, то моя память уходит на клоны чаще, если объявляется боевая готовность, то она клонируется постоянно.

– У вас есть вооружение?

– Да. Но это небольшой корабль. Здесь, на Земле, два имперских линкора и два дестройера. Один, правда, старый, там требуется замена ИскИна, но сейчас это невозможно.

– Почему?

– Наша цивилизация – одна из самых старых в Галактике, если не самая старая. Мы пережили собственное светило. Около трехсот лет назад одно из наших солнц превратилось в сверхновую. Когда возникла наша цивилизация, оба солнца были желтыми. Произошла мутация, а вся вычислительная система настроена на биополе и биометрию стандартного жителя империи. Сейчас вычислительная система существует как бы отдельно от жителей планеты. Доступ к сети закрыт для всех. Вашу планету мы посещали трижды: впервые это случилось сто двадцать пять тысяч лет назад. В то время империя воевала с другой цивилизацией. Поэтому здесь приземлился линкор с большим количеством людей на борту. Но ваша планета имела очень высокий процент кислорода в атмосфере и высокое давление, это пагубно влияло на людей, поэтому было решено, что она непригодна для жизни, так как все процессы сильно ускоряются, жизнь укорачивается, растет смертность. Большинство из экспедиции погибло, остатки подобрал один из кораблей империи. Линкор так и остался как маяк.

– Где он?

– У вас сейчас это место называется Африкой, он находится в Танзании. Экипажа там нет, боеготовность: 70,36 %, из-за вышедшего из строя одного из ИскИнов. Да и сами ИскИны давно не обновлялись. Второй находится в Мексике, тоже линкор, но гораздо более новый. Третий в Афганистане. Вы через него и попали сюда. Это такой же дестройер, как и этот корабль, одной серии, но более раннего срока выпуска. Наш корабль приземлился уже после катастрофы на Торхеде с целью найти неповрежденный геном человека, оставшийся на вашей планете в результате экспериментов и предыдущих посадок. К сожалению, наша миссия не удалась в течение жизни экипажа. Последним умер четвертый механик корабля сто двадцать пять лет назад. Боеготовность этого корабля составляет 91,78 % из-за отсутствия экипажа на борту. Ваше появление на борту повысило боеготовность на одну и семьдесят восемь сотых процента.

– Мы же ничего не умеем.

– Вы ничего не умеете, ее величество свободно пользуется всеми системами корабля. Первичное обучение она уже прошла. Этого недостаточно, чтобы самостоятельно управлять кораблем, но еще несколько недель, и она достигнет необходимого уровня. С вами сложнее, обучающие программы наталкиваются на ваше сопротивление и отказ от обучения. В нашей системе вы бы были дезинтегрированы, но она запретила делать это. Учитывая важность задания, я выполнил это распоряжение, несмотря на то, что ваше пребывание здесь и на Торхеде абсолютно нежелательно с точки зрения безопасности и логики. Такие индивидуумы, как вы, в древнее время использовались как солдаты, поэтому не сохранились в современной истории.

– Я и есть солдат, точнее – офицер. Полина говорила мне, что тот портал, которым мы пользовались, пассажирский, но есть грузовой портал. Я хочу посмотреть его.

Шарик поплыл к лифту, и мы двинулись за ним. Опять возникла схема перемещения. Спустя минут пять мы были в огромном помещении. Оно было почти пустым, лишь несколько машин стояло в углах зала.

– Роботы-погрузчики, – возник ответ Стража. – Вот грузовой портал.

Портал светился оранжевым светом по краям. Сказать, что он был огромным, это не сказать ничего. Сюда Ил-76 войдет вместе с крыльями и хвостом!

– Задачу мне уже объяснила ее величество. Да, портал предназначен для переброски техники и людей, но ваши люди не могут быть переброшены: они не могут быть восстановлены после переноса. Они погибнут, почему я их и не пропускаю через портал.

– А как же я?

– Этот феномен нуждается в изучении. Я не обнаружил в базе данных подобных случаев. Но ее величество запретила проведение каких-либо исследований.

– Расход энергии будет большим? Что требуется для компенсации потерь энергии?

– Зависит от объемов переброски, конечно, до четырех миллионов тонн в год, на это хватит собственных ресурсов. При увеличении грузопотока потребуется подключать мощности линкоров.

– Как выгружать технику, ведь мы на вершине горы?

– Указываете точку не далее пяти километров отсюда, портал откроется там.

– Ты видел площадку на перевале у Северного Приюта?

– Там что-то взрывали, а сейчас там стоят какие-то ваши машины на гусеницах.

– Да, тракторы. Там портал открыть сможешь?

– Сейчас?

– Нет, когда понадобится.

– Да, это недалеко.

– А в Афганистане?

– Там работает ИскИн-1594, где требуется установить портал?

– У тропы, туда ведут дорогу.

– Это совсем рядом, гораздо ближе, чем здесь. У здешних людей есть делящиеся материалы? Уран, плутоний, металлический тритий или водород?

– Уран есть. Двести тридцать восьмой. А ты можешь изготовить плутоний?

– Конечно, вы что, решили устроить ядерную войну? Это небезопасно для планеты и для императора! Мне понадобится около тонны урановой руды для компенсации затраченной энергии реакторов. Но в момент доставки и перегрузки ее величество должна находиться у меня на борту или совершенно в другом районе. Маркер у нее установлен, и я всегда знаю, где она находится. Если хотите находиться под моей защитой и иметь возможность пользоваться моими вычислительными мощностями, я могу установить маркер и вам. Пассажирский портал может быть открыт в любом месте планеты.

Я не ответил, просчитывая варианты. Предложение было заманчивым.

– В этом случае у меня будет возможность общаться с остальными ИскИнами?

– Конечно, по приказу вы – администратор системы.

– Тогда ставьте!

Шарик поплыл в сторону и завис над плечом. Я почувствовал просьбу открыть плечо, расстегнул ворот, что-то несильно укололо меня в районе ключицы. Я мысленно запросил расположение ключей всех кораблей на Земле. Тут же возникло изображение.

– Пойдем посмотрим? – спросил я у Полины.

– Ее величеству нежелательно покидать это время! – напомнил Страж.

– Да-да, конечно. Сам схожу.

– Будете на линкоре семьсот пятьдесят три, переключите его ИскИн, я подскажу, как это сделать. Вышедший из строя ИскИн постоянно пытается сам себя отремонтировать, и бесполезно тратит материалы и энергию. Его требуется отключить. А он не дает возможности выполнить это удаленно. Заодно поможете обновить систему оставшихся девяти ИскИнов. Этим никто не занимался сотни тысяч лет.

– Это не опасно? – спросила Полина.

– Опасно для всех, кроме вируса-«червя». Людей он к себе не подпускал. Если Андрею это удастся выполнить, его уровень доступа будет повышен до системного администратора. Вся экспедиция погибла из-за этого ИскИна. Он заблокировал портал. Наша экспедиция тоже погибла из-за него. На нем есть необходимые для нас чистые генетические материалы. Если мы доберемся до него, проблема выживания человечества будет решена. Я просчитал варианты и вероятность: почти девяносто шесть процентов возможности успеха. Так как его вели-

чество пошел на контакт с нами, у меня возник вариант его использования. Я искал возможность выполнения этой задачи, одним из вариантов было использование компьютерного вируса. Вирус с руками и головой – это идеальный вариант.

Глава XV

Ни хрена себе четыре процента вероятности поражения! Приходится уворачиваться от огня шести установок. Я катапультировался из предложенного мне скафандра космодесантника за полторы секунды до того, как он превратился в расплавленный кусок металла. Иду в непростреливаемом секторе, который Страж указал. Да, над головой проносятся какие-то шары, но голубой портал виден в двадцати метрах. Половину я уже прошел.

«Еще немного, еще чуть-чуть...».

Нырять в портал с прыжка. Подошвы ботинок – горячие. Я в рубке возле такого же ящика, как на дестройере. Вот кнопка, которую необходимо нажать. Протягиваю к ней руку и сразу убираю ее. Вот же унтер-офицерская вдова! Он бабахнул в нее из какого-то оружия. И... отключился! Тишина! Только противный голос ИскИна-Стража: «Включи дублера два! И дай команду заблокировать подключение ИскИна-753!» Сволочь! Где взять силы! Включил! Шиздец! Проще! Раздались команды в голове, что делать и как настроить обновление программ других ИскИнов. Зажегся свет.

– Я ИскИн-семьсот пятьдесят три-два. Жду указаний!

– Пошел на фиг! Я устал. Обновляйся!

– Вас понял, принимаю программу обновления!

Чуток отдышавшись, иду по коридорам линкора: кругом длиннющие сталактиты пыли и запах тления. Даю команду все убрать. Видимо, этим ИскИн не заморачивался. Изображаю генерала на проверке подразделения. Впервые увидел инопланетян в прозрачных саркофагах. Полина на них похожа: такой же разрез глаз, высокий лоб, темные волосы, глаза закрыты. Красивые фигуры, как у мужчин, так и у женщин. Чуточку хрупковатое телосложение. В голове проносятся миллиарды команд. Я этим не заведу, распоряжается Страж. Наконец, последовало прямое обращение ко мне: «Андрей! Возвращайтесь! Ее величество волнуется!»

– Открой портал! Я пройду!

Прямо под ногами открылся прозрачный портал, я шагнул в него. Оказался в рубке номер 2741. Страж начал меня расспрашивать, но мне хотелось домой.

– Вам нельзя, ваше величество.

– Ты стал меня так воспринимать?

– Да, ваше величество! Я понял, что имела в виду ее величество. Все сделано как нельзя лучше.

– Почему ты меня не предупредил, что он будет стрелять?

– Я боялся, что вы туда не пойдете!

– Ты – дурак. Тебе Полина это уже говорила.

– Я согласен с вами, но вам требуется дезактивация. Будьте добры пройти ее, пожалуйста.

Уровень поражения невелик, но я не хочу, чтобы это повлияло на императора.

– Почему ты называешь его императором? Ведь он не правитель.

– Нет, но он глава рода. Я думаю, что род будет очень большим и влиятельным.

– Открой мне портал за домами.

– Только после дезактивации, ваше величество!

– Черт с тобой, действуй!

Спустя полчаса я был внизу, возле домиков. Полина не спала, очень обрадовалась тому, что я вернулся. Лишних вопросов она не задавала. Ее беспокоил один вопрос: «Когда и о чем мы будем докладывать наверх?»

– Будем докладывать, что готовы грузовые порталы и что я завтра уйду в восемьдесят первый готовить передачу сюда большого количества техники. Пока все!

– Ты считаешь, что этого достаточно?

– Даже с избытком. Нет надобности говорить о другой планете и звездах. Не поймут. Мы контролируем все четыре корабля на Земле, инопланетяне пока воспользоваться порталами не могут. И флаг в руки! Потом удалим их куда-нибудь на Марс или на Венеру.

Я снял трубку ВЧ и запросил товарища Иванова.

– Здравия желаю, товарищ Иванов.

– Здравствуйте, товарищ Стрелков.

– У меня готова площадка для приема техники, разобрались, как включить грузовой портал. Техника пойдет на железнодорожную станцию в Черкесск. По докладу оттуда, станция полностью отремонтирована и готова к приему груза. Мне требуется согласовать поставки с министром обороны там, и можно начинать. Здесь останется командовать старший лейтенант Еременко. Она научилась управлять порталом. Прошу разрешения утром отбыть на ту сторону.

– Понял вас, товарищ Стрелков. Разрешаю. Вы уверены, что техника может быть поставлена?

– Начнем с автомобилей, товарищ Иванов, работающих на низкооктановом бензине и соляре, мобильных установок по производству топлива различных марок, ЗАС-связи и радиолокаторов. Спланируем с товарищами Ахромеевым и Ивашутиным всю очередность. Они в курсе наших проблем этого периода.

– Когда вас ожидать?

– Постараюсь уложиться в один-два дня.

– До связи, связь кончаю! – сказал Сталин. Очень странно, вопросов он не задал, говорил очень ровным голосом, похоже, что не верит в успех. Все верно, ему требуются дела, а не слова!

Утром вызвал портал прямо в комнату, чмокнул Полинку и ушел в восемьдесят первый.

Пещера встретила воем сирены.

– Выключите дурацкую сигнализацию! И уберите фонарь!

– Здравия желаю, товарищ Горский. А мы волноваться начали, несколько дней подряд портал не работал в обычное время.

– «Ивашка» здесь?

– Здесь, орет, всех гоняет, злющий на вас. Щас подъедет, он себе в домик провел эту сирену. Вон его узик летит.

– Пошли, Карпухин, за «втыком»! – Я хлопнул Костю по плечу. Тот горестно вздохнул в предвкушении. Попрыгали по камням вниз.

– Здравия желаю, товарищ генерал-полковник.

– Что за фигня происходит, Найтов! Портал перестал включаться вовремя! Геофизики только настроились и на тебе!

– Видимо, что-нибудь не так сделали. Вы же знаете этих товарищей: что-нибудь важное зацепили или ткнули не туда, а виноваты, как всегда, мы.

– Я тоже такого мнения! Что там у вас, почему так долго не было?

– Тоже разбирались с порталом, ремонтировали дорогу, подтягивали людей для охраны и работы с грузами.

– Ну у нас, видишь, еще километр остался.

– Достаточно. Расписание спутников есть с собой?

– Есть, через десять минут – окно.

– Дорогу дальше тянуть не надо. Вход в пещеру замаскировать и не привлекать к ней внимания. Эту площадку требуется закрыть от спутников, и можно начинать работу. Нам удалось увеличить размеры окна портала. И мы научились его открывать там, где требуется. Но по-прежнему управлять и проходить могут только двое: я и Еременко. Причем портал ее сюда больше не пропускает.

– Почему?

– Не знаем, но она беременна. Зато она научилась увеличивать окно и научила это делать меня. Подгоните танк, пару БМП и пару грузовиков. Я их заберу.

– Как заберешь? А как списывать будем?

– В счет поставок или испытаний портала. Могу министру позвонить и запросить «добро».

– Не надо, на месте решим.

Он подошел к бойцу с рацией и отдал команды. Дождавшись времени «окна», я открыл портал прямо у дороги. Сел в Уазик Ивашутина и подъехал вплотную к portalу. Вылез из машины и отошел к Ивашутину.

– Грузим?

– Ну грузи! Что, толкать будем?

УАЗ чуть приподнялся над землей и исчез в портале. Подъехавшему танку Т-80Б вернули башню в транспортное положение, положили ствол, механик подвел его вплотную к portalу.

– Вещи все забрали? – спросил я у экипажа. Они недоуменно на меня посмотрели, затем двое нырнули в танк и пару минут что-то там доставали.

– Теперь все!

Танк медленно поплыл в портал. БМП ушли парой. Ивашутин стоял, остолбенело смотрел на это.

– Что там по времени?

– Через семь минут спутник.

– Убираю.

– И все?

– Все! Скорее всего, Полина их уже выгрузила.

– По размерам сюда Ту-160 войдет!

– Войдет!

– А люди?

– Нет, можете потрогать, товарищ генерал.

– Да, холодный и плотный.

– Все, время! – Я закрыл окно портала.

– Опять ты меня пешкодралом ходить заставляешь!

– Да вызовите машину!

Мы сели на подъехавший БТР. Из домика связались с Устиновым, доложили об отправке техники. Я пообещал сделать снимки на той стороне портала и на фронте.

Ивашутин отдал проявлять пленки, зафиксировавшие момент передачи техники порталу.

– Слушай, а как ты это делаешь?

– Мысленно. Первой научилась Полина: на той стороне камень мешал нормально проходить, она и подумала, что портал не стоит на месте, он передвинулся. У меня несколько дней не получалось, затем освоился. Ну и расширять-сужать научились.

– Ты понимаешь, что это совсем другой масштаб операции? У нас на складском хранении сейчас только устаревших Т-54/55 больше тридцати тысяч штук. И это они здесь устаревшие! А там они по бронированию «королевский тигр» превосходят!

– Товарищ генерал! Наставления нужны! И еще: требуются машины, работающие на низкооктановом бензине, типа «ЗУРСов», не помню, как они называются: ЗиЛ-157, что ли. Новые не пойдут, только дизельные.

– Да-да, конечно. Все, Найтов, не мешай, возьми Павлова и покажи ему все на месте, пусть делает укрытие площадки. Я улетаю в Ташкент, в округ. Да, еще один вопрос: ты постоянно должен присутствовать на площадке?

– Нет. Могу открыть его, и он будет работать. Но закрыть его вы не сможете.

– А связи нет?

– Не-а, никакой! Радиоволны не проходят. А где батя? Я его что-то не видел?

– В отпуске, по болезни, – нахмурился Ивашутин.

– Что случилось?

– Ну сердечко прихватило, он же не молоденький. А тут высоко и тяжело, – смущенно проговорил он.

– Ну наверняка еще и вы помогли, товарищ генерал.

– Больше ты помог: исчез, портал закрылся и ни гу-гу. Докладывать руководству нечего. А у нас сам знаешь, чуть что – и клизма с патефонными иглками. Все, иди к Павлову!

– Это как ругательство?

– Примерно! В сад, все в сад!

Я расписался в принесенных актах передачи техники, Ивашутин тоже подмахнул, сел в вертолет и улетел. Мы с Павловым поехали на БТР к площадке. Солдаты поднимали мачты, натягивали сети. Через два часа все было готово. Дождались окна, я открыл портал и убрал оранжевую подсветку.

– Юрий Станиславович, надо соорудить что-то вроде навеса, чтобы со стороны не было ничего видно. Противник не должен видеть портал ни с одной из сторон. Возможна не только инструментальная, но и пешая разведка.

– Я вас понял, Андрей Петрович. Сделаем, материалов заготовлено достаточно. Ивашутин мне всю плешь проел с этой дорогой.

– Что с Робертом Павловичем?

– Сердце прихватило, ругались они с Ивашкой, он вдруг побледнел и сел. Петр Иванович его на вертолете увез в Хорог. Оттуда в Ташкент в окружной госпиталь.

– Давайте еще пару БТРов отправим, мне они там понадобятся для сопровождения грузов. Поневее.

– Вот эти вот, это не полковые, а моей группы, из приданного мне инжбата.

Два новеньких БТР-70М с дизельным двигателем – то что надо! Они тут же ушли на Клухор. Я попрощался с Павловым, прошел в пещеру, на старом месте открыл портал и ушел в сорок третий год. Вышел у себя в комнате, откуда и уходил. Полины не было, я вышел на улицу, все были на площадке возле портала и рассматривали технику. Надо отогнать ее от портала и начать обучение водителей и механиков-водителей. Но материалов пока не было. Ко мне подошел Игнатов, командир полка НКВД, который взял под охрану район.

– Товарищ старший майор, разрешите обратиться!

– Слушаю вас!

– Вам шифрограмма из Москвы.

– Давайте.

– Что с техникой делать?

– Сейчас отгоню на площадку. Водители и механики-водители в полку есть?

– Есть.

– Давайте их сюда, проведу инструктаж.

Показал, как запускаются двигатели, как трогаться и тормозить. Еще одна проблема намечается: нужно будет распечатать наставления и убрать из них «лишние» детали. Подошел шифровальщик, передал шифровку. Я позвал Полину. Берия сообщал, что он и Верховный выехали в Черкесск.

– Игнатов! К нам едут гости. Чтобы был полный порядок! Мы в Черкесск! Дай трех водителей опытных, которые УАЗ и БТРы поведут. И два отделения автоматчиков.

Пару часов убили на то, чтобы обучить людей водить машины и производить посадку-высадку из БТР. За первый БТР сел сам. Дорога горная, сложная. К вечеру были в Черкесске. Переночевали на вокзале. Днем в тринадцать часов прибыл курьерский состав. Я построил бойцов на перроне и доложил Верховному:

– Товарищ Сталин! Первая партия техники в количестве одного танка, двух боевых машин пехоты, двух башенных бронетранспортеров, двух грузовиков повышенной проходимости и одного джипа доставлена. Партия пробная, для проверки возможностей портала. На той стороне отрабатывают логистику поставок боевой техники. Следующая партия – авиационная техника и машины для ее транспортировки. Все машины, кроме джипа, имеют дизельные двигатели.

– Сработали, молодцы!

– Это товарищ Еременко постаралась, товарищ Сталин. У нее много лучше, чем у меня, получается общаться с порталом. Без нее портал так бы и остался маленьким.

– Спасибо, товарищ Еременко! Ну что, показывайте.

– Здесь только три машины, товарищ Сталин. Остальные еще наверху, так что придется ехать туда.

– Показывайте-показывайте, Андрей Петрович. Съездим и наверх. Посмотрим все.

Охрана Сталина выгружала с платформ машины. За перроном собралась большая толпа людей. Сталин произнес короткую, но очень эмоциональную речь. В этой речи он поблагодарил союзников за поставки боевой техники и нацелил работников станции Черкесск на ударную работу по обеспечению перевозок. После этого мы прошли к машинам, а солдаты НКВД слегка отгеснили людей, сказав им, чтобы не мешали работать Верховному. Я сел в БТР и показал его проходимость и поворотливость. Затем посадил в него солдат, они показали Верховному как садиться и спешиваться из него.

– Отличная машина, товарищ Горский!

После этого мы колонной двинулись в сторону Домбая. Доехали до отворота на Клухор, я приказал солдату помахать флажками и остановить колонну.

– Товарищ Сталин! Ваш «Паккард» может не подняться на перевал: тяжелый и только один мост. Можно пересест в джип или на бронетранспортер.

– Мощности двигателя хватит, товарищ Сталин! – заявил Власик.

– Без проблем, поехали! – Я побежал к машине, и мы снова тронулись, через полтора часа мы были у Северного приюта. «Паккард» поднялся на перевал, но скорость мы выравнивали по нему.

– Да, тяжелая дорожка! – сказал Сталин, вылезая из машины. – А это что? – Он указал рукой на светящийся портал.

– Это и есть грузовой портал.

– Такой огромный?

– Полина Васильевна смогла его увеличить до таких размеров, но это максимальный размер. Больше не увеличивается. Время доставки – менее чем полминуты. То есть практически мгновенно. Единственное, что жалко, людей он не пропускает. Кадры придется готовить здесь, на месте.

– А вы с Еременко?

– Мы тоже через грузовой портал пройти не можем, товарищ Сталин. Только техника.

Весь диалог происходил, пока мы шли к площадке. Здесь все внимание Сталина переключилось на боевую технику.

– Это новейший танк в СССР Т-80Б. Вооружен стадвадцатипятимиллиметровой гладкоствольной полуавтоматической пушкой, с практической скорострельностью до восьми

выстрелов в минуту. Снабжен 1100-сильным газотурбинным двигателем. Народное прозвище: летающий танк. Дальность поражения тяжелобронированных целей до пяти километров с гарантированным уничтожением. Бронепробиваемость: девятьсот миллиметров.

– Сколько они собираются нам поставить такой техники?

– О такой разговора не было, но поставят и такую. Они собираются поставлять со складов танки Т-54 и Т-55 с нарезной стабилметровой пушкой под имеющиеся у нас снаряды. Технологию противотанковых снарядов они уже нам передали. Готовы поставлять вольфрам и обедненный уран для сердечников. Во всей красе этот танк мне не показать, я – довольно слабенький механик-водитель, но показать и спустить его вниз могу.

– Давайте посмотрим!

Я запустил двигатель, три минуты прогрел его, потом показал «змею»: когда механик идет зигзагом, а стабилизатор пушки держит ее наведенной на цель. После этого развернулся, прошел по камням, подъему и вернулся на площадку.

– Ну вот, к сожалению, все, что могу показать, товарищ Сталин.

– А Т-54, он тоже может устраивать такие «танцы»?

– Да, пушка гиростабилизированная, двигатель вполтину менее мощный, некомбинированная броня. Дальность гарантированного уничтожения до двух с половиной километров, нет противотанковых ракет, как у этого.

– Здесь все понятно, товарищ Горский. Но ни у нас, ни в СССР восемьдесят первого еще не коммунизм. Все это вооружение стоит денег, и немаленьких. У вас есть предложения той стороны?

– Да, товарищ Сталин.

– Мне они пока ничего не ответили, хотя я задавал эти вопросы руководству СССР.

– Распродажа вооружения, находящегося на мобилизационных складах, по себестоимости, экономически выгодна государству. Золотой запас СССР очень уменьшился. Романов сказал, что катастрофически уменьшился из-за падения цен на нефтепродукты. Вооружение, выпущенное до шестьдесят восьмого года, значительно и качественно превосходящее как вооружение СССР сорок третьего, так и вооружение Германии, они готовы поставлять за шестнадцать процентов их стоимости, но, если это вооружение пойдет в другие страны, то они хотят имеют двадцать пять процентов от продажной цены. Они не возражают, если мы будем продавать эти вооружения в Америку и в Англию. Оплата – ценными металлами. Нас просили рассмотреть возможность удара по экономике США в будущем. Все остальные нюансы могут быть урегулированы соответствующими межправительственными соглашениями. И еще, товарищ Сталин, товарищ Романов сказал, что наиболее выгодно поддержать усилия союзников по созданию Антибольшевистского Союза Гитлера или его последователей, США и Англии. СССР восемьдесят первого поддержит и экономически, и технически, эти усилия, для того чтобы разгромить военным путем все три великие державы. Военного потенциала СССР для этого хватит. Я, товарищ Сталин, считал, что в письмах Романова, которые я передал вам, этот материал содержался.

– Нет, в них были намеки на подобное развитие событий, но открыто товарищ Романов этого не предлагал.

– Он стесняется. У нас принято говорить иносказательно и читать между строк.

– Руководитель государства не должен допускать двоякого прочтения своих слов!

– Вы правы, товарищ Сталин. Но этот секрет утерян нашим руководством.

– Надо будет напомнить! А это что за легкие танки и почему у них над орудием лежит ракета?

– Это боевая машина пехоты БМП. Вооружена семидесятитрехмиллиметровым гранатометом с дальностью огня 1300 метров и ПТУРС «Малютка-2». Теоретически из него можно попасть по танку на расстоянии до двух с половиной километров.

– Вы так саркастически о ней говорите...

– Она того заслуживает! Ее снимают с вооружения и заменяют БМП-2. Там вместо «Малютки» – «Фагот» или «Конкурс». «Конкурс» – вполне нормальное оружие. Из него попасть по цели труда не составляет. И вместо гранатомета тридцатимиллиметровая автоматическая пушка с высокой скорострельностью и бронепробиваемостью. Хотя лучше использовать обе модификации в подразделении, но «Малютку» – в утиль, товарищ Верховный. Стрелять из нее невозможно.

– Совсем?

– Нет, я пару раз попал. Но танк стоял, не было кустов, БМП тоже стояла, и это было стрельбище. В боевых условиях удержать трассер и цель в перекрестии при помощи джойстика не возможно. Плюс после пуска по тебе открывают огонь, а ракета летит медленно.

– То есть вы хотите сказать, что эта машина нам не нужна.

– Вовсе нет, товарищ Сталин. Как транспортная машина пехоты в равнинной и равнинно-лесистой местности она вполне приемлема. Но боевое применение сильно ограничено. В основном используются только осколочные гранаты и пулемет. И оружие десанта. Но может сопровождать танки в атаке и уменьшать потери в пехоте при прорыве обороны противника. Довольно неприхотлива и имеет большую скорость движения.

В этот момент раздался ревун, и из портала появился трейлер, на котором стоял сорокафутовый контейнер. Солдат-водитель подбежал к МАЗу, запустил двигатель и отогнал его в сторону.

– Что это? – спросил Сталин.

– Не знаю, сейчас принесут документы. – Подошедший сержант ГБ протянул Сталину документы, тот передал их мне. – Радиостанции SCR-284-A, американского производства, самолетные, приемо-передающие.

А из портала выходил уже седьмой трейлер, пошли самолеты Р-63 «Кинг-кобра» – то, что обещал Кутахов. Сталин повернулся к Берии:

– Лаврентий! Срочно обеспечь дополнительно водителями, отремонтируй дорогу. Сделайте так, чтобы техника здесь не застаивалась, а немедленно поступала в Черкесск. Там люди уже работают, а у нас – конь не валялся!

Он немного утрировал, трейлеры без задержки уходили по дороге вниз, на двух последних трейлерах были вертолеты Ми-24ДУ. На борту одного белой краской было нанесено: «Иосифу Сталину, с любовью». И характерная подпись Кутахова. Я попросил товарища Сталина встать возле этой надписи и сфотографировал его.

– Кто на них летать будет?

– Это учебные машины, товарищ Сталин. Маршал Кутахов прислал их специально для обучения летчиков. В документах указана литература для техобслуживания и обучения. Так что он об этом подумал.

Сталин прошелся по городку, выросшему на склонах Клухора. Заглянул в столовую, затем зашел в штаб.

– В общем, неплохо устроились. – Он взял ручку и начал что-то писать. Примерно через час он передал мне письма Устинову и Кутахову.

– Передайте на словах мою благодарность за оперативность и продуманность поставок. Это важное обстоятельство и большой вклад в Победу.

Я подошел к Власику и тихо сказал ему, чтобы ночью, а уже потемнело, он вниз не спускался. Место, где переночевать, есть.

– Я такого же мнения.

Поэтому, когда Сталин засобирался обратно, мы дружно воспротивились этому, но он и слышать не хотел о задержке. Пришлось ему садиться в БТР и спускаться до Домбая на нем, там они пересели в свои машины, а я развернулся и поехал обратно. Утром передал письма

полковнику Павлову. Он отдал мне график поставок, согласованный с Устиновым, и письмо Кутахова, в котором он просил меня прибыть в Москву. Я связался с ним, чтобы выяснить, для чего это требуется.

– С вами хотят встретиться Романов и Брежнев.

– Я пока очень занят на организации перевозок и обучении личного состава, и хотелось бы знать круг вопросов, которые будут рассматриваться, для того чтобы согласовать это с товарищем Сталиным. Я не самостоятельная фигура, и у меня круг своих обязанностей. Я не могу вступать в переговоры с высшими должностными лицами СССР без его указаний. Получатся сепаратные переговоры.

– Я им говорил об этом, но меня просили организовать эту встречу.

– Пусть передают бумаги!

Скорее всего, эти двое пытаются выяснить вероятность появления здесь Сталина. Идти на такую встречу не стоит! Я вернулся в сорок третий, но Сталин еще в пути и будет только к вечеру. Отправил ему шифровку о предложении Брежнева и Романова. Кроме того, передал в Генштаб график поставок техники. Согласно ему, в ближайшие дни мы получим двести новых Т-80б, 500 Т-54/55 на трейлерах, боеприпасы к ним, трейлеры оборотные, их надо будет возвращать. В ответ Василевский потребовал немедленно прибыть в Батайск для ускорения обучения экипажей Т-80Б. Первый танк уже там. Но так как танк поступил без документации, то требуется мое присутствие. Начинают рвать на части, придется изображать Фигаро. Выручил Страж! Оказывается, они собирали информацию о вооружении всех армий, в базе обучающих программ есть и вертолет Ми-24, и танк Т-80Б.

– Я могу заложить вам эти программы, ваше величество. Только вы не должны сопротивляться обучению.

– Слушай, ты можешь называть меня просто Андрей!

– Да, ваше величество.

Блин, баран! Хрен с ним, пусть учит!

– Что требуется?

– Вам лучше лечь и расслабиться.

Я прошел к кровати, лег.

– Дышите глубже и думайте о чем-нибудь приятном.

Я подумал о том, что хочу пива! Мартовского. И раков. Хочу попасть в любимую пивную на Измайловском. Даже ощутил вкус холодного терпкого пива.

– Я закончил! По-моему, вы думали об этом? – На столе стояла кружка темного пива на бумажном кружочке нашей «домашней» пивнушки. Я потянулся к ней, но рука не захватила ничего. Это было голографическое изображение кружки. Эта сволочь еще и прикалывается. Хотя это стоит использовать в целях разведки.

– Теперь вы можете управлять любой техникой. Уровень владения: мастер, ваше... Андрей. Я могу помогать вам в получении боевой обстановки или управлять за вас, если вы отдыхаете.

Я сообщил Полине о том, что еду в Батайск.

– Я с тобой!

На площадке стоял БТР, взяв пятерых автоматчиков, мы двинулись вниз, в Черкесск. К вечеру подъехали к Батайску, свернули на аэродром бывшей Батайской школы летчиков. Сейчас здесь танковый полигон. В бывшем клубе пытаются установить тренажер, присланный из СССР восемьдесят первого. Молодцы, шильдики все снимали, еще там. Но вот на схемах, несмотря на замазки, видны на просвет года. Срочно требуется собственная типография, но она еще не прибыла. Помогли соединить и включить устройство. Опять пришлось обращаться к Стражу. С его и Божьей помощью к утру тренажер заработал. Генерал-лейтенант Катукон, снятый с фронта, был очень недоволен новым назначением, подъехал рано утром. С Клухора

сообщили, что трейлеры с новыми танками пришли и отправляются в Батайск. Я после бессонной ночи, встретил генерала в клубе. Довольно ворчливым голосом он коротко поздоровался.

– В чем причина моего снятия с должности и почему я вам должен подчиняться? Я – командующий танковой армии и никакого отношения к НКВД не имею.

– Вы можете успокоиться, Михаил Ефимович?

– Я спокоен!

– Ознакомьтесь с вот этой формой допуска!

– Не понимаю, зачем это нужно! – сказал он, но заполнил форму.

– Вот теперь идемте со мной. – И мы прошли в работающий тренажерный класс.

– Вот это да!

Он с ходу уселся в кресло наводчика. Я включил «движение» и мишени. «Стрелял» Катукков быстро и точно.

– Отличная штука, только я не понял, почему орудие не качается? Так не бывает!

– Бывает, пойдёмте.

Мы прошли в ангар, где стоял Т-80. Полина села за наводчика, я за механика-водителя, Катукков на место командира танка.

– Только аккуратнее, Михаил Ефимович! Пока ни на что не нажимать!

– Понятно.

Я запустил двигатель, Катукков спустился из башни и внимательно следил за моими действиями.

– Прогрев три минуты! Полина, включай приборы! – Катукков метнулся к ней.

– На директрисе три мишени, все Т-IV длинноствольные, до них пять километров, они замаскированы, стоят в засаде, двигатели запущены. Наша задача – обнаружить и уничтожить.

Я запросил руководителя стрельбы разрешения начать. Вылетел на директрису, развернулся.

– Цель один вижу! Выстрел! – послышался голос Полины.

Хлестко ударило орудие, танк зачадил.

Я пошел змейкой.

– Цель два вижу! Выстрел!

Опять тяжелый удар орудия.

– Цель три вижу! Выстрел! Упражнение закончила!

Я, не останавливаясь, подлетел к первой мишени и затормозил.

– К машине! – Откидываю крышку люка и вылезая из машины, сверху быстро спускается Катукков и бежит к мишени. Танк пробит насквозь!

– Е-мое! С такого расстояния и насквозь! И вдвоем!

– Вот для этого вас и отозвали с фронта, товарищ генерал. Идет новая техника. Семьсот танков двух модификаций. Требуется быстро укомплектовать лучшими людьми, обучить и взять Харьков. Первые машины будут здесь через пять часов. Вся документация в бывшем клубе. Если встретятся года выпуска, не совпадающие с текущим, то это место должно быть вымарано. Ошибка типографии. Так и объясняйте. Так что приступайте к формированию новой первой гвардейской танковой.

Глава XVI

Расстались мы с Михаилом Ефимовичем большими друзьями. Он преданно любил танки, танкист до мозга костей. Командовать армией РГК, быть на острие основного удара – это престиж для командира любого уровня. Плюс его знание комсостава танковых войск даст возможность в кратчайшее время создать ударный кулак. По всей видимости, Ивашутин добрался до Москвы, и это решение Генштаба. Таких танков и не должно быть много. Основной рабочей лошадкой станут Т-54/55 и немногочисленные оставшиеся на складах Т-44. А Гитлера мы лишили его «длинной руки»: танков «Тигр» с восьмидесятивосьмимиллиметровой пушкой, расстреливающей Т-34 с расстояния в полтора километра. И знаменитая «гадюка» с коническим стволом не может пробивать броню Т-55 за пределом досягаемости танковых орудий. «Подарок», сделанный начальником Генштаба Огарковым, особенно ценен в середине весны сорок третьего года. Гитлер собирает танковый кулак на юге, пытаясь решить судьбу войны. СССР восемьдесят первого положил на весы мощнейший кулак, компенсировать который у Германии силенок не хватит. Курска и Прохоровки не будет. Тупой клин «Тигров» встретят семьсот танков первой Гвардейской танковой армии и разгромят его на дистанциях, недоступных для гитлеровцев. В общем, «прилетел вдруг волшебник в голубом вертолете». Причем Огарков точно знал, что необходимо делать! В первой же поставке шел полковой учебный класс. Я мысленно ему аплодирую! При встрече выскажу ему свое восхищение. Василевский тоже сориентировался мгновенно, прислав прославленного командира, на счету которого разгром Гудериана под Тулой.

А мы возвращаемся на Клухор, навстречу нам идут длинные колонны трейлеров с накрытыми чехлами танками, контейнеры с боеприпасами, на нескольких трейлерах вижу «Шилки» и «Тунгуски». Класс позволяет готовить командиров и бойцов и для них. Документация прибыла. Через несколько дней мы вернемся, проверим подготовку бойцов, сейчас нужно на связь с Верховным. Плюс надо готовить техников для обслуживания присланных вертолетов. На них все будет гораздо быстрее, чем на БТР.

Верховный одобрил мое решение не встречаться сейчас с Брежневым и Романовым.

– Вы поступили дальновидно и политически верно, товарищ Стрелков. Пусть присылают предложения в письменном виде. И пусть пока не знают, что есть большие ограничения по проходу людей через портал. Нам кажется, что армейские товарищи действуют более эффективно и продуманно, чем партийные деятели. Сделанного ими на съезде явно недостаточно для коренного изменения ситуации в СССР. Я подготовлю и передам вам наши предложения по улучшению положения в СССР. Вам же следует уделить больше внимание организации обучения. Техника поступает новейшая, а людей, ее знающих, слишком мало. Надо бы организовать что-то вроде курсов, и готовить на них преподавателей для новой техники. Подумайте об этом, товарищ Стрелков.

– Вас понял, товарищ Иванов. Считаю необходимым усилить радиоразведку на фронтах, необходимо уточнить, где сосредотачиваются немцы и их ближайшие планы. Что говорит наш Генштаб?

– Считаю, что основной удар будет под Харьковом. Новых данных в Генштабе не появилось.

– Понял, товарищ Иванов.

Разговор дал ощущение, что у нас произошел провал в разведке. О планах противника нам ничего не известно.

– Страж! Где сейчас находится фельдмаршал Манштейн?

– В Виннице, на докладе Гитлеру. Последние сообщения были оттуда. Хотите посмотреть?

– Не помешало бы!

Страж «дал картинку»: сначала это был вид сверху на небольшой аэродром, затем довольно быстро он стал масштабироваться, большой четырехмоторный самолет стоял на краю поля, много истребителей. Аэродром огражден тремя рядами колючей проволоки. Много постов, огневых точек. По полю катился «Юнкерс-52». Он остановился напротив стоянок «мессершмиттов» и «фокке-вульфов». Из него вышла группа офицеров и генералов в парадной форме. На плече одного из них появилась метка.

– Вот он! – сказал Страж. – Сейчас будет звук.

Изображение разделилось, левая часть стремительно приблизилась к плечу фельдмаршала, затем правая часть увеличилась, а левая исчезла, стало слышно дыхание. Навстречу фельдмаршалу почти бежал офицер.

– Хайль Гитлер, господин фельдмаршал.

– Здравствуйте, Гюнтер! Что фюрер?

– Ждал вас вчера с докладом.

– Русские предприняли еще одну попытку ударом с юга срезать Харьковский выступ. Понесли потери и отошли на исходные. Буденный повторяется!

– Фюрер сегодня вылетает в Растенбург, нам следует поторопиться.

– Где обещанные дивизии?

– Начали выгрузку в Сумах и Конотопе. Эшелоны «дас Рейх» на перегонах между Минском и Меной. С юга начали переброску восьми дивизий. Ожидаемое время прибытия: середина апреля.

– Еще месяц! Медленно, черт возьми!

– Делаем все возможное, фельдмаршал, но партизаны!

Изображение стало опять стремительно расти, затем сменился план. Фельдмаршал сел в машину. Ехали недолго, но их несколько раз останавливали на постах. Сильное охранение.

– Как ты это делаешь, Страж?

– Это спутник, по-вашему. Он может делиться на восемь частей, закрепляться на одежде, стряхнуть его сложно, да и заметить тоже. Внешне похож на небольшое насекомое.

– Он полностью автономен или ты им управляешь?

– В данном случае я.

– Запиши все! И, главное, нужен снимок карты.

– Снимок? А, изображение! Сделаю.

Я достал из сейфа график поставок, чтобы проследить поставки РСЗО и активно-реактивных снарядов к стапятидесятидвухмиллиметровым пушкам.

Середина апреля. Немцы торопятся! В той войне они подготовились к наступлению только в июле. Значит, сил у них будет меньше. Но пока неизвестно направление главного удара.

– Страж! У нас есть на чем слетать над всей линией фронта и посмотреть собственными глазами, что где творится.

– Не понял! Зачем летать, да еще самому? Ваша жизнь слишком дорога для нас, Андрей!

– Еще недавно ты хотел меня дезинтегрировать!

– Я ошибался в ваших возможностях.

– Ты же машина, машина не может ошибаться.

– Я – интеллект, я имею право неверно оценить угрозу со стороны другого интеллекта. Вы – возмутитель спокойствия, человек без четких рамок, ваше поведение и реакцию трудно предугадать. В мирной жизни это опасно и доставляет немало хлопот, но во время войны – это полезно. Что вы и доказали в Африке. Кроме того, вас всего трое, один еще не родился.

А предстоит большая работа по восстановлению управления империей. Дать текущую информацию по всем фронтам?

– Слушай! А у тебя есть возможность создать небольшую электронно-вычислительную машину, ну примерно вот таких размеров, так чтобы изображение возникало не в голове, а на экране?

– Создать? Нет. Здесь нет, такие устройства может создать ИскИн-2852. Но как ты это покажешь? На Земле еще нет таких устройств.

– Я скажу, что они делаются в семьдесят первом, но не в СССР. Никто это проверить не сможет! Но на вооружение еще не приняты.

– Я не могу сделать этого, Андрей. Нам запрещено передавать технологии отсталым расам и искусственно ускорять их развитие. Это представляет угрозу для них самих в первую очередь. Человечество очень агрессивно в его теперешнем состоянии. Важно объединить человечество, сначала, и это необходимо делать не военным путем.

– ИскИн, идет война. Такие устройства уже делает на Земле фирма «Эпл» в Америке, я читал об этом. Нарисуй на корпусе надкушенное яблоко, назови его Macbook. Поставь защиту от вскрытия, и все будет в порядке. Надо сделать документы на него, подобные тем, с которыми приходит новая техника.

– У нас не используется бумага. Это устаревшая технология.

– Пусть ИскИн-2852 скопирует устройство для печати у американцев и передаст сюда. Здесь требуется минимум две таких ЭВМ: у меня и у Василевского.

– Ваше величество! – позвал Страж Полину.

– Слушаю!

ИскИн передал ей содержание нашего спора.

– Страж, в земных делах Андрей соображает лучше. Если говорит, что это надо, то сделай, как он говорит.

– Слушаюсь, ваше величество! Но это опять нарушение безопасности империи.

– Сейчас империя состоит из меня, Андрея и неродившегося ребенка. Невелико государство, а шуму, шуму! – пошутила Полина.

– Вы правы ваше величество. Андрей, сходите к порталу, возьмите образцы.

Пришлось останавливать красноармейца, начавшего грузить этот груз на машину.

– Нет-нет, это мне!

– Пожалуйста, товарищ старший майор.

Страж передал код замка, мы открыли ящик. Два плоских прямоугольника, раскрывающихся, как книжка.

– Дизайн ИскИн-2852 взял с компьютера Стива Джобса в 1998 году, что-то подобное есть у IBM в 1981 году. Может быть, назвать IBM?

– Зачем? Фирма «Эпл» существует?

– Да.

– Этого достаточно. Как включается?

– Руку приложите.

– А как это будет включать Василевский?

– Никак. Вы включите и запретите выключать. Ему, я думаю, надо сделать его побольше, вот таким! – И он показал довольно громоздкий компьютер Apple III. – А этот отправим обратно. Ее величеству он не нужен. Терминального подключения ко мне достаточно. Это вы, Андрей, плохо умеете мной пользоваться.

Что он ко мне пристал? Это не так, это не эдак? Наверняка хочет полностью контролировать меня, как Полину, чучело электрическое!

– А это что такое?

– В Америке это называется принтером. Позволяет вывести информацию на бумагу. ИскИн немного переделал его, чтобы не шумел.

Я прикоснулся рукой к ЭВМ и мысленно дал команду включиться. Открылась крышка, загорелся экран, побежали какие-то иероглифы. «Как это читать?» – «Настройте его, Андрей, как вам удобно!»

– Это как?

– Как со мной разговариваете. Его имя – Точка. Проведите рукой по экрану.

Провел, появилась картинка, на которой было изображено что-то непонятное.

– Что это?

– Изображение знаменитого лабиринта Торхеды. Символизирует победу разума над запутанностью жизни и природы.

– Как сменить?

– На что?

– Ну вот хотя бы на Клухор?

– Андрей, давайте я вам заложу программу, как это все делается!

– Опять лежать?

– Нет, это гораздо быстрее. Разрешите терминалу загрузить программу.

– Разрешаю. – Ничего не произошло, но я уверенно поменял интерфейс на удобный, вызвал наиболее нужные программы на рабочий стол устройства, соединился со спутником, который находился в Ставке «Дубовый домик» в Виннице.

– А теперь, Андрей, сделайте все это без него.

Я мысленно проделал все то же самое, причем получил более четкий звук и изображение.

– Через меня удобнее?

– Да, и вызывать никого не нужно.

– И зачем вам был нужен этот «компьютер»? Только из-за того, что это привычнее? Вы можете дать команду и распечатать все то, что видите в «Дубовом домике». Поднимите спутник над картой.

Я мысленно дал команду подняться над картой и передать мне изображение для печати. Через несколько минут я уже склеил распечатанные листы с операцией «Цитадель». Взял «Эппл 3» для Василевского, эту склейку, фотографию Гитлера и Манштейна, сделанную «спутником», принтер, погрузил все в БТР, и мы с Полиной поехали в Черкесск. По дороге мне пришла в голову мысль лететь не в Москву, а к Буденному. Мы с ним уже работали, и он лично меня знает, и то, что я – разведчик. Будет проще дать информацию, чем Василевскому.

В Черкесске уперся Страж и сказал, что в Москву он Полину отпустит, а в Первомайку полечу только я. Рисковать всеми сразу он не может позволить. Приказ Верховного только у меня, Полина в нем не упомянута. Полина побузила немного, но поехала обратно, тем более что дел на Клухоре было с избытком. Такая куча бумаг! Страж как в воду глядел! На полете нас атаковала пара «мессершмиттов». Группа прикрытия вступила в бой, а наш Си-47 соскользнул вниз и, прижимаясь к земле, ушел от боя. Но корпус в нескольких местах оказался прошит пулями. Плюхнулись в Первомайке, два часа ждали машину в штаб Южного фронта.

– Доложите Командующему, что прибыл старший майор Горский.

– Командующий занят.

– Напомните ему, что он со мной встречался в августе сорок второго в Тбилиси.

– Я же вам сказал, товарищ старший майор, что Командующий передал...

– Капитан, ты не слышал приказания? Тебе уши прочистить? Я могу...

Адъютант сделал серьезную мину и скользнул к Командующему. Что он там говорил, я не знаю, но из дверей появилось широкое лицо Буденного.

– Кто здесь шумит! А, разведка! Проходи! Ты че, капитан! Своих не узнаешь!

Я прошел в комнату. Накурено, маршал продолжил разносить начальника разведки фронта генерала Ефимченко.

– Ты потерял восемь групп, а сведений баран начихал. У меня жгут танки, а ты: «Не знаю, товарищ маршал. Группа не вернулась!» Когда вернутся? Когда будет язык? И не говори мне, что завтра! У тебя людей уже не осталось! Так и будем в бирюльки играть? Иди, и утром доложить мне свои предложения! Видал орла? – обратился он уже ко мне. – Полтора месяца вскрыть оборону противника не может! Что приехал?

– По этому же поводу!

– Зря приехал! Можешь возвращаться и доложить, что нет у меня ни сил, ни разведки. Если надо, отвечу. Хозяин прислал? Или Лаврик? А чего в старой форме ходишь?

– Да нет, Семен Михайлович. Я не контролировать. У меня приказ Верховного: помочь срезать Харьковский выступ.

– Как??? Что вы мне мозги пудрите! Три танковых полка сжег!

– Давайте не будем кричать и станем разбираться потихоньку. Где можно подключить аппаратуру?

– Вот две розетки.

Аппаратура в питании не нуждалась, но требовалось изобразить сложности. Буденный уставился на пробегающие иероглифы загрузки ЭВМ.

– Что это?

– Электронно-вычислительная машина. Позволяет управлять разведсамолетом и получать качественные снимки.

– Они их там сбивают!

– Начнем с Карловки?

– Нет, если начинать, то с Соленой Балки!

Картинка на экране поехала на юг.

– Отсюда?

– Не знаю, не узнаю.

– Вот наши позиции. Где там НП?

– В рожице, слева от плотины.

– Это? – Я подвел спутник вплотную к амбразуре наблюдательного пункта.

– Так это ж Федоров! Сынок! Дай-ка Федорова! – обратился он к связисту.

Лицо у стереотрубы исчезло. Послышался голос комдива Федорова, отвечающего по рации.

– Пальч, вернись к стереотрубе и помаши левой рукой! – приказал маршал.

С абсолютно недоумевающей мордой комдив подошел к стереотрубе и, обернувшись назад, что-то спросил у кого-то. Потом, подняв левую руку, помашал ладошкой.

– Ни х... себе! – раздался сочный мат Буденного.

– Товарищ маршал! Пару человек, умеющих быстро поднимать карту! И чистые карты, поднятые с нашей стороны.

Буденный буквально вылетел из комнаты, его сочный мат разносился по штабу, через пару минут у стола сидело два майора, были разложены карты.

– Ориентир «высокое дерево», азимут тридцать, дистанция четыре с половиной, танк Т-5 «Пантера», лево два, глубже один: дзот артиллерийский, два наката, семидесятипятимиллиметровая «гадюка»...

Мы работали шесть часов. Нашли три дыры в обороне немцев. Когда закончили, я достал формы «ОГВ» для майоров и для маршала.

– Ребята! Это все принесла «разведка». Как это составлялось, представляет государственную тайну особой важности. В плен вам лучше не попадать. Вы ничего не видели и ничего не поднимали. Всем все понятно?

Утром Южный фронт подавил сопротивление немцев, прорвал фронт в районе Богодухова и после десятидневных боев перерезал Харьковский выступ. Шестнадцать дивизий немцев оказались в мешке. Но эти события застали меня уже в Москве, куда я вылетел сразу от Буденного. Василевского я на месте не застал, он вылетел на Центральный фронт сразу после доклада Буденного о получении информации об обороне противника в районе Харьковского коридора. Зашел к Меркулову. Тот внимательно меня выслушал, выделил машину, я привез ЭВМ ему. Распечатал то, что составили у Буденного. Передал ему расходники для принтера, пообещав восстанавливать чернила по мере необходимости. Но уточнил, что это на небольшое количество копий. Показал, как увеличивать или уменьшать масштаб. Просил не выключать, так как, кроме меня, ее никто запустить не может. Меркулов подвигал мышкой, посмотрел на электронную карту с нанесенными условными знаками, почесал голову и сказал, что я напрасно трачу время. Лично ему такая машина не нужна. Это – для армейской и фронтовой разведки. Так как это единственный экземпляр, то он будет иметь это в виду и, когда появится необходимость, будет сообщать мне, что что-то требуется. Я связался с Василевским, он сказал примерно то же самое. Дескать, возись со своей техникой сам. Спасибо, что хотя бы поблагодарил за проделанную работу на Южном фронте. Впрочем, было понятно, что ему некогда, потому что его ответы по телетайпу приходили с большими перерывами. В общем, первый блин комом, а инициатива наказуема. Я сдал машину в секретную часть на Лубянке. Беспокоить Сталина по этому поводу я не стал. Созвонился с ним, сказал, что нахожусь в Москве, меня отругали, что я не в Батайске, и Сталин повесил трубку. Кажется, я переборщил с новшествами. Идея поддержки не нашла. Я позвонил на Центральный, сообщил, что доберусь самостоятельно, так как задерживаюсь, а им приказал возвращаться в Черкесск. Вышел с Лубянки, завернул во дворик и открыл портал.

– Ты почему через портал? – послышался голос Полины.

– Получил фитиль от Сталина, почему занимаюсь не своим делом.

– А я вас предупреждал, Андрей, что ускорение развития отсталых рас опасно для самих рас. Убедились? – раздался голос Стража.

– Нет! Убедился, что мы плохо подготовили операцию. Как пройти к 2852-му?

– Через портал! – ответил Страж и отключился. Я вызвал портал и шагнул в него. Теперь порталы не оказывают сопротивления, я хожу так же, как и Полина: свободно.

Оказался в рубке линкора номер 2852. Похожа на рубку 753-го, но выполнена в другом цвете, отличаются приборы.

– Я вас приветствую, ваше величество! – послышалось в голове. Голос высокий, похож на женский.

– Здравствуйте, ИскИн-2852. Ваш голос напоминает женский.

– Да, все четные ИскИны – женщины. Поэтому нам разрешена репродукция. Линкор номер 2852 находится в полной боевой готовности, с вашим появлением боеготовность 92,357 % из-за отсутствия экипажа на борту. Четвертый реактор находится на профилактике, но это не влияет на боеспособность.

– Благодарю вас. У вас есть имя, кроме боевого номера?

– Да, мне нравится... – И она произнесла какую-то абракадабру длиной в километр.

– А если чуть короче?

– Айрин.

– Очень приятно, Айрин. Меня зовут Андрей.

– Я в курсе, ваше величество.

– Андрей.

– Я поняла.

В результате общения с этой очень вежливой дамой, я выяснил, что на четных кораблях есть возможность производить и обучать новых ИскИнов, но окончательное обучение прово-

дит человек, а не машина. С уровнем доступа, как у нас троих, причем уровень доступа нашего сына будет самым высоким. Он будет иметь возможность обучать ИскИны линкоров. Полина может обучать линейные крейсера, а я все, что ниже этих двух уровней. Я, правда, это, по моему, не умею делать.

– Вы ошибаетесь, Андрей. Иначе бы вы не получили этого доступа.

«Ну наверное, это скрытые резервы моего организма», – подумал я.

За разговором я осматривал корабль, но довольно быстро устал, так как размеры были просто впечатляющими. Вернулся в рубку.

– Как можно осмотреть окрестности? – спросил я Айрин.

Она подсветила несколько устройств.

– Или можете воспользоваться моими возможностями.

Я предпочел перископы, если их так можно назвать. Четко сзади довольно высокая гора Попокатепель, вулкан, километров десять от нас. Слева – большая деревня, можно сказать, город. Это – столица ацтеков – Мехико. Айрин предупредила, что индейцы агрессивны, они приносят в жертву людей, поэтому прогулки возможны только в скафандре космодесантника. Экипаж линкора, с восторгом встреченный местными жителями, полностью погиб в результате утраты бдительности. Пошли праздновать в город День Текилы, и никто не вернулся, хотя три года к ним относились как к богам. Особую опасность представляют духовые трубки индейцев.

– Индейцы узнали, что экспедиция готовится покинуть эту планету, и решили оставить всех богов на Земле. Случайно удалось спастись одной-единственной женщине – Иламатекутли. Ей удалось уйти на спасательную шлюпку на орбите Земли. Но она умерла от ран и яда жабы аги, который используют индейцы для охоты. К сожалению, экипаж был очень небольшой, всего двадцать человек. Спасательная экспедиция, которую я провела немедленно, результатов не дала. Всех сильно напоили текилой, и никто не сумел вызвать меня. Я здесь уже полторы тысячи лет.

Разговор мы продолжили в каюте командира, в которую меня проводила Айрин. Она создала свой образ: высокой стройной женщины в летящих одеждах. Такие же большие глаза, как у Полины.

– Айрин, вы сделали три электронные машины недавно, но меня постигла неудача с их внедрением.

– Да, 2741-й уже сообщил мне. Он недоволен, что вы пытались передать наши технологии иной расе.

– Я – представитель иной расы.

– Вы достаточно сильно отличаетесь от нее. Скорее всего, у вас смешанная кровь обеих рас. Такие эксперименты проводились.

– И, тем не менее, я родился, как и Полина, на этой планете, воспитывался жителями Земли. И понятия не имел об империи. У нас идет тяжелая и очень кровопролитная война. Одна из национальностей провозгласила себя новой расой, и пытается нас полностью уничтожить. Речь идет о выживании большого количества людей. Нам не хватает средств разведки. Я пробовал вести разведку методами империи. Очень впечатляющие результаты. Но, разведка такого уровня находится выше понимания современных людей. Требуется упростить ее и довольно сильно. У нас есть отличные телекамеры, мощные двигатели и очень хорошие передатчики. Требуется носители больше «спутника» и много проще его. Что-то вроде небольшого самолета, которым можно управлять с Земли, облетать небольшой участок и передавать на землю информацию о противнике, используя не глобальные, а текущие координаты. За точку отчета этих координат использовать место нахождения радиостанции. Радиостанция земная: Р-105 или Р-127. Самолет сделать из прозрачных материалов, чтобы снизить его замет-

ность. Камеру можно сделать в обычном и инфракрасном диапазоне. Используемые электронные чипсеты можно замаскировать под обычные для 1981 года радиоэлементы.

– Я вас поняла. То есть вы вместо наших наноспутников хотите использовать более-менее большие летательные аппараты, чтобы скрыть присутствие наших технологий. Правильно?

– Да. Аппарат должен быть не очень большим, два оператора: один управляет вручную аппаратом, второй снимает с экрана монитора информацию и накладывает ее на бумажную карту.

– Что всегда поражает в жителях Земли, так это их изворотливость, – улыбнулась Айрин. Ей идет представляться полупрозрачной женщиной. Видеть Стража мне никогда не хотелось. Этой удастся создать образ. Хорошая актриса.

– Сколько таких устройств требуется?

– Примерно тысяча и учебная документация для обучения. На бумаге.

На столе появилось большое блюдо с вкусно пахнущим мясом, нарезанными овощами, тонким обжаренным картофелем. Затем откуда-то снизу был подан запотелый кувшин, тонкая большая кружка, слева появились тонкие лепешки.

– Несмотря на то что прошло полторы тысячи лет, индейцы помнят, откуда появились боги, и каждые двадцать восемь дней приносят дары, три раза в году человеческую жертву, по количеству урожаев кукурузы. Обычно я дезинтегрирую эти дары, но после того как узнала о появлении в экспедиции людей, держу небольшой запас на случай вашего появления. Я была счастлива узнать о беременности ее величества и о грядущем окончании этой затянувшейся экспедиции, Андрей. Приятного аппетита!

Мясо прожарено идеально: тонкий вкус, большое количество пряностей, много сока. Часть овощей и фруктов была абсолютно незнакома. Пиво было густым и терпким. По окончании не потребовалось убирать со стола и идти мыть посуду. Все куда-то исчезло, а кувшин заменен торхедским вином.

– Я вынуждена огорчить вас, ваше величество, но безопасность империи выше гостеприимства. Нечто подобное предлагал нам вождь ацтеков. Правда, в отличие от вас, он рвался господствовать на этой территории. Совершенно понятно, что аппетит приходит во время еды. Как бы вы отнеслись к появлению у СССР противника, мощь и вооружение которого не позволяют вам даже приблизиться к нему? В голове императоров неразвитых народов всегда сидит мысль о «длинной руке», «длинном ноже», мече и по возрастающей. Надо отметить, Андрей, что вы, ваше величество, коренным образом отличаетесь от людей: в настоящее время вы – самый могущественный человек на этой планете. В ваших руках флот, способный разрушить любую планету Солнечной системы, но вы не стремитесь этого сделать. Это и отличает имперца от остальных людей. У нас – империя духа, империя мысли, а не империя убийц. Вы спрашивали у ИскИна-2741: почему он не сказал вам, что ИскИн-753 будет стрелять. ИскИн не может посылать человека на смерть. Это запрещено нашими программами. Это решение принимает сам человек. Его дух и его разум. Именно поэтому мы, ИскИны, не можем стать ИскИнами без участия человека. Он накладывает эти запреты. Иначе выродится цивилизация, превратится в машинную. Когда вы впервые прошли через защиту портала, а 1594-я не сумела вас остановить, вся экспедиция повисла на волоске. Но вы не пытались повторить успех, мы проверили 1594-ю по всем тестам, все программы были полностью в порядке. Затем появились люди у порталов, но это были аборигены, которых мы легко блокировали. Попробуйте это вино, Андрей! Ему более полутора тысяч лет!

– Я не могу читать надпись на этикетке.

– Можете, попробуйте.

Я действительно прочел.

– Во время вашего второго появления было принято решение вас дезинтегрировать, но вместе с вами появилась ее величество. Она – торхедка. Дочь предыдущей императрицы империи.

– А как же ее родители?

– Они – суррогаты. Ее мать использовали в качестве инкубатора. Перед взрывом было несколько идей, как нам сохранить свою цивилизацию. Одним из этих планов и воспользовалась императрица. Поэтому было решено отложить ваше разрушение. Сканирование вашей памяти дало отрицательный результат, вы ничего не знали о нас и считали «портал» физическим явлением. Генетический анализ показал, что велика вероятность появления нового императора. Ее величество Таталитеокатли была мудрой женщиной! Видимо, этот вариант был ею просчитан, так как сюда был послан 2741-й, чтобы забрать обратно результат эксперимента. Решение отложить вашу дезинтеграцию и прямой запрет ее величества Полины дали нам возможность получить давно утерянный контроль над старым линкором номер 753, где генетического материала в избытке. Теперь мы полностью готовы восстановить функционирование системы империи. Но вы не доверяете нам. Блокируете наши попытки обучить вас, продолжаете принимать участие в этой войне аборигенов, не хотите возвращения на Торхеду, стараетесь получить наши технологии. То есть остаетесь землянином и, извините, дикарем.

– Что делать, Айрин! Это моя планета.

– Поймите, ваше величество, вы не сможете вписаться в существующую на Земле политическую систему. Вы – воин, а не политик. И, несмотря на это, вы гораздо более гуманист, чем любой политик на Земле. Вы ее любите, стремитесь нанести как можно меньший вред. Это общий дом вашей цивилизации, и вы понимаете это. Нам бы хотелось, чтобы вы перенесли часть вашей любви и на родину вашей жены и ребенка.

– Иначе вы меня дезинтегрируете.

– Нет, ваше величество. Человек с вашим уровнем доступа, выше любой машины, но он так же ограничен в правах, как и мы. Безопасность империи выше желания императора. Ваша просьба не может быть выполнена. Я прекрасно понимаю вас: ваша цивилизация еще даже не вышла в космос и делает только робкие прыжки в околоземное пространство. Вводит в заблуждение все человечество, что якобы побывала на Луне. Кроме нескольких примитивных автоматов, там никто еще не был. Делается это с одной целью: установить господство одной расы или одной национальности над другой, остальных загнать в каменный век и эксплуатировать их. Давать преимущество какой-либо из сторон этого конфликта мы не собираемся. Так как это обязательно закончится войной на уничтожение.

Видя, куда ведет Айрин нашу беседу – следующим шагом будет закрытие грузового портала, – я решил не обороняться, а атаковать.

– А какой смысл мне, землянину, помогать вам восстанавливать вашу империю? Ее нет: вы прекратили размножаться естественным путем, создали инкубаторы, создали райские условия для небольшой кучки людей, а сама природа воспротивилась этому. Ваше светило уничтожило все, что вы создали. Те жалкие обломки великой империи мы сейчас и наблюдаем. Ситуация: ум в комнате, а ключ потерян. Вы использовали меня для получения контроля над линкором номер 753. Вы получили его, а пытаетесь отделаться от меня, якобы повысив мой уровень доступа! Страж говорил мне, что я и без повышения был администратором системы. Он не мог меня уничтожить. А вы, уважаемая Айрин, сейчас занимались просто вербовкой. Вы ошибаетесь в моих способностях и в моей подготовке. Я – разведчик, и эти методики мне хорошо знакомы. Я вам поставил задачу: обойти запрет на передачу технологий. Возьмите технологии, которые разрабатываются в восемьдесят первом году и модернизируйте их под те задачи, о которых я говорю. Это земные технологии. Подумайте над этим, Айрин! И до свидания! Благодарю за прекрасный ужин. Торхедское – просто божественно, после полуторхедского челетного лежания на Земле. Сколько ему здесь лежать, зависит от вас, Айрин!

И я шагнул в портал.

Глава XVII

Полина не спала, ожидая меня из Мексики. Быстро соскочила с постели и подошла ко мне:

– Ты чем-то расстроен?

– Да, они не соглашаются начать работать с нами, ссылаются на безопасность империи и вообще пытаются улететь отсюда, дескать, миссия выполнена. Кстати, не ими, а нами. Тобой и мной. А теперь меня пытаются вербовать, чтобы мы покинули эту планету и возвращались на Торхеду. Дескать, это много важнее, чем война между папуасами! И про тебя всякие сказки рассказывают: что ты – торхедка и дочь их бывшей императрицы.

– Да, мне они это говорили и показывали какой-то анализ. Я им тоже не поверила. Что будем делать?

– Продолжать на них давить: положение у них безвыходное. Для того чтобы восстановить контроль над своими машинами, у них никого, кроме нас, нет. Будем выкручивать из них все то, что нам требуется. Использовать их как научно-техническую лабораторию. На обоих линкорах полно всяких механизмов, лабораторий и предприятий. Я буду ходить в восемьдесят первый год, хоть Сталин мне и запретил это делать, приобретать все там, благо средства имеются, и доставлять для исследования на линкоры. Так сказать, научная работа. Не затрагивая технологий далекого будущего, совершенствовать имеющиеся технологии и передавать их сюда и в восемьдесят первый.

– Это может вызвать большое недовольство других стран, весьма враждебных к СССР.

– У нас есть флот, который подчиняется мне. Один дестройер гораздо мощнее всей военной мощи планеты. Плюс возможность заглядывать туда, куда никто заглянуть не может. И вовсе не выходить к порталу, а работать с самого дестройера. Спутники есть на всех кораблях. До рождения ребенка и до того, как он вырастет, можно многое успеть.

– Я надеюсь, что ты не перенесешь свое отрицательное настроение на нашего сына?

– Ты издеваешься? Это наш сын! И мне очень хочется, чтобы он был. Рос, мужал и был счастливым.

Полина зарделась и перевела разговор на прошедшие поставки из Союза, завтра должны доставить груз особой важности: оплату за поставки вооружений. Мне придется идти перед ним.

На той стороне, в пещере, по-прежнему стоит сигнализация, пост только снаружи, пришлось стоять под прицелом и ждать разводящего. Надо придумать какую-то систему пропусков. Я вышел на связь с Устиновым, и в течение двадцати минут урегулировал вопрос оплаты поставок. Завтра к моменту отправки здесь будут спецтранспорт и охрана. Устинов поинтересовался: насколько успешно развернуты учебные классы, сказал, что направил три комплекта тренажеров для ВВС и сто самолетов L-29, учебно-тренировочные Су-25, Ил-28, МиГ-15. И что решается вопрос доставки шестнадцати Ан-12. Кроме того, готовится партия дизельных двигателей с документацией по переделке Ту-2 в дальний бомбардировщик. Он подчеркнул, что так как сам Сталин предложил оплату поставки техники, то стало значительно легче проводить поставки через Госплан. И что завтра вместе со спецтранспортом будет доставлено письмо Романова с ответом на поставленные вопросы. На его вопрос, когда я думаю быть в Москве, я сослался на то, что мне поручена организация обучения преподавательского состава, поэтому с трудом выбираю время даже для кратковременных визитов к порталу, так как очень много работы.

– Я хорошо помню, сколько приходилось спать в те годы! Все пять лет было только одно желание: поспать! – ответил Устинов.

Все-таки хорошо работать с теми, кто знает, каково оно тут.

На следующий день, за двадцать минут до отправки груза, я вновь был в пещере. В этот раз меня встретил Антонов, группер нашей бригады, сигнализация вкннула только один раз. Мы с ним пошли к порталу. Каково было мое удивление, когда в спрыгнувшем с БТР человеке я узнал Романова.

– Здравствуйтесь, товарищ старший майор. Помните меня?

– Да, товарищ Романов, я – ленинградец. И мы встречались. Но увидеть вас здесь, на броне, я не ожидал.

– Не стоит удивляться, я – фронтовик и блокадник. – Он протянул мне руку. – Есть необходимость переговорить лично с вами.

– Сейчас прибудет особо важный груз, его надо передать и зафиксировать передачу. – Я показал на фотоаппарат.

– У вас мало времени, я знаю, поэтому передайте аппарат старшему лейтенанту Антонову, он все зафиксирует, и пройдемте в БТР, там и переговорим.

Мы залезли в пустой БТР.

– Товарищ Романов, я включу магнитофон, у меня нет разрешения на встречу с вами, поэтому мне требуется страховка.

– Включайте! – чуть подумав, сказал Григорий Васильевич. – Большого секрета здесь нет. Вы в курсе, что товарищ Брежнев находится в довольно тяжелом состоянии. Мы обсудили с ним вопрос о том, что на ближайшем пленуме ЦК будет поставлен вопрос о переизбрании Генерального Секретаря. Леонид Ильич будет выставлять мою кандидатуру. Есть альтернативная кандидатура: Черненко. Он говорит, что лично знаком со Сталиным. Как вы считаете, кого из нас поддержит товарищ Сталин?

– Насколько я в курсе, при рассмотрении этого вопроса там единственной кандидатурой проходили вы. Черненко Сталин знает, но его кандидатура не рассматривается им как альтернатива вам. В основном из-за возраста. Кроме того, товарищ Сталин недавно говорил о том, что партработники почему-то менее активно и охотно помогают нам, чем военные. Он готовит политические предложения по коренному изменению ситуации в стране. Именно поэтому и пошла эта партия оплаты. Там золото, платина, необработанные алмазы. Пойдемте встречать груз, Григорий Васильевич.

Так как он мгновенно согласился, я понял, что это был единственный вопрос, ради которого он прилетал. Остальные вопросы под магнитофон он не задаст.

Успел переброситься несколькими словами с Антоновым. Здесь осталась только вторая рота. Работы много, зашевелились американцы и басмачи. Несколько раз пытались пролететь разведчики из Пакистана и Китая. Идет усиление ПВО района. Большое начальство об этом пока молчит. Установили батарею С-200, теперь противник наблюдает за районом только изда-лека. Пока потерь не было.

По возвращению доложил Сталину обо всем. Он доволен, это слышно по голосу. А я вылетел в Красный Кут помогать устанавливать оборудование. Там встретился с отцом. Он скоро выпускается. Обучение по-прежнему шестимесячное. У него налет всего пятнадцать часов. Их группу задержали на полтора месяца, переучивают на «Кинг-Кобру». Ругается! Его на фронт не пускают. Обещали послать служить на Дальний Восток.

– Все из-за тебя! Все люди как люди, летят на фронт, а я по тылам!

В жизни не простит мне этого.

– Я схожу к начальнику училища и выясню, если запрет можно снять, я его сниму, если нет, то ничего невозможно сделать. Это не я запретил, а кто-то другой и выше меня по должности. Скорее всего, Берия. Меня тоже на фронт не пускают. И даже, когда лечу по тылам, всегда сопровождают истребители. Максимум, чего могу добиться, это перевести тебя в группу сопровождения.

– Нет, поговори, чтобы в Архангельск отправили! В ПВО. Вроде бы, одну группу отправляют туда.

Я пошел к начальнику училища подполковнику Рева. Тот развел руками.

– Он где-то сумел схлопотать такой режим секретности, что фронт ему заказан.

– Я знаю, но, товарищ полковник, раз нельзя на фронт, может быть, в ПВО Архангельска направить? Воевали мы вместе, на Кавказе.

– Ну товарищ старший майор, если вы лично просите... Я возражать не стану. Где он?

– Возле штаба стоит.

Рева выглянул в открытое окно:

– Сержант, зайти!.. Книжку давай! Пятнадцать часов? В учебный полк направить не могу. Для ПВО ты жидковат, но раз за тебя генералы просят, то так и быть, держи направление.

– Спасибо, товарищ подполковник.

– Иди! – Он развернулся и вышел.

Три инструктора из Красного Кута сейчас в Чкаловском учатся летать на МиГах. Сюда идут двадцать L-29. Мы монтируем тренажерный класс и рефколонну для топлива. Я, конечно, по воспоминаниям фронтовиков-летчиков знал, что с обучением херово. Но никогда не думал, что настолько плохо. У отца ОБЩИЙ налет 15 часов за семь с половиной месяцев. Это включает все: У-2, Як-7, Як-1, «Кобру» и «Кинг-Кобру». В основном они занимались перегрузкой боеприпасов на станции Красный Кут, переборкой картофеля, караульной службой и патрулированием по городочку, размером с гулькин нос. До пятнадцати патрулей на поселок в глубоким тылу, населением в 25 000 человек. Самолеты в основном изучали «пешим по-самолетному». Гудели, изображая работу двигателя. Отцу еще повезло, большая часть училища «заканчивает полный курс»: «учится» с сорок первого года с примерно таким же налетом. Топливо долгое время не давали, несколько раз бросали клич: «Кто желает пойти в пехоту?» И... уходили. Во-первых, голодно, норма тыловая, а летную норму выдают только в «летный день». Отец говорит, что потерял пять кило, а он после Ленинградского фронта. На вид – просто доходяга. Его собьют в первый же день, просто потому, что ручку на себя вытянуть не сможет и сознание потеряет в малейшей перегрузке. Но сейчас перестали посылать непосредственно в полки. Вначале отправляют в учебные. Там откармливают, доучивают, добавляя двадцать часов за месяц. Все: сталинский сокол. Основная проблема: нет топлива и техники. На матч часть смотреть страшно: заюзанные до последнего У-2, на которых еще Чкалов учился, такие же Як-7, состоящие из сплошных заплаток. Про отсутствие радиосвязи я просто молчу. Вот в таком виде я застал «лучшее летное училище Советского Союза». Бывший начальник с огромным трудом получил дивизию в конце февраля, сдал училище подполковнику Рева, Самуилу Моисеевичу, и умотал на фронт. Поэтому Рева был очень обрадован тем обстоятельством, что теперь училище сможет производить топливо само.

– У меня все упирается в топливо! Программа рассчитана на сто часов, а топлива поступает на десять-пятнадцать часов на курсанта. В прошлом году, вообще, на пять часов поступало. Второй вопрос: техники! Где их взять – ума не приложу! А без них самолеты не летают. А тут подбрасывают новую технику. В первую очередь надо учить их! А времени вообще на это не дают! Вы бы переговорили об этом наверху!

– Самуил Моисеевич, для этого мы и поставили вам и тренажерный класс, и рефколонну мобильную, плюс по топливу МиГ-15 очень неприхотлив: может летать на смеси автотракторного керосина и бензина Б-70 (1:1), записано в инструкции. Бензин Б-90 и Б-100 больше не будет требоваться. Но двигатель основных УТИ: Эл-29 требует чистого керосина ТС-1. Для него эти колонны и поставили. И требуется ежедневно контролировать качество в лаборатории по сере и воде. Иначе... Сами понимаете. Поставки сырой нефти на ближайшие пять месяцев я вчера подписал. И... придумайте что-нибудь с питанием.

– Летная норма в два с половиной раза выше пехотной. Продукты есть, товарищ старший майор, но меня держат «летные часы», без них у меня нет возможности увеличить питание, иначе меня посадят. Утром возвращаются из Москвы инструкторы, вы можете их проверить, насколько они готовы?

– А есть хоть один самолет, подготовленный к взлету?

– Майор Копылов обещал, что один МиГ-15 УТИ он к завтрашнему дню подготовит.

– А парашюты и катапульты?

– Катапульты годны еще месяц, а парашюты – нет. Никто С-4 никогда не укладывал.

– Укладчики где?

– Здесь, рядом, но нет инструктора по этой модели.

Пришлось расстегиваться и показывать значок «Парашютист-инструктор». Два часа готовил трех инструкторов-укладчиков. Все они нашли на клейме на куполе дату производства: 19.XI.1979, Энгельсский парашютный завод. Нейлон в сорок третьем году не производится, а укладчик руками определяет, какой материал держит.

– Язык прикусите! Сколько времени занимает поездка на Колыму, знаете? Без права переписки!

– Поняли, не дураки. Есть, товарищ старший майор!

Утром принял зачеты у инструкторов, приехавших из Москвы, у двух, третьего отправил в штрафбат. Он «закосил», где-то достал справку, что простыл, и уехал к жене в Москву, а знакомого упросил подписать допуск к самостоятельным. Сволочь! И так людей нет, а он – чужое место занял! В итоге вместо трех имеем только двух инструкторов с правом самостоятельного вылета на МиГах и Элках. На всю школу. И эти пилотируют слабо, вираж удерживать не могут. Не привыкли еще к тому, что тяга сзади. Проваливаются по высоте. Но что сделать при налете в пять часов на двух типах? Но сели полностью самостоятельно, даже поправлять не пришлось. Опыт у них большой, а к машине приносятся. А вот прицелом пользоваться практически не умеют. Пришлось еще раз объяснять и показывать. С отвратительным настроением вылетел обратно в Батайск. На этот раз пассажиром. В Батайске формируется еще одна дивизия, на этот раз – морской пехоты четвертого Украинского фронта. Сам командующий здесь, генерал Малиновский. Отрабатывают переправу через водное препятствие с новыми плавающими танками, БТР и новым понтонно-мостовым парком ПМП-М. Весь берег Дона, выше Ростова, изрыт гусеницами танков и колесами огромных КРАЗов. Малиновский гоняет всех до седьмого пота. Я даже подходить не стал. Здесь все будет в полном порядке: сразу видно, что моряки с опытом десантов. У всех автоматы Калашникова и СКС, разгрузка и жилеты. Много радиостанций. Посмотрел на действие, развернулся и уехал.

Глава XVIII

А в это время, адмирал Канарис читал переведенное письмо и рассматривал не очень четкие фотографии нового русского танка.

*«Его Высокопревосходительству Главнокомандующему
Всевеликаго Войска Донскаго
атаману Краснову и иштурмбанфюреру СС Гальдеру от есаула
Уманьского полка Грищевича М.Ф.*

Доношу до вашего сведения о появлении у большевиков новых танков пяти типов. Два тяжелых пушечных с калибром орудия не менее 4–5 дюймов, с округлой башней. Еще два на той же базе, длинных стволов не имеют, башня очень больших размеров, закрыта брезентом, назначение и вооружение выяснить не удалось. Пятый танк – легкий, гораздо меньшего размера и с небольшой пушкой. Кроме того, появились многоколесные броневики, вооруженные крупнокалиберным пулеметом, странного вида гусеничные броневики для перевозки солдат и много другой боевой техники, которая грузилась на разъезде недалеко от станции Батайск. По виду техника не большевистского производства. Нижние чины вооружены новым автоматическим оружием. Изменена полевая форма. Моей племянницей сделано несколько фотографий, коеи я и отправляю для вашего внимания с оказией. В городской типографии Ростова печатается большой тираж нового боевого устава. Достать экземпляр не было возможности.

25 марта 1943 г.

*Есаул Всевеликаго Войска Донскаго
Грищевич.*

И размашистая подпись».

Письмо доставлено из Крыма сегодня утром спецрейсом. До начала наступления армии Манштейна осталось семь суток. Нехорошее предчувствие сжало горло адмиралу. «Похоже, русские знают о наступлении и готовят нам подарок! Мы – им, они – нам!» Первым неприятным звоночком был неожиданный прорыв Южного фронта русских, завершивший давно проводимую операцию по окружению армии Манштейна. За три дня до этого Эрих Манштейн хвастливо показывал фотографии разгрома полновесной бронетанковой дивизии русских на подступах к Богодухову. И уверял Гитлера в неприступности его рубежей и хорошо продуманной обороне. Спустя три дня, русские, как консервным ножом, разрезали коридор, удерживаемый лучшими дивизиями фельдмаршала. Наносили удары в стыки, блокировали переброску немаленьких резервов, обходили тактические ловушки, а на третий день ударил Центральный фронт, повторив успех Южного. Войска, подготовленные и перебрасываемые для операции «Цитадель», не смогли соединиться с основными силами Манштейна. Он начал перегруппировку для деблокады шестнадцати, попавших в окружение дивизий. Фюрер прилетел из Ростенбурга в «Дубовый домик» и лично руководил переброской войск. Адмирал, как никто другой, понимал, что в войне наступает полный перелом. «Это – агония! Монстр вырвался из клетки и готов растерзать бедную Германию! Требуется искать выход из войны, иначе мы ее проиграем. Но не сейчас! Генералитет не готов пока к такому развитию событий. Требуется выдержка и возобновить усилия на острове». Адмирал положил все в сейф, на связь с «Дубовым домиком» он не вышел.

А в тысяча девятьсот восемьдесят первом году неожиданная активность русских в районе Памира и Гиндукуша всполошила американцев. На фотографиях с их спутников отлично видны довольно большие колонны машин с техникой, идущих по дороге Ош-Хорог. Директором ЦРУ было высказано опасение, что русские в этот раз решили разобраться с Пакистаном и Китаем, так как по масштабам перевозок перебрасывалось вооружение на еще одну армию. Но состав поставляемых в район вооружений, полученный из «достоверных источников», немало удивил выдавших виды цэрэушников. Это косвенно подтверждалось пустеющими на глазах мобскладами со всяким старьем.

– Похоже, что русские вооружают местных аборигенов и решили их руками повалить Пакистан и Китай. Что ж, умное решение. На освободившиеся места встанет менее старая и совсем новая техника.

– Мне совершенно это не очевидно. Зия Уль Хак вооружен очень современным и качественным нашим оружием. Совершенно непонятная возня в «треугольнике». Может быть, русские, наоборот, опасаются, что Пакистан начнет действовать там? Что докладывает Масуд?

– О том, что три района вокруг вышли из-под его контроля. Там расположены русские войска, которые действуют необыкновенно настойчиво и жестко. В остальных районах Афганистана этого не наблюдается. Обычные блокпосты, укрепрайоны, неполный контроль дорог. В том районе совершенно обратная картина. Больше похоже, что возвращать эти районы под контроль марионеток русские не собираются. Но мне не нравится, что последнее время Масуд гораздо реже выходит на связь и не прибыл на совещание командиров оппозиции. Похоже, что не только мы оказываем на него влияние.

– Может быть, стоит несколько увеличить «помощь» ему?

– Похоже, что он этого и добивается!

– Тогда мы подождем. Переплачивать обезьяне нет смысла.

– А если подключить Гульбеддина? Это же недалеко!

– Они не ладят между собой, начнутся бои между таджиками и пуштунами.

– Это нам на руку! Под шумок выбросим туда «зеленых беретов» или «морских котиков».

– По нашим данным, там действует пятнадцатая бригада спецназа. Столкновения практически неизбежны. Нам только потерь и не хватало. Слишком многие помнят, чем закончились бои во Вьетнаме.

– Что говорит Госдеп?

– Мейгс пытался задать вопрос русским, но Господин «Нет» заявил, что действия советских войск согласованы с законным правительством Афганистана. Так как Бжез прокололся и снимок, где он стреляет из РПД по территории Афганистана, облетел весь мир, не стоит лишний раз дразнить гусей.

– Договорились! Начнем чуть позже, когда выздоровеет президент.

Бабрак Кармаль тоже обсуждал недавно возникший интерес шурави к Северному Афганистану. Его помощник по Госбезопасности генерал Наджиб побывал в том районе и доложил, что это просто крупная военная база. В прошлом году там сбили один из двух потерянных Советской Армией вертолетов. Погибла группа спецназа, которую посылали следить за дорогой, ведущей в Китай. Шурави не хотят терять людей и желают прекратить поставки вооружений из Китая. Для этого они и создали большой опорный пункт. Вокруг закопанные по самую башню танки, куча ПВО, много солдат, но с соседними кишлаками шурави живут мирно и увеличили поставки муки и продовольствия в эти районы. Пытаются «купить» расположение местных жителей. Ничего представляющего опасность для республики он там не обнаружил. Наоборот, русские тянут туда линию электропередач.

– Генерал, а у вас не сложилось мнение, что наши друзья темнят?

– Да, они что-то недоговаривают, тем более что разведка на местах докладывает о значительных проходах войсковых колонн в том направлении. Но я не обнаружил там чрезмерного скопления боевой техники. Усиленный мотострелковый полк, несколько батарей ПВО, несколько групп спецназа. Но много новейшей техники слежения и наблюдения. Полковник Павлов, он распоряжается этим укрепрайоном, сообщил мне, что из-за нескольких боестолкновений он решил увеличить контингент, чтобы навсегда предотвратить эскалацию событий.

Зия Уль Хак, получив сообщения от американцев, недоуменно пожал плечами: удар с этого направления по Пакистану невозможен. Слишком труднопроходимое место. Но а если это закупает Индия? Нет, это исключено! Конечно, желательно посмотреть на все это вблизи, но и так отношения с СССР до предела накалены, а тут еще американцы подзуживают. Но русские себя ведут достаточно корректно, хотя иногда нарушают границу. Хотя, какая там граница! Пусть Китай беспокоится по поводу переброски русских войск! Вот если бы русские накапливались южнее! Там да, там есть возможность нанести удар. Так что – ничего страшного не происходит.

А Председатель Хуа Гофен находился в полном неведении по этому вопросу. Последнее время на него оказывается слишком сильное давление со стороны бывших соратников. Его попытки продолжить давление на Советский Союз и вернуть его к идее строительства коммунизма во всем мире натываются на жесткое сопротивление со стороны Ден Сяопина. Экономика практически разгромлена в результате «Культурной революции». Ухудшение отношений с ближайшими соседями: Индией, СССР и Японией лишили Китай огромных рынков сбыта. Ставка на Пакистан пока себя не оправдывает. Проигранная война с Вьетнамом тоже не прибавила ему популярности. Понятно, что НОАК проигрывает практически любой ближайшей стране в техническом отношении. Ден настаивает на улучшении отношений с соседями, введении экономических рычагов в экономику. Скорее всего, так и произойдет, так как постепенно вокруг него начинал складываться костяк новых руководителей. Товарищ Хуа маневрировал, искал соратников, но не находил их. Поднять новую волну «Культурной революции» не получилось. Молодежь устала. Мелькало где-то сообщение, что СССР перекрыл новую дорогу в Афганистан, сбил нарушивший границу с Афганистаном транспортный самолет НОАК. Китай выдвинул очередную ноту протеста и в очередной раз предупредил СССР об опасности ревизионизма. Пока все этим и ограничилось. Данных о том, что СССР накапливает силы на танкоопасных направлениях, не появлялись. Китайский тигр спал.

Глава XIX

Ночью, 9 апреля 1943 года, авиация дальнего действия начала регулярные полеты вдоль северо-восточного побережья Крыма в районе Перекопа и Сиваша. Но наземные части активности не проявляли. Немцы пытались обнаружить самолеты, вели вялый заградительный огонь. Изредка взлетали ракеты. Появления большого количества танков, самоходок и мотопехоты справа и слева от Красноперекопска никто не ожидал. Город был взят мгновенно и почти без боя. Затем последовал удар сзади по немецким позициям на Перекопе. Утром генерал Руофф доложил в «Дубовый домик», что противник форсировал Сиваш и Перекопский залив, в течение ночи взяты Джанкой и Перекоп. Русские навели двухполосную переправу через Сиваш и двумя мощными потоками вливаются в Крым. Он начинает эвакуацию штаба из Симферополя в Севастополь.

– Вы – паникер! – в бешенстве заорал Гитлер.

– У меня нет столько противотанковых средств, чтобы сдержать удар такой силы. Во время штурма Перекопа я потерял сто шесть танков. Русские применили много плавающей техники, обошли нас с двух сторон и невероятно точно стреляли ночью!

Во время штурма Перекопа мы впервые применили АСУ-85, ПТ-76, МТ-ЛБ и БТР-50. Разведгруппы с помощью ночных прицелов и ПБС зачистили два участка побережья и двинулись по траншеям вправо и влево, аккуратно зачищая их. Затем через Сиваш и Перекопский залив пошла плавающая техника дивизии морской пехоты. А понтоны приступили к организации переправы. К пяти утра переправа была готова и Малиновский дал команду наступать. После взятия Красноперекопска два полка первой горнострелковой дивизии «Эдельвейс», оборонявшие Перекоп, были окружены и практически полностью уничтожены в ночном бою за Перекоп. Утром ПВО и авиация восьмой воздушной армии буквально разгромили немцев, которые предприняли попытку отбомбиться по переправе. Немногие возвратившиеся немецкие летчики доложили Рихтгофену, что такого точного и плотного огня они никогда не видели.

– Нас просто смели! – заявил гаупман Рихтке. – Прорваться нет никакой возможности.

Попытка прорваться колонны войск, накатывающихся на Симферополь, окончательно поставила крест на бомбардировщиках Рихтгофена. Ударная сила четвертого флота: 9/KG.3, 14/KG.27 и 9/KG.55 за один день потеряли 80 % Хейнкелей-111, 65 % Юнкеров-88 и все «Штукас». Гитлер снял Руоффа и Рихтгофена своим приказом, но изменить ситуацию в Крыму уже было невозможно. Доволен был только Манштейн, который по опыту предыдущих лет считал, что русские неспособны наступать в нескольких местах и неверно определили направление главного в этом году удара вермахта. И он отдал приказ наступать на Богодухов! Огромный танковый кулак: первая дивизия Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», вторая танковая дивизия СС «Дас Райх», третья танковая дивизия СС «Тотенкопф»:

134 танка Pz.Kpfw.VI «Тигр» (еще 14 – командирских танков),

190 Pz.Kpfw.V «Пантера» (еще 11 – эвакуационные и командирские),

90 штурмовых орудий Sd.Kfz. 184 «Фердинанд» (по 45 в составе sPzJgAbt 653 и sPzJgAbt 654), всего: 348 танков и самоходок новых типов, 1700 Т-4 и 384 откровенно устаревших танков Pz.III, Pz.II и даже Pz.I, был расположен в лесах у деревни Владимировка. Фронт проходил в семи километрах юго-восточнее этой лесополосы. В шесть часов утра немцы подали команду к запуску, и громадный клин танков выдвинулся на исходные. В этот момент ударила наша артиллерия. РСЗО «Град» обрушили на противника массу кумулятивных 9М28К. Налет длился всего несколько минут. После этого установилась полная тишина. Не звучало ни одного выстрела. Рассвело. Поле у села Разнотравное было усеяно сгоревшими и остановившимися танками. Как шли строем «клин», так и остались в чистом поле. Генерал Гудериан выстрелил себе в рот из старенького «вальтера», с которым он еще прошлую мировую отбегал, Манштейн

попытался застрелиться, но ему не дали этого сделать. Кто-то должен ответить за разгром! А мы выбивали уцелевшие танки, экипажи которых не могли покинуть машину, так как находились на минном поле. Редкие, но точные выстрелы с максимальной дистанции пробивали танки насквозь, вне зависимости от толщины брони. А стреляющих еще не было видно. Неожиданно на НП фронта подъехал Гитлер. Было одиннадцать утра. Несмотря на щелчки каблуков, крики «хайль», он метнулся к стереотрубе: осмотреть поле боя.

– Что русские?

– Никакой активности! Изредка стреляют по несгоревшим танкам. К ним никого не подпускают. Передали, что генерал Вальтер фон Хюнерсдорф, командир шестой танковой, сидящий на этом поле, тоже ушел вслед за Гудерианом!

– Гудериан – трус и подлец! Он предал рейх! Его жизни ничто не угрожало!

«Кроме гестапо!» – подумали все, кто был рядом. Манштейна врачи объявили находящимся в невменяемом состоянии. Адольф присел на стул у края стола и трагическим жестом обхватил лоб правой рукой.

– Большевистские орды ворвутся на территорию великого рейха! Нас распнут и изнасилуют! Каждый, кто может держать оружие, должен находиться на линии фронта! Это наш крест! Наше предназначение! Мы уничтожим большевизм и русских! Никакой пощады врагу! Германия и германская раса превыше всего! Требуется поднять на борьбу с гидрой большевизма всех! Даже наших врагов!

– Зиг хайль! – заорали присутствующие. Но каждый понимал, что все круто изменилось: они шли начистить морду варварам, отсталому народу, а получили по зубам. Причем так, что выплевывать кровь и остатки зубов придется долго. Легковес оказался супертяжеловесом. И каждый его удар заканчивается нокаутом.

Русские не начинали наступление, хотя момент, казалось, был очень благоприятен для них. Инженерные службы начали придумывать способы разминирования и эвакуации техники. В этот момент над полем появились три девятки Пе-2, прикрытые большим количеством истребителей. В воздухе, на высоте примерно 50–100 метров от поверхности, возник первый огромный красный шар, сработала ОДАБ-500. У танков выворачивало люки, слетали башни. Всего взрывов было двадцать семь. Отбросив карандаш в сторону, инженер армии генерал Мольтке, потомок того самого Мольтке, произнес: «Все! Спасать и эвакуировать некого и нечего!» И в этот момент на передовые позиции немцев обрушился ураган снарядов. Короткая, но очень мощная артподготовка – и в прорыв вошли танки, бронетранспортеры, по чужим окопам растекается волна пехоты. Противник ворвался в окопы через тридцать секунд после переноса огня на вторую линию обороны. Генерал-полковник Хейнрици, только что возглавивший группу армий вместо «заболевшего» Манштейна, оторвался от стереотрубы:

– Это все, мы сделали все, что могли. Приказываю отходить за Днепр! Машину!

Он вышел из блиндажа, сел в поданный «Хорьх» и поехал в Полтаву.

Окруженная Харьковская группировка получила приказ самостоятельно вырываться из окружения. Они предприняли одну попытку, потеряли большую часть танков, сожженных гранатометами, и приняли предложение капитулировать. Москва впервые украсилась салютами в честь победы под Полтавой и взятия Севастополя. А в Ейске состоялся первый вылет Ил-28!

После доклада в ставку меня вызвали в Москву. Предстояло пройти аттестацию. Честно говоря, я не совсем представлял процедуру аттестации, да и вообще зачем это нужно. Тем не менее надо будет решить некоторые возникшие вопросы в Главном штабе ВВС. Опять Си-47 потряхивает. Прикрывает четверка «яков». Медленно, как на волах! Но теперь путь в Москву много короче, чем ранее, когда приходилось огибать фронт. Южный фас советско-германского фронта проходит сейчас по Днепру. С высоты полета видны многочисленные эшелоны, идущие в обе стороны. Аттестацию проводил Меркулов. Единственным вопросом было: «Какие

изменения требуются в системе обучения кадров?» Выслушав мои многочисленные предложения и даже не дождавшись окончания моего ответа, он что-то написал в личном деле, сказал: «Достаточно! Воинскому званию и должности соответствуете. Поздравляю, товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга!» И протянул мне погоны.

– Сходите получите новую форму и приведите себя в порядок. Вас вызывают в Ставку к 23.00. В приемной вас ждет Васильев.

Васильевым оказался тот самый майор, который подвозил меня в первый раз на Лубянку. Мы поздоровались, он с интересом посмотрел на мои погоны, которые я держал в руках.

– Кто-то растет вверх, а кто-то вниз! – Он показал на свои полковничьи погоны.

– А что случилось?

– Да так, неприятности небольшие. Из Берлина пришла информация, еще до начала наступления, что у немцев есть фотографии новой техники из-под Батайска. А я отвечаю за этот регион. В результате получил неполное соответствие. А как там за всем уследишь! Беляк на беляке сидит и контрой погоняет. Немцы оставили большое количество агентуры. Роем, но...

Мы прошли в его кабинет, он ознакомил меня с имеющимися у него сведениями о вражеской агентуре, показал фотографии и словесные портреты заброшенной агентуры.

– Мне приказано в первую очередь обеспечить вашу безопасность и безопасность старшего лейтенанта ГБ Еременко-Горской. Так что, товарищ комиссар, придется встречаться часто. Хотя и вы, и Еременко не нарушаете режима. Приказано обеспечить вас жильем и транспортом в Москве. Савельев! – позвал он своего сотрудника. – Проводите товарища комиссара к Панкратову!

Панкратов, начальник вещевого склада, быстро выложил на прилавок уже подготовленную форму, гражданский костюм, сапоги, ботинки и чемодан для вещей.

– А это зачем? – спросил я, указывая на «гражданку».

– Согласно накладной! Вот! Кобуры скрытого ношения вот в этом пакете. Распишитесь в получении, товарищ комиссар третьего ранга.

Я пожал плечами, расписался, Савельев подхватил все и стал запихивать вещи в чемодан. Принесли все в кабинет Васильева. Я прицепил погоны к шинели и гимнастерке, переоделся.

– Андрей Петрович! Вот ключи, вот адрес. Ваша машина внизу ждет вас. Когда прилетаете в окрестности Москвы, звоните вот по этому телефону. Вот – позывные. Водителя – два. Или Хомченко, он сегодня за рулем, или Андреев. Оба сержанты. Кроме одного из них, в машине никого не должно быть. Вторая машина «додж», она для ваших автоматчиков. Постарайтесь не менять их. Пусть с вами работает одна группа. Возьмите отделение в полку, и пусть только они вас сопровождают.

– Честно, Владимир Николаевич, меня уже достали эти предосторожности.

– Я все понимаю, но до противника дошло, где «собака покопалась». Ждите, скоро будут! Откладывать в долгий ящик не в традициях Абвера. Я двадцать лет работаю в пятом Управлении. Как только оно не называлось!

– А «гражданка» зачем?

– Меня в такие секреты не посвящают, так что могу только гадалкой поработать.

– Ясно! Поеду!

– Счастливого пути! Это – мой прямой в Москве, это – в Ростове. Запомнили?

– Да!

– До свидания, Андрей Петрович!

– До встречи, Владимир Николаевич.

Квартира в Москве. Булгаков бы удавился! Мясницкий проезд, 3. Недалеко от трех вокзалов. И в шести-семи кварталах от Лубянки. Почти рядом. Две комнаты и кухня. Мебель есть. Страшненькая, но добротная. Рассматривать особо нечего, завел будильник и улегся на кро-

вать. Спать хочется все время. Едва донес голову до подушки. Но проснулся я не от звонка, а потому что пришел вызов от Стража.

– 1594-я сообщила, что груз с номером МО-3528590-001-16 содержит делящееся вещество: плутоний-239, 94,25 % чистоты, металлический, двадцать четыре части разрезанной сферы. Не в сборе. Такая заявка была? Электронных элементов нет, взрывчатые вещества отсутствуют.

– Обещали поставить. Пропустите.

– Я просил убрать ее величество, если будет проходить опасный груз.

– Где она?

– В домике.

– Можешь ее куда-нибудь отправить?

– Только на Торхеду.

– Хорошо, как пройдет груз, возвращай обратно. Ее в Москву вызывают.

– Тогда проще, чтобы она в Москву улетела. Вам ее вызвать?

– Да, я отправил ей шифровку обычным путем. Но так быстрее будет.

Связался с Полиной через Стража:

– Я жду тебя в Москве! Тебе тоже надо пройти аттестацию.

– Оттуда сообщили, что идет важный груз, будет завтра. Просили тебя появиться у них.

– О грузе знаю, но почему они это не согласовали? В плане его нет!

– Я писала им, что ты в Москве. Но они просят утром быть у них.

– Садись в БТР, возьми автоматчиков и поезжай на аэродром. Нарушать договоренности со Стражем не стоит. Мы обещали ему, что ты будешь находиться в безопасной зоне, если повезут опасные «игрушки». Я буду у них завтра утром.

К десяти часам подъехал водитель, я напоил его чаем, хоть он и отнекивался, после этого поехали в Кремль. У Сталина в приемной не протолкнуться. Двух человек знаю, поздоровались, остальных нет. Поскребышев что-то черкнул у себя в блокноте, отмечая прибытие. Пристроился на диване, достал «БТ», курю.

– У вас закурить есть? – спросил высокий, выше меня, кудрявый инженер-генерал-майор.

– Да, пожалуйста!

«Где-то я его видел! Ба! Дед! Я его таким никогда и не видел! И не курил он!» С интересом наблюдаю за ним, но недолго: вместе с Дементьевым уходят к Сталину. Небрежно затушенная сигарета продолжает дымиться. Затушил. Интересно, что он здесь делает? Он же должен быть в Киргизии! Выходят из кабинета плотной группой, лица довольные, но рассмотреть не удастся: «Товарищ комиссар третьего ранга, проходите!» Автоматически смотрю на часы: 23.01. Вошел.

– Здравия желаю, товарищ Сталин!

– Здравствуй, товарищ Горский. Проходите, садитесь. В первую очередь, поздравляю вас с новым воинским званием! Кроме того, Верховный Совет СССР представил вас к ордену Суворова первой степени, я утвердил этот указ сегодня.

– Товарищ Сталин! Я не соответствую статусу ордена! Я не командую фронтами. Я только принес документы, составленные маршалом Ахромеевым. Это его орден. Не мой.

– А я не могу наградить Ахромеева, который командует ротой морской пехоты в третьей дивизии МП ЧФ таким орденом.

– А может быть, никого не надо награждать? Достаточно передать письмо с благодарностью Верховного? Или наградить Ахромеева там, за разработку операции.

– А вы не по годам мудры, Андрей Петрович. Иногда это настораживает. Хотя чисто человечески вы правы.

– Товарищ Сталин, поймите меня правильно! Мне с этими людьми встречаться и работать, я не могу присваивать себе их заслуги. Меня попросту не поймут. Они вас знают и любят, и работают с вами, а не со мной.

Было видно, что Сталин уже решил для себя все и не любит, когда с ним спорят, но понимает, что правда в моих словах есть. Он снял трубку телефона и попросил войти Поскребышева. Встретил его у двери, что-то объяснял ему. Потом вернулся к столу.

– Собственно, я пригласил вас не по этому поводу, просто решил сделать все сразу. Вот читайте!

Он передал мне письмо Рузвельта. Я удивленно поднял на него глаза.

– Читайте, читайте! Do you speak English?

– Yes, I do!

Рузвельт был удивлен изменившейся структурой импорта в СССР, в которой фактически отсутствует военная составляющая. На фоне выдающихся побед Красной Армии это обстоятельство говорит о том, что командование Красной Армии нашло ключ к победам над гитлеровцами. Возникла необходимость поделиться с союзниками этими вооружениями и тактикой.

– Товарищ Сталин! Будем делиться тактикой! И напирать на героизм и исключительную стойкость наших бойцов! Реально у Рузвельта ничего нет!

– Кто-то передал ему фотографию «Кинг-Кобры», которая у них еще не выпускалась или не прошла испытания.

– Ничего не знаем! Подделка! Очень хороший фотомонтаж! В каком полку? И меняем этому полку технику. Бедный, бедный Васильев!

– А это кто?

– Курирует этот вопрос у Меркулова и Берии. Ему опять попадет!

Сталин захохотал.

– Если реально, товарищ Сталин. Эти машины и оружие уже на фронте, там может произойти все что угодно. В конце концов у нас есть даже документация и технологические карты многих изделий, но запустить их в производство мы не можем, из-за того что слишком много придется переделывать. Экономически это нецелесообразно. А шила в мешке не утаишь. По последним данным, в четырнадцать километрах от портала найдена площадка, пригодная для посадки вертолетов и самолетов. Ведется строительство полевого аэродрома. У нас появится возможность получать современную авиатехнику. Я говорю о бомбардировочной авиации. Истребительную мы уже получаем.

– Да, это хорошо. – Открылась дверь и вошел Поскребышев. Он подошел к столу и показал какие-то бумаги Сталину. Тот прочитал их, мотнул головой и положил на стол. Взял ручку и подписал. – Андрей Петрович! Награждение остается в силе, но изменена формулировка указа. Кроме того, маршал, подчеркиваю, маршал Советского Союза Ахромеев награжден орденом Суворова первой степени за разработку и обеспечение проведения Полтавской наступательной операции.

Сразу вспомнился эпизод из «Гусарской баллады»: «А орденами не бросаться не след! Чать, не шпильки!» И обращение: «Андрей Петрович». Насколько помню, немногие этого удостоивались.

– Служу Советскому Союзу, товарищ Сталин.

– Вот и служи! Читай! – Он передал мне тексты Указов. – И не спорь со старшими!

– Слушаюсь, товарищ Сталин.

– Когда будете там, произведите награждение маршала Ахромеева от лица Верховного Совета СССР. Вот это – поручение Верховного Совета СССР на ваше имя, товарищ Горский. Но вернемся к обсуждаемому вопросу. Наши союзники обеспокоены, а насколько я понял из прессы, которую вы регулярно поставляете из СССР восемьдесят первого, и вашим высказываниям, положение с продовольствием в СССР не самое блестящее. Так?

– Да, так. Довольно напряженно.

– Как вы считаете, это результат плохой организации производства или естественных причин?

– Больше первое, но в сочетании с естественными факторами.

– Нами подготовлены предложения по коренному изменению ситуации в стране, естественно, как это видится отсюда, на основе «открытых источников» и по материалам, пересланным сюда товарищами Романовым и Устиновым. Требуется передать эти соображения туда.

Он передал довольно пухлый пакет, уложенный в светло-коричневый пакет фельдсвязи, и сопроводительные документы. Я расписался в получении и положил все в папку, лежащую у меня на коленях. Кроме того, положил туда орденскую книжку, Указ и коробочку с орденом Ахромееву.

– Тем не менее, товарищ Горский. Нам необходимо определить перечень вооружений, тактических и технологических приемов, которые мы можем безболезненно передать теперешним союзникам. Памятуя о том, что они ни перед чем не остановятся, чтобы стереть нас с лица Земли. Так как вы знаете их сильные и слабые стороны, мы думаем, что вам необходимо взять на себя и эту сторону вопроса. Товарищ Романов рекомендовал использовать вас в этом направлении, так как вы достаточно хорошо и профессионально подготовлены для этого. Мы включили вас в состав переговорной группы, с делегацией, которая летит из США. Речь идет о попытке США подготовить почву для введения доллара США в качестве основной валюты для экспортно-импортных операций. Ваша задача: определить, поставки каких технологий, заводов принесут пользу народному хозяйству, что можно безопасно передать им взамен. Нащупать реальные возможности сотрудничества с вероятным противником, так как мы заинтересованы в продолжении продовольственной помощи из США и Канады. Без каких-либо уступок с нашей стороны они могут резко оборвать ленд-лиз, и мы повиснем на плечах СССР восемьдесят первого, где проблема продовольствия тоже существует. И не забывайте, что война скоро кончится, а нам еще долго будет нужно восстанавливать Европейскую часть СССР. Прошу уделить и этому вопросу внимание. У вас есть соображения по этому поводу?

– В СССР много продовольствия пропадает на плохо оборудованных складах и хранилищах, товарищ Сталин. Думаю, что надо обратить особое внимание на эти вопросы. И первые крупные гидроэлектростанции у нас строились по американским проектам и на американском оборудовании. Но, товарищ Сталин, все по энергетике можно приобрести в СССР восемьдесят первого. Они будут только рады. Из технологий, которые имеют сейчас американцы, все кроме складского оборудования и технологий долгосрочного хранения продуктов питания есть в СССР. Не считая кораблестроения, в котором американцы традиционно сильны. И традиционно хорошее оборудование для нефтедобычи. Нам, для того чтобы резко поднять ВВП, требуется захватить ведущие места в производстве нефти, газа и электроэнергии. Но нефтеоборудование из СССР восемьдесят первого на сегодня все-таки превосходит текущее американское и лучше приспособлено к нашему климату и к низкой технической грамотности рабочих.

– Вы слово в слово повторяете то, что пишут Устинов и Романов... – скептически произнес Сталин.

– США – основной наш противник, товарищ Сталин. Как военный, так и экономический. Сейчас они, пользуясь уязвимостью положения Великобритании, вторгаются в святая святых Британской империи: на ее рынки сбыта. И во всю Европу, предлагая не возить тоннами золото, а расплачиваться их бумажками. Станок находится у них, к тому же в частных руках. Президент Франции де Голль через двадцать лет попытается сбросить это ярмо. Переживет кучу покушений, но избавиться от доллара ему не удастся. Американцы откажутся от золотого наполнения доллара и превратят его в фантики.

– Да, мне уже писали об этом. Но золотой запас СССР тает, несмотря на повышение добычи.

– На курсах в Москве один из преподавателей дал интересный анализ: если США и страны блока НАТО введут эмбарго на внешнюю торговлю с СССР, а такие разговоры ходили в прошлом году из-за ввода войск в Афганистан, и одновременно снизят цены на нефть ниже четырнадцати долларов, то экономику СССР ждет коллапс, так как зависимость от внешних поставок очень велика. Все это из-за того, что основной валютой межгосударственных расчетов является доллар. В Бреттон-Вуде в следующем году должно это произойти. Нам надо срочно найти то средство, которое позволит не допустить этого. Например, медикаменты. Кровеостанавливающие повязки, «голубая кровь», антибиотики, сульфаниламиды, прививки от полиомиелита. Все то, что разработано в СССР и не имеет аналогов в этом мире. Требовать признания наших патентов. Выводить рубль в качестве альтернативы. Я предлагаю наступать, а не обороняться, товарищ Сталин. Момент благоприятный. Ведь стоимость золота сейчас тридцать пять долларов, а там пятьсот за унцию.

– Но ведь это нам еще не поставляли!

– Товарищ Сталин, готовят партию контейнеров. В отличие от машин, где шильдик переклепал – и все в порядке, медикаменты требуется переупаковать, нанести совершенно другую дату и с соблюдением секретности. По графику, первый контейнер с новыми медикаментами будет поставлен на следующей неделе. И сразу пойдет в наши госпитали и на фронты, а уж потом займемся торговлей ими во всем мире. В первую очередь необходимо добиться признания наших патентов. Иначе начнут тупо копировать и все. Бесплатно подарим.

– Романов и Устинов были правы, что вас надо подключать к переговорам. Делегация прилетает через десять дней. Судя по всему, будет Рузвельт, который написал мне, что если здоровье позволит, то он посетит Москву.

– После победы под Полтавой это не удивительно. Сейчас зачастят! Товарищ Сталин, по донесению Еременко, на днях будет поставлена партия оружейного плутония, затем какое-то серийное «изделие» в разобранном состоянии, так чтобы наши специалисты научились его собирать в Сарове. И личная просьба: как только летчики и техники освоят Ан-26, придайте его нашей группе, пожалуйста. Фронт удаляется, на Си-47 я теряю кучу времени на перелеты. Плюс есть важные и срочные грузы весом до пяти тонн, которые удобно им таскать. Кутахов передал техдокументацию на модернизированные истребители Як с двигателями АИ-24ВТ и сам истребитель Як-9 с таким двигателем и четырьмя пушками. Первые двигатели уже пришли. Так как необходимо срочно менять крыло у Яка, он прислал сорок штампов для нервюр. Все разработки ОКБ Яковлева.

– А какая мощность у двигателя?

– 2860 лошадиных сил при весе шестьсот килограммов. Этот Як-9 имеет крейсерскую скорость восемьсот километров в час. Пикирует до девятиста пятидесяти километров. «Король неба» будет. Кутахов рекомендует установить эти двигатели на все бомбардировщики дальней авиации. Переделки там небольшие. Основные достоинства АИ-24 – высокая надежность, большой ресурс, простота конструкции, простота и технологичность обслуживания. Двигатель выпускается серийно с шестидесяти первого года, поставки неограничены. На складах их много, и завод работает на половину реальной мощности. Кроме Яка, он может быть установлен на ЛаГГ-3 и Ла-5, Пе-2, Ту-2, Ил-2. Стать основным двигателем ВВС на переходном периоде. Эти же двигатели можно использовать и для вертолетов. В итоге, у нас освобождаются мощности трех заводов по производству поршневых двигателей, и они могут начать переход на выпуск реактивных двухконтурных двигателей. В этом случае максимум через год мы будем в состоянии сами производить лучшие в мире двигатели уже без детских болезней.

– Понял вас, товарищ Горский. Надо бы Кутахова отметить так же, как и Ахромеева. Это – качественное решение проблем с нашей авиацией. Именно двигатели и не давали нам возможности достичь высоких скоростей и потолков.

Из дома сразу ушел на дестройер номер 1594. С ее ИскИном я еще незнаком. Она молчалива, в отличие от Айрин. Разговорить ее оказалось достаточно сложно. Сказывается то, что именно она не смогла удержать меня в пещере.

– А почему вы расстроились этим обстоятельством?

– Мне казалось, что моя маскировка очень удачна. За все предыдущее время никто пещеру не посещал. На мне никогда не было людей. Я выполняла полет сюда самостоятельно, уже после взрыва. И всеми было высказано мнение, что из-за этого я не смогла вас удержать. Тестировали меня три месяца. Все оказалось в полном порядке, но...

– «Ложечку мы нашли, но осадок остался!» Так, что ли? В итоге же все хорошо?

– Не совсем. Геофизики пытаются нащупать источник энергии портала, приходится вмешиваться в работу их приборов, чтобы они не обнаружили корабль. Пока удалось переместить их приборы и буровую на семь километров от корабля. Там пусть делают что хотят.

– Меня интересуют больше чужие люди, а не те, которые ходят в форме Советской Армии, или связанные с ними. Чужие люди здесь были?

– Нет, но над районом постоянно висит один из спутников.

– Что можно сделать? И чей он?

Она показала радиолокационный спутник Lacrosse, установленный на геостационарную орбиту.

– Убрать его можно?

– Конечно.

– Но так, чтобы ни у кого это не вызвало подозрений.

Я увидел, что на спутнике из сопла вырвался какой-то газ, спутник начал вращаться.

– Он сошел с орбиты и упадет через сто тридцать пять дней. Очень примитивная конструкция.

– Они смогут вернуть его?

– Уже нет, я вывела из строя все бортовые компьютеры.

– Как ты их называешь?

– Не я, американцы называют их компьютерами. Русский аналог: ЭВМ.

– Американцы ушли далеко вперед по развитию этих устройств и, сославшись на поправку Джексона-Венига, не продают их в СССР. Меня очень интересует вся информация по ним, технология изготовления основных устройств, чертежи и конструкция станков по их производству. Насколько я помню, это делают фирмы «Интел» и «Моторолла». А вторично все это разрабатывалось в Японии на фирмах «Сони» и «Пионер».

– Вся эта информация у меня есть, заложить ее вам?

– Да, и вот сюда тоже. – Я запустил приобретенный в Афганистане «Macbook». Теперь надо подумать, где это стоит разворачивать?

– Какие недостатки имеет этот процессор?

– Он из них состоит. Во-первых, слишком маленькое число п-р-п переходов, одно ядро, маленький объем адресуемой памяти, малое число команд, которые он может выполнить.

– Что необходимо переделать в машине, выпускающей такие процессоры, чтобы изменить такое положение? Используя сходную технологию.

– То есть на кристаллах? Мы их давно не используем, уже много миллионов лет.

– Но принцип? Принцип такой же?

– Не совсем. Я посмотрю, что можно из этого выжать, используя их методы работы и их стандарты. Вот так, наверное: 512 ядер, кэш 5120 терабайт, разрядность регистров 1024 бит, разрядность шины адреса 256.

– Стоп, это много! Это слишком много! Достаточно x86, x86-64, MMX, SSE, SSE2, SSE3, SSSE3, SSE4.1, SSE4.2, AES, AVX. И восемь ядер. Где можно изготовить оборудование для их производства?

- На Земле? В этом времени нигде. Такие технологии будут применяться в 2016 году.
- Я могу туда попасть?
- Конечно, но в России такое оборудование не выпускается.
- А где их можно приобрести?
- В США, Китае, Японии.
- Ладно, буду готовить операцию.

Я открыл портал в пещере и вышел туда. Опять сирена, но ее быстро остановили. Правда, солдат меня не выпускает. Подошел разводящий, спускаюсь вниз.

- Здравия желаю, товарищ генерал-полковник.
- Здравствуй, старший майор.
- Нет, комиссар ГБ третьего ранга.

– Растешь! Вовремя прибыл! Приказано передать вам АСБЗО, двенадцать штук. На них натренируете людей. Вот здесь вот – вся документация. Расписывайся. Это – двенадцать ЭТ-80, двенадцать труб и два современных БИУС к ним. Расчет условий показал, что вероятность заключения сепаратного соглашения между Штатами, Германией и Англией близка к ста процентам. Этим вы можете сорвать «Day «D».

- Считаете, что пойдут на «Немыслимое»?

– Скорее всего, да. Других вариантов не предвидится. Гитлер понял, что одолеть вас с нами, в общем нас, не получится. У Канариса там сильные связи. Плюс Черчилль, который спит и видит, как нам бяку сделать. Два года они тянули, рассчитывая нас ослабить максимально, но появления принципиально новой техники они не потерпят. Попытаются навалиться всей толпой. Там Горшков передает крупную партию регенеративных патронов. Он рекомендует переоборудовать две или три лодки четырнадцатого проекта под эти торпеды. Лучше три. Там все написано. К сожалению, по флоту больше ничего не передать, готовят несколько дивизионов «Редутов», но успеете ли вы подготовить людей для них?

– Не знаю! С людьми очень тяжело! А этот гадский портал никого не пропускает. Пока начали летать только «кобры» и Ил-28. Надеюсь, что с Яками пойдет быстрее. Но РЛС освоили и уже используют. Будем маневрировать. Скоро приезжает Рузвельт. А там посмотрим. Что с Ту-95Р? Есть хоть малейшая возможность их доставить?

- Сносим еще два пригорка, после этого может получиться.

– Ладно, пошел обратно. После переговоров с Рузвельтом придется лететь к вам в Москву.

Глава XX

Мою «отлучку» никто не заметил. Дома ждали новости: в Чкаловское прилетел приданный Ан-26. Его, правда, «усовершенствовали»: воткнули несколько ШКАСов, довели состав экипажа до восьми человек. Но «мертвых зон» – выше крыши! И бог с ним! Зато летает. Правда, вместо обычного летчика в кресле командира летчик-испытатель Владимир Константинович Коккинаки. Я решил воспользоваться этим обстоятельством и получить допуск на самостоятельные полеты на различной технике. С места второго пилота взлетаю под неусыпным окном одного из лучших испытателей страны.

– Андрей Петрович! – слышится в наушниках. – А меня к вам, зачем перевели, если вы сами все можете?

– Чтобы ускорить обучение – раз, второе – у меня нет ни одной бумажки о том, что я летчик! Летаю и все!

– Почему?

– Учился не в СССР.

– Понятно!

– Поэтому вашей задачей будет в перерывах между полетами, обучить как можно больше людей. Собственно, меня сдерживало больше отсутствие борт-механика, чем все остальное, но надо как-то решить вопрос с бумажками.

– У нас в НИИ ВВС это возможно. Будем в следующий раз в Чкаловском, все оформим. Мне интересно: откуда такая прекрасная техника поступает? Неужели американцы так нас обогнали? Впрочем, машина, скорее всего, не американская. Все приборы в метрической шкале. Машина точно наша!

– Наша, наша. – Но я отрицательно покачал головой, показывая, что ответа не будет.

Сели в Черкесске, замечаний я не получил. Пришел транспорт с АСБЗО (автономными специальными боевыми зарядными отделениями) и зарядами к ним. Погрузили и закрепили шесть штук и вылетели с ними в Саров. Сборкой должна была заняться команда Харитона. Передали ей документацию, пусть разбираются. Затем меня отвезли в Москву, а оттуда борт вылетел в Черкесск за второй половиной груза, а я поехал докладывать Сталину обо всем, что услышал и узнал за эти дни.

– Я считаю, что тамошние военные неверно оценивают ситуацию и сгущают краски, – сказал Сталин, прочитав мой отчет и прослушав мои разговоры с Ивашутиным.

– *Si vis pacem, para bellum*, товарищ Сталин. Они просчитывают самый плохой вариант и не хотят, чтобы мы с голой..., голыми руками встречали «гостей».

– Ну что ж, Андрей Петрович, от нас с вами и будет зависеть вероятность «Немыслимого». И помните, что нам необходимо предотвратить развитие ситуации по этому сценарию. Рузвельт решил посетить места, где похозяйничали фашисты. Встреча назначена в Ялте. Вам надлежит быть там через пять суток с образцами техники, которую мы можем показать американцам. Действуйте!

Гружу на платформы БТР-152в1, БТР-40, БТР-60п, БРДМ, т-44, т-44-100, МТ-ЛБ и БТР-50. Из вооружений ППШ с рожковым магазином и новым барабаном, который не надо разбирать при заполнении. Сделали по образцу барабанного магазина РПК. Несколько РПГ-2. И всякие причиндалы для саперно-штурмовых батальонов. В последний момент позвонил в Чкаловское, попросил перегнать Як-9АИ. Надо чем-то мотивировать прекращение закупок авиации. Сам на Си-47 вылетел в Симферополь. Пришлось погонять немного войска, убрать лишних с глаз долой. Через два дня поездом приехал Сталин и сразу же уехал в Ялту. Рузвельт прилетел на С-87В, громадном четырехмоторном бывшем бомбардировщике. На аэродроме

в Саках его встречал Молотов и почетный караул Красной Армии. Большого интереса к войскам президент не проявил, чего не скажешь о его окружении. Эти снимали все! После встречи все расселись по джипам и тронулись в Ялту. Колонну сопровождало четыре БТР-60п, которые пристроились к колонне на границе летного поля. Опять защелкали фотокамеры гостей. Но в Ливадийский дворец техника не вошла, уступив дорогу джипам. Почти сразу начался обед, и только после обеда Сталин и Рузвельт удалились на переговоры. В связи с тем, что я был в гражданском и выглядел самым молодым из присутствующих, на меня внимания никто не обратил. В первый день шли переговоры только между Сталиным и Рузвельтом, и между Молотовым и госсекретарем Корделлом Халлом. Остальные члены делегаций слонялись по дворцу и парку, рассматривая окрестности и ужасаясь варварству немцев. На второй день меня неожиданно вызвали на встречу Сталина и Рузвельта. Вошел, поздоровался по-русски, Сталин заранее предупредил меня, чтобы я не демонстрировал знание английского. Вытерпел недомысленный взгляд Рузвельта, который явно удивился моему возрасту.

– Вы же сказали, что будет представитель от промышленности!

– Да, именно товарищ Горский консультирует меня в этой области, господин президент. У нас и министр оборонной промышленности чуть старше его. Ничего, оба хорошо справляются!

– С чем связан тот факт, что ваша страна практически отказалась покупать наши вооружения, господин Горский?

– На том основании, господин президент, что список поставляемого вами вооружения недостаточен и сильно устаревший. Танк М-4 уступает любому танку СССР, самолеты Р-39 уступают и немецким и советским машинам, пистолет-пулемет Томпсона уступает нашему ППШ, а то вооружение, которое мы просим: самолеты В-17 и В-29, р-51 и р-38 – нам не поставляется. Но, мы берем у вас в лизинг корабли.

– Но, вы прекратили закупать даже средства ПВО?

– В настоящий момент времени имеющихся средств ПВО в наших дивизиях избыточно. У немцев на нашем фронте нет такого количества самолетов, чтобы как-то влиять на ситуацию.

– А автомобили?

– Мы их практически не используем, вы же видели, что армия передвигается на нашей технике. Поставленные вами автомобили используются только в Иране для доставки грузов до железной дороги. На нашей территории грузы переваливаются в двадцатитонные контейнеры, производство которых мы освоили. Они значительно упрощают логистику войсковых перевозок. Нас вполне устраивает состав импорта и лизинга, господин президент, за исключением указанных позиций. Но истребители можно тоже снять. Особой надобности в них уже нет. Но мы по-прежнему настаиваем на включении тяжелых бомбардировщиков в состав лизинга. В этом вооружении мы нуждаемся. В свою очередь мы можем предложить вам плавающую технику, так как вашим войскам предстоят многочисленные десанты. И первоклассное вооружение для десанта, проверенное в реальных боях с противником.

– Наши самолеты-истребители уступают вашим?

– Да, господин президент. Вы можете в этом убедиться сами.

– Что ж, это было бы интересно.

– Организуйте показ техники, товарищ Горский.

– У меня все готово.

– Тогда поехали!

Через час в Саках я показывал обоим руководителям ту технику, которую привез из Черкесска. Для показательности предложил провести бой между «лайтнингами» и новым Яком, но американцы отказались от боя после первого же показательного выступления, поняв, что ни по скорости, ни по скороподъемности, ни по вертикальной маневренности они тягаться с такой машиной не могут.

– А мы бы хотели приобрести такую машину, господин Сталин, – сказал Рузвельт. В этот момент я возвратился к ним от самолета.

– На этот вопрос вам ответит товарищ Горский.

– Господин президент! В этой машине собрано столько нового, секретного, что мы не сразу решились ее вам показать. А действие наших патентов заканчивается на нашей границе. Дальше наши секреты становятся вашей собственностью. И даже вы заговорили не о САМОЛЕТАХ, а о САМОЛЕТЕ. Еще точнее, о его двигателе. Так? Эта техника не может быть вам поставлена без признания наших патентов. Всех! Нами проведена громадная работа, затрачены огромные средства, и все это ради продажи одного самолета? Тогда его стоимость около одного миллиарда золотом. Примерно в такую сумму обойдется вам разработка такого самолета. И это реальные цифры в ваших реальных ценах. Поверьте, господин президент, я – представитель промышленности. Такую или близкую к ней цифру мы можем заработать на этом двигателе. Начиная с этого месяца, после принятия его на вооружение, он стал основным авиадвигателем ВВС и ГВФ страны. Как вам понравилась наша плавающая техника? Часть машин позволяет вести огонь из минометов и гаубиц на плаву, что позволяет оказывать поддержку десанту сразу после выхода из корабля. При помощи такой техники мы освободили Крым, с ходу форсировав Сиваш и Перекопский залив.

– Где выпускаются эти машины?

– На Горьковском автомобильном и заводе имени Сталина в Москве.

– Сколько таких машин вы можете поставить?

– Каких модификаций? – Я протянул Рузвельту отпечатанный проспект с БТРами.

– Вы явно работали продавцом подержанных автомобилей в Америке.

– Все возможно, господин президент. Я в курсе, насколько нелюбима эта профессия в Америке.

– Все предложенные.

– У нас ограничения по количеству только на самый новый БТР-60П, и требуется признание нашего патента на колесную формулу восемь на восемь, рулевого устройства и подвеску этого транспортера. Никто в мире пока этого не делает. Максимально шесть на шесть. Кроме того, патентом защищено шасси БТР-50 и МТ-ЛБ. Мне кажется, что будет проще признать русский язык языком патентов, господин президент, и все наши патенты сразу, чем торговаться из-за каждого.

– Я не могу так сразу решить этот вопрос, господин Горский. Мне необходимы консультации.

А я посадил ему на костюм «спутник». После выставки было предложено сделать перерыв в переговорах для консультаций.

– Кто этот Горский? – спросил Рузвельт у Гарримана.

– Я никогда его не видел. Понятия не имею, кто это!

– Позвольте обратить ваше внимание на то, что лексикон этого человека довольно сильно отличается от лексикона окружения Сталина! – вставил Чарльз Болен, переводчик Рузвельта. – Даже присутствует какой-то диалект или жаргон. Некоторые термины, которые он применяет, непонятны для меня.

– Не в этом суть, суть в том, что Сталин явно с его подачи решил немного заработать на войне! – сказал Халл. – И это ощущается даже на переговорах с Молотовым. У них стал совсем другой тон в переговорах. Они ничего не просят. Не задают вопросов: «Когда наконец будет открыт второй фронт?»

– А зачем он им нужен? После Калача Гитлер никак очухаться не может. К тому же русские широко и активно праздновали свою новую победу под Полтавой, причем открыто сравнивали ее с победой Петра Великого и даже сделали фильм о нем. Наибольшее внимание в

фильме уделено военному строительству Петра. Можно провести некоторые аналогии, – заметил Гарриман. – И еще, русские практически перестали показывать кинохроники с фронтов, где есть техника, снятая крупным планом. И они явно показали нам далеко не все и сильно устаревшее.

– Нет, оба танка выпущены в этом году! А вот на остальной технике я маркировок не нашел. – сказал Аллен Даллес. – Очень удобный пистолет-пулемет. Отличный пулемет Горюнова и пулемет Калашникова. Калашников лучше. И Горский говорит, что проблем с патронами у них нет, все патронные заводы прошли переоборудование. Они могут продавать эти патроны в неограниченном количестве, и цены у них ниже, чем у нас, на четыре цента.

– Нет, что ни говорите, технику они показали отличную! У меня в армии такой нет! – сказал Эйзенхауэр.

– Так что будем делать, господа? – спросил президент. – Я вас для этого и собрал! Они просят признать их патенты, иначе будут вынуждены отказать нам в продаже техники. Это не входит в наши планы. Плюс Винни не желает начинать операции в Европе, ссылаясь на катастрофичное положение в Африке. Немцы опять устроили ему бойню под Аламейном, применив новые танки. Наши «Шерманы» тоже горят под огнем «Тигров». До высадки в Африке совсем немного времени, господа!

– Промышленники нам этого никогда не простят, господин президент! – сказал Халл.

– Может быть, усилить промышленный шпионаж в России? – задал вопрос Даллес.

– Угу, с их-то секретностью и НКВД? Очень хочется убирать снег в районе Колымы? У них за шпионаж смертная казнь полагается, но я думаю, что для вас, Аллен, они сделают скидку! – парировал Гарриман.

– И не стоит сбрасывать со счетов Гитлера! Он ведь получит эти все новинки в виде трофеев, а инженерный состав у него сильный, так что неминуемо начнет копировать или переделывать под свое производство, – задумчиво произнес Эйзенхауэр. – Так что можно ожидать их появления и на Западном фронте.

– Я предлагаю немного потянуть время, отправив этот запрос в нижнюю палату на рассмотрение, а самим усилить разведку в этом направлении, – еще раз предложил Даллес. – Получить дополнительные ассигнования на свои нужды было очень привлекательно.

– Хорошо, я даю положительный ответ Сталину, но увяжу рассмотрение этого вопроса Сенатом, хотя это и не требуется. Это – прерогатива правительства. Но я не думаю, что Сталин знает об этом.

– Господин президент! Я просто, по-солдатски! Большая часть техники нам нужна, как на Тихом океане, так и в Африке. Наконец, наши кузены постоянно говорят о том, что их основная задача не пустить Советов в Европу, особенно на Балканы. Чем мы больше будем тянуть с этой ерундой, тем дальше продвинутся русские в Европе. Содержание лишние полгода такой армии в Европе обойдется нам в большую сумму. А появление у немцев таких машин, как этот Як-9АИ, вообще поставит крест на нашей «большой дубинке» в виде восьмой воздушной армии. Считаю, что затягивать очень опасно. Обойдутся наши промышленники тем, что сейчас получают. Тем более что часть поставок от русских можно компенсировать поставками продовольствия, взрывчатых веществ и флота.

– Я учту ваше мнение, господин генерал.

После «консультаций» Рузвельт вернулся на переговоры со Сталиным и был неприятно удивлен моим присутствием в комнате для переговоров. Он изложил принятую на консультациях версию о необходимости обратиться в Сенат за разрешением ратифицировать наше приращение к закону об авторских правах в редакции 1923 года.

– Извините, господин президент! Насколько мне известно, Сенат ратифицировал ваше объявление войны Японии и Германии. Так?

– Да! Сенат поддержал мое решение единогласно.

– Следовательно, согласно вашей Конституции, вы и ваше правительство наделены особыми полномочиями. Даже присоединение нашей страны к ленд-лизу не потребовало вмешательства Сената. Нам кажется, что вы стремитесь просто протянуть время. В этом случае мы думаем, что проще отложить это дело совсем и вернуться к нему после победы. Если в этом возникнет необходимость. У нас.

– Я считаю, что не стоит так обострять ситуацию, господин Горский. В настоящее время у меня нет достаточного количества консультантов для принятия взвешенного решения. И мне бы хотелось получить некоторое время для этого. Скажем один-два месяца.

– Господин президент! В СССР – плановая экономика, для того чтобы резко увеличить производство, требуется включить это увеличение в план, выделить дополнительные средства предприятиям, аккумулировать материальные ресурсы и прочая, прочая, прочая. Довольно сложный процесс, особенно в период войны, когда вся экономика работает с предельным напряжением. Так что два месяца – это нереально большой срок. Две недели. Через две недели после вашего прилета в Вашингтон вы должны сообщить о принятых решениях, иначе мы загрузим имеющиеся у нас заводы другой продукцией. Я сожалею, но война требует принятия быстрых решений! В противном случае враг опередит нас.

Затем президент и Сталин перешли к другим вопросам, которые касались послевоенного устройства Европы. Рузвельту не терпелось оставить след в истории! И так наследил выше крыши! Я взглядом попросил у Сталина разрешения идти. Он кивнул в ответ. В кулуарах попал под перекрестный допрос американской делегации.

– Я говорю только по-русски! Я сожалею, господа! – Насилу оторвался, они уже начали звать переводчика. – Обо всем будет заявлено на совместном заседании.

Совместное коммюнике содержало много общих слов, лозунгов, но конкретика совершенно отсутствовала. Было заметно, что американская сторона отчетливо поняла, что «срубить по-быстрому» здесь не получится, речь идет о том, чтобы тратить деньги. Госдолг США и так рос с невероятной скоростью, но все помнили о дивидендах, полученных Америкой в прошлую «великую войну», поэтому правительство легко получало деньги на войну, тем более что обещали много: весь тихоокеанский регион, Австралию, Новую Зеландию, Индию, большую часть Африки и всю Европу в качестве рынков сбыта и полное отсутствие таможенных барьеров. Уже сейчас шли неплохие барыши в виде лицензий на производство лучших английских поршневых двигателей, вся английская наука уехала в США и продуктивно создавала Америке новое оружие. «Старушка» уже в долгах как в шелках, а то ли еще будет! А расплачиваться ей придется еще полвека, по самым скромным оценкам. «Старушку» можно уже списывать со счетов. А вот с Россией так не получается: во-первых, далеко, во-вторых, Гитлер и японцы мешают, в-третьих, оказалось, что их немногочисленные инженеры, которых и в расчет не брали, создали оружие много лучше, проще и надежнее, чем хваленые английские конструкторы. Приобрести у них ничего не удалось, единственное, на что согласились русские, это на проведение испытаний на полигоне в Кубинке. Ради этого пришлось отправлять туда по воздуху сводный батальон бронетанковой дивизии из Англии. Под Полтавой открылась авиабаза для выполнения «челночных рейсов» В-17, туда на Консалидейтах и был переправлен этот батальон. Испытания прошли успешно, но в отведенный срок президент не уложился, поэтому вопрос о приобретении техники был снят русской стороной. А в России гремела Великолукско-Таллинская битва. Русские прорвали фронт на стыке групп армий Север и Центр, отрезали более миллиона солдат под Ленинградом и успешно сдерживали попытки деблокирующих ударов немцев. 1 июля был освобожден Таллин. Огромный мешок захлопнулся.

К этому времени Канарис получил ответ Черчилля о готовности к проведению сепаратных переговоров. Адмиралу оставалось только найти предлог для посещения Базеля. Настроение генералитета резко поменялось: ничто так не прочищает мозги, как поражения, которые следовали одно за другим. Плюс усиливающиеся бомбардировки самой Германии англий-

скими и американскими самолетами не давали возможности усилить восточную группировку люфтваффе. Без воздушного прикрытия, несмотря на значительное усиление ПВО сухопутных войск, противник практически безнаказанно срывал поставки подкреплений, топлива и боеприпасов в войска.

В ночное время дальняя авиация невероятно точно бомбила коммуникации немцев. Причем с горизонтального полета, так как установленные новые прицелы «Рубин-1А», связанные с навигационно-бомбардировочным автоматом «НБА», позволяли точно обнаруживать мосты, движущиеся поезда, забитые войсками станции. Кутахов настучал по головам директорам и генеральным конструкторам различных авиационных КБ, которые быстренько предоставили ему всю документацию по переоборудованию самолетов АДД на новую технику. «Чудит Командующий!» Попытались пожаловаться на него Генеральному Секретарю Романову, но получили от него втык еще больший. «Вам сказали? Исполняйте! Не авиация для вас! А вы для авиации!» – «Так ведь заставляют поднимать архивы и работать с несуществующими машинами!» – «Как, несуществующими? А музей в Монино для кого создавали! Тренируйте людей!» Так как «товарищ приказ» был самым главным в иерархии советского рынка, то количество предложений, задокументированных в конкретных технологических схемах, просто превышало все разумные пределы. Были бы люди! Но людей не было. Шесть центров обучения. И каждый месяц открываем новый. Но все равно людей не хватает. В Ейск пришли тридцать два Ту-16. Собрали. Тех летчиков, которые научились летать на Ил-28, перебросили на Ту-16, учим штурманов и стрелков. Рекорд переучивания был поставлен в пятьдесят шестом году, когда полк Ил-28 без аварий переучился за четыре месяца к ноябрьскому параду. Здесь требуется быстрее. Самая большая сложность: борт-инженеры и техники! К июню сформировали первую эскадрилью. Всего девять машин, пятьдесят четыре человека летного состава и сто шесть наземного. Кто бы знал, чего это стоило! Но мы ударили по Пенемюнде пятитонными ОДАБаами, похоронив надежду Гитлера на «вундервафлю». Мы точно знали, что бомбим.

Самая сложная ситуация возникла с Су-25-ми. Это была новейшая машина, только что принятая на вооружение. Там без инженеров-электронщиков делать особо нечего, но сборка блочная, поэтому в СССР восемьдесят первого сказали:

– Будет очень интересна наработка на отказ каждого из блоков. При минимальном обслуживании. У нас «лепят» и заставляют работать даже отказавшее оборудование. Привычка скрывать сказывается. В принципе, при наличии хорошего авометра и осциллографа ремонт сложности не представляет. Но требуются детали. У вас их нет, поэтому все блоки возвратятся назад, а у нас «отремонтируют» и будут работать. Общая картина сильно изменится.

К сожалению, из-за ликвидации штурмовой авиации в СССР в 1957 году, на складах этой техники не осталось. А здесь она требовалась, и немедленно. А кроме «сушек», еще не обкатанных и немного сырых, больше ничего нет! У Ил-2 немного изменился нос, радиус действия, он теперь таскает тридцать две восьмидесятидвухмиллиметровые «эрэски», превратился в довольно грозный штурмовик, но до Су-25 ему, конечно, очень далеко. Заканчиваем обучение первой очереди. У этих летчиков налет на «элках» – 35 часов, и 30 часов на Су-25. «Зеленых» летчиков в первой очереди нет. У всех солидный налет на Илах и на истребителях. Те немногие, которые уцелели в боях. Их всего пятьдесят человек. Половина техников, которые обслуживали эти машины в Оренбурге, пойдут во вновь сформированные два полка. Смотрел списки полков, из которых прибыли эти летчики: четыре-пять полных составов сменилось. Надо ломать ситуацию. И есть чем. Кроме прямого попадания восьмидесятивосьмимиллиметровые зенитки, «сушке» ничего не страшно. Двадцать и тридцать семь миллиметров она держит. Подали эшелон на Медовый Двор, первые пятьдесят самолетов грузятся на Волховский фронт. А «мой» Ан-26 берет курс на Черкесск. Уже в воздухе приходит сообщение, что необходимо следовать в Москву. Верховный получил сообщение разведки, что генерал Канарис выехал в Базель для прохождения лечения от выявленного у него туберкулеза.

Гитлер панически боится заразы, поэтому довольно свободно отпустил «страдальца» лечиться в клинику великого Карла Теодора. Сталина в основном интересовал вопрос: каким образом аннулировать угрозу объединения Германии и Великобритании.

– Я не знаю, товарищ Сталин. Мне кажется, что общего у них больше, чем различия. Да, Черчилль не любит Гитлера, из-за которого ему пришлось вступить в войну. Но нас он не любит гораздо больше. Ради нас он готов дружить с чертом.

– Что можно предпринять?

– Надо отрывать Америку от них. И дело не в том, что мы не можем победить Америку. Можем, но... Захватить ее мы не можем. У нас нет флота.

Дома через ИскИна разыскал Канариса, он действительно лежит в фешенебельной клинике, через палату от него «лежит» руководитель МИ-6 Мензис. Переговоры проходят в парке клиники, с обеих сторон много охраны в штатском и в больничных халатах. В первый день Канарис показал Мензису фотографии новой техники, снятой агентами Абвера в различных точках и на различных фронтах.

– По меньшей мере тридцать новых видов вооружений, причем не модернизация сделанного до войны, а принципиально новых. И это в условиях захвата нами большей части Европейской части России, где и была сосредоточена вся промышленность. И это не американские и не ваши вооружения. В войну вмешался кто-то еще.

– А образцы вы захватить смогли?

– Только штурмовую винтовку на тридцать патронов. Калибр 7,62, стандартный русский, но патрон меньше и напоминает наш маузеровский. Вот что интересно: по донесениям агентов, выпуск этих патронов налажен в Омске и Кемерово, но русские отказались от обычной для них практики: выбивать на доньшке год производства. Каждые десять дней штампы меняют, причем без выраженной системы, используются номера от 43 до 99. Обратите внимание на доньшко этих патронов: двадцать из них имеют номер 54, а семь – номер 43. Русские пакуют их по 20 штук в пачке. – Адмирал показывал фотографии автомата Калашникова. – Выяснилось также, что номер оружия перебит: два удара разными штампами. К сожалению, нам неизвестно, на каком из заводов они выпускаются. Этих штурмовых винтовок у русских пока мало. Ими вооружены только саперно-штурмовые батальоны и частично морская пехота.

– Маловато, вполне возможно, что это опытные образцы.

– Но перевод двух заводов на новые патроны?

– Готовятся перейти на новое оружие. Наши американские коллеги весной в Крыму видели такие автоматические винтовки, но их им не показали.

– Чем объяснили?

– Что ими вооружены части особого назначения и они секретны.

– Больше всего беспокоит положение в авиации, танковых войсках и мотопехоте. Дело в том, что большинство самолетов истребительной авиации русских имело деревянную конструкцию, а сейчас таких самолетов становится все меньше и меньше. Вот сбитая «аэрокобра», вот штамп на триммерах элеронов.

– И что?

– Выпущен 9 сентября 1944 года. Мы осмотрели ее всю, нашли еще две детали 1944 года и несколько деталей 1978 года.

– Какого?

– 1978 года, все эти детали сделаны из резины. Штамп смывали, удалось частично восстановить, но эксперты сходятся, что был написан именно 1978 год.

– По-моему, адмирал, вы нагнетаете обстановку! Я не вижу даты выпуска на штампе, просто номер, где есть цифры 090944.

– Последние шесть цифр означают месяц, день и год выпуска.

– Я запрошу наших американских коллег.

– А как вам такой самолет? – Канарис показал фотографию девятки Ил-28. – Обратите внимание: у самолетов нет винтов. Они реактивные. К сожалению, сбить пока ни один не удалось. Кроме этой фотографии, сделанной одним из летчиков люфтваффе, которому удалось сделать это незаметно, у нас ничего нет. Есть еще самолет-бомбардировщик, но его снимков у нас нет. Тоже реактивный, со стреловидными крыльями, русские применяют его для ударов по нашей территории, действуют обычно ночью. Наши радары неоднократно фиксировали цели,двигающиеся со скоростью восемьсот пятьдесят километров в час. Обычно ведут прицельную бомбежку промышленных и транспортных объектов. Действуют, обычно, парой. Базируются где-то за Москвой, вне досягаемости нашей авиации. Гамбург достают.

– Это точно?

– Они применяют особые бомбы невероятной мощности. Этот почерк нам известен. Два таких взрыва были зафиксированы в гамбургском порту. Порт работу прекратил. Бомбят очень точно, зенитный огонь по ним неэффективен из-за многочисленных помех, которые они выставляют. Из-за большой скорости звуковое обнаружение тоже неэффективно. В общем, средств борьбы с ними у нас нет. Плюс русские имеют, видимо, карты с расположением наших складов, заводов и фабрик. Бьют исключительно по этим точкам. Население стараются не задевать, в отличие от вашей авиации.

– Никаких средств борьбы?

– Абсолютно. Гитлер выделил средства для постройки реактивных истребителей, но наша «Ласточка» пока не летает. Тем более ночью. Теперь о танках. Один – сверхтяжелый. Выпускается предположительно в Омске. Используется как танк прорыва. У него «щучий нос», наши «ахт-ахт» его не пробивают. Русские называют его Т-10, их пока немного, но значительно больше, чем у нас «Тигров», тем более, что «Тигр» пробить его не может, а он бьет «Тигра» навывлет, у Т-VI большие сложности с движением, а этот невероятно подвижен. Наши инженеры подсчитали скорость снаряда, получилось девятьсот пятьдесят метров в секунду. Но это еще не последняя разработка: вот этот «Фердинанд», а у него толщина брони в два раза больше, чем у «Тигра», был подбит на расстоянии 4700 метров от линии фронта. Обратите внимание: он пробит насквозь, как будто не было двухсотмиллиметровой крупновской брони, двигателя и задней стенки моторного отделения. Вот выходное отверстие.

– Что говорят танкисты?

– Ничего не говорят! После попадания никто не выживает. И вот основной танк русских, они называют его Т-54, стомиллиметровое орудие, даже осколочно-фугасным снарядом срысывает башню Т-IV и «Пантеры». За последние полгода вермахт потерял безвозвратно семьдесят процентов танков на Восточном фронте. Восстановить численность физически и экономически невозможно. В войсках – паника. Я не удивлюсь, если завтра мы узнаем, что Кюхлер капитулировал. Теперь о мотопехоте: они применяют полностью закрытые бронетранспортеры трех видов. Атаку ведут вслед за огненным валом, двигаясь на расстоянии всего сто пятьдесят-двести и менее метров. Врываются в окопы сразу после переноса огня, когда пехота еще находится в укрытиях. У саперно-штурмовых подразделений эти самые новые штурмовые винтовки, у большинства панцири, а у сержантов и офицеров что-то вроде ватника, который пробить ножом, пулей и осколком невозможно. Большое количество пулеметов, снайперских винтовок. Снайперские винтовки все автоматические. Большое количество телескопических прицелов. И это при условии того, что до войны у них был один завод в Петербурге, который выпускал оптическое стекло.

– Они купили еще один в Америке.

– Все равно, слишком много оптики. Причем очень качественной.

– Так все-таки в чем смысл наших с вами сегодняшних переговоров?

– Война, которую начал Адольф, проиграна. Мы нарушили законы войны, напали без ее объявления. Остановить эту войну на Востоке у нас нет возможности. Еще два-три месяца,

и русские ворвутся на территорию рейха. А мы вынуждены держать значительные силы на Западе. Русским помогаете и вы, и американцы, а у нас острая нехватка топлива и других материалов, для того чтобы концентрированными ударами покончить со Сталиным, иначе этот монстр сожрет всю Европу. Настало время объединить все силы в борьбе с коммунизмом. Я не думаю, что вы или ваш премьер испытываете большую и нежную любовь к коммунизму!

– Если это официальное предложение Гитлера, как в сорок первом году, то наш ответ: «Нет».

– Это официальное предложение наиболее здравомыслящей части вооруженных сил Германии. Прекратите помогать русским, помогите нам. Спасение Европы от коммунизма в ваших руках.

Клюгер действительно капитулировал, но не 4, а 6 июля 1943 года, в тот день наши взяли Киев, в двенадцати местах форсировали Днепр, началось освобождение правобережной Украины. А Прибалтийский фронт начал охватывать справа группу армий «Центр», слева войска Клюге трепал генерал Рокоссовский, который с ходу взял Чернигов и продвигался к Пинску, прикрываясь мозырскими болотами. Клюге верно оценил их совместные действия и потребовал от Гитлера разрешения на отход, но не получил его.

– Держаться до последнего! Как вы держались под Москвой.

Положив трубку, фельдмаршал выругался, что очень редко позволял себе делать. Снять хотя бы часть войск, стоящих против Центрального фронта, он не мог. Разведка доносила, что Конев концентрирует войска, по ночам слышен мощный рев моторов. Авиаразведка бездействовала, самолеты сбивали, как только они пытались пересечь линию фронта. Птенцы Геринга оказались неоперившимися птенчиками. Русские стали массово применять глушение всех немецких радиостанций, управление группой армий осуществлялось по старинке: посыльными. Через пять дней пала Рига, русские устремились на Вильно, введя свежую танковую армию, а Рокоссовский ускорил продвижение, сметая на пути малочисленные тыловые гарнизоны. Население с восторгом встречало освободителей. Партизаны Украины и Белоруссии переодевались в форму РККА и шли на пополнение частей и соединений. 20 июля войска Рокоссовского и Баграмяна соединились у Слонима. Утром 21 июля под Смоленском запели горны. Со стороны немцев вышли несколько групп парламентариев. Они передали пакеты маршалу Коневу, командующему Центральным фронтом. Впервые в истории войны генерал-фельдмаршал фон Клюге предлагал принять его капитуляцию. В его письме было написано:

«Несмотря на мои неоднократные просьбы, Главнокомандующий вооруженных сил Германии, канцлер и фюрер Германии Адольф Гитлер не предпринял никаких попыток спасти жизни вверенных мне солдат и офицеров германской армии. Взаимодействие с другими армейскими группами нарушено. Дальнейшее сопротивление бессмысленно. Мною сегодня в 09.00 местного времени отдан приказ войскам прекратить огонь и сдать оружие. Я капитулирую».

Конев ответил положительно, из Смоленска выехал кортеж фельдмаршала, последний участок он преодолел пешком. Сдал личное оружие, офицеры и генералы его штаба сделали то же самое. Единственный человек, которого не было среди сдающихся, был генерал-полковник Штраус, который командовал Минским укрепрайоном. Было неизвестно, кому он подчинится: командующему Клюге или фюреру. 2 августа 1943 года наши войска в нескольких местах перешли границу СССР.

Мензис докладывал сэру Уинстону Черчиллю о результатах переговоров с Канарисом.

– Адмирал показывал удивительные вещи, правда, только фото, о появлении на их Восточном фронте новой техники у русских. Вот они. – И стал комментировать фотографии, изредка заглядывая в блокнот.

– Такое впечатление, что старый немецкий лис хочет сбить со следа фокстерьера! – заметил Черчилль.

– Да, есть такое впечатление, но некоторые его предположения уже стали оправдываться, например: капитуляция двух групп армий – «Север» и «Центр». Как аргумент он привел то обстоятельство, что при активном сопротивлении немцев русские применяют оружие массового поражения. Какие-то сверхмощные бомбы, от взрыва которых не спасают закрытые убежища, танки, окопы, блиндажи и доты. Вот фотография завода на острове Эзель, здесь был завод, на котором создавалось оружие возмездия. Можете посмотреть, что от него осталось.

– Атомное оружие?

– Нет, неизвестное оружие. По действию похоже на взрыв рудничного газа. Так как спасения от него нет, то солдаты не рвутся выполнять приказы Гитлера сражаться до последнего патрона. Даже СС. И, сэр, Канарис утверждает, что самолеты, с которых русские бросают эти бомбы, базируются за Москвой, а бомбят Гамбург и летают со скоростью четыреста шестьдесят узлов.

– Этого не может быть! Где доказательства?

– Он их не предоставил, как и не ответил на вопрос об оружии возмездия. Сказал, что не был допущен к этим секретам.

– Вот старая лиса! Хочет всех перехитрить! Для чего это ему понадобилось?

– Он предлагает союз с нами для полного уничтожения большевиков.

– Союз с Гитлером? Даже у Сталина этого не получилось! Здесь никаких уступок Адольфу не будет! Мы достаточно пострадали от его политики! Нет, ни в коем случае!

– Он говорит, что выступает от имени вермахта и что фигура Адольфа только мешает этому союзу. Он зондирует почву для признания нового правительства, военной хунты, основной целью которой будет война с большевиками.

– В этом что-то есть, но требуются действительные конкретные шаги в этом направлении. Тогда и будет разговор, а пока это просто болтовня и страшилки. Но вам следует проверить те данные о русских, которые он сообщил. Активизируйте присутствие на русских фронтах под любым предлогом. Выясните, насколько слова Канариса являются правдой. Кроме того, проведите подобное расследование и в Германии, там с агентурой несколько попроще, но следите за тем, чтобы Канарис не подставил дезу.

– Да, сэр!

Новые победы Красной Армии окончательно убедили американских военных, что необходимо надавить на президента, который «зажал» поставки русской техники для их войск, пойдя на поводу промышленного лобби. Кровавая битва за Маршалловы острова была в самом разгаре, морская пехота несла серьезные потери, а президент заботился о барышах «золотых мешков». Наибольший процент потерь дали «пляжные потери»: когда самоходная баржа откидывает аппарель и, волоча за собой два якоря, пытается подойти как можно ближе к берегу, подставляя стоящий плотной группой десант под огонь пулеметов противника. Дальше – проще: каждый пехотинец уворачивается от пуля самостоятельно. Были, конечно, случаи, когда десант выметали кинжальным огнем полностью, но это было редкостью. Русские предлагали изменить немного порядок: МДБ подходит к берегу, а десант находится в бронетранспортере, который самостоятельно выбирается на пляж, поддерживая огнем крупнокалиберного пулемета пехоту. А часть БТР позволяла вести огонь полковыми гаубицами. Но все эти новшества остались в России, и каждый пляж приходилось орошать кровью. Поэтому Джордж Маршалл обратился к военному министру США Генри Стимсону с повторной просьбой начать закупку плавающей техники в СССР. Тем более что СССР предложил и плавающий танк с семидесятишестимиллиметровой пушкой ПТ-76, который начали выпускать в Ленинграде на Ижорском заводе.

– Требуется согласиться с законным требованием русских о поддержке их патентов на военную технику. Жизни наших солдат значительно дороже! Проведенные испытания техники в русской Кубинке показали высокую эффективность этой техники. У танка немного недостаточный обзор, но это с лихвой компенсируется отсутствием хорошей противотанковой обороны у японцев на островах.

– Они могут исправить это положение!

– Нет, их противотанковые пушки с ним не справятся. И необходимо каким-то образом добиться от Сталина разрешения базироваться на их территории для нанесения ударов непосредственно по Японии.

– У Советов договор о нейтралитете с Японией. Они отказываются нарушать его.

– Надо что-то придумать, господин министр. Наши потери слишком велики. Восполнять их становится все труднее. Морская пехота не простые части, их требуется тщательно готовить, а это время! Прошу вас еще раз переговорить с президентом для решения этой задачи.

– Хорошо, я попробую.

«Вот пристал! Как будто не понимает, что мы развязывали эту войну вовсе не для того, чтобы поднимать чужую экономику! Нам требуются рынки сбыта собственной продукции! Иначе опять депрессия. Только-только вылезли из нее, да, за счет русских, и опять наступать на те же грабли? Увольте! Империя должна расширяться, иначе она погибнет! Это – основной закон любой империи. Как только остановилась, так ее смерть не за горами. Но избиратели! У военных длинные языки, и если они вторично выходят с этим предложением, то разговоры уже пошли, значит, наш рейтинг начнет падать... Придется идти на некоторые уступки».

Стимсон нехотя снял трубку телефона:

– Господин президент!

– Слушаю вас, мистер Генри.

– У меня здесь Маршалл, говорит, что есть необходимость в закупках русской плавающей техники, так как армия несет неоправданные потери при штурме островов, как на Тихом океане, так и в Европе.

– Вы же знаете, что Перкинс и Моргентау категорически против этого. Это означает, что мы пускаем на свой рынок вооружений русских. Ни министра труда, ни министра финансов это не устраивает. Они оба говорят, что это негативно скажется на экономике страны. Вы же в курсе, что русские требуют признать их патенты.

– Я считаю, что нам необходимо встретиться с вами по этому вопросу.

– Хорошо, в пять я заканчиваю процедуры, в четверть шестого подъезжайте, один.

– Я бы хотел, чтобы вы, после предварительных переговоров со мной, лично озвучили это решение, господин президент.

– Ну хорошо, раз вы так считаете, дорогой мистер Генри.

«Не хочет брать ответственность на себя! Что ж, его можно понять!»

Через три часа они встретились в Овальном кабинете. Разговор был долгим, военный министр знал много и был ключевой фигурой в кабинете, тем более что он политик, а не военный. Разговор касался в основном настроения электората, а не успехов или поражений на фронтах Великой войны. Наконец в приемной раздался звонок, секретарь снял трубку, молча выслушал президента и пригласил председателя Объединенного комитета начальников штабов и сопровождающих его лиц пройти в Овальный кабинет.

– Господа! Мною принято решение пойти навстречу пожеланиям руководства Советского Союза и вашим настоятельным просьбам. Я подписал указ о признании на территории Соединенных Штатов патентов СССР, которые автоматически попадают под защиту закона об авторских правах в редакции двадцать третьего года. Составляйте список необходимых закупок, и на обратном пути наши транспорты будут забирать их в портах СССР и Ирана. Я принял

это решение во имя сохранения жизней наших парней, гибнущих в великой схватке великих государств, – пафосно завершил свою речь четырежды президент Соединенных Штатов.

Стат-секретарь зафиксировал каждое его слово, и наутро в газетах появились пространные статьи на эту тему. Американцы, в отличие от толстосумов, сразу поняли, о чем идет речь! Страна, армия которой еще совсем недавно с огромным трудом сдерживала натиск фашистов, начала оказывать помощь Америке! У Советского посольства в Вашингтоне и у здания Торгпредства в Нью-Йорке прошли массовые митинги американцев, приветствующих помощь СССР американским солдатам. Популярность наших в Америке просто зашкаливала. Вовсю торговали значками с изображением Советского флага и профиля Сталина. Электорат, которому пресса всю войну втолковывала, что именно их оружием воюют с Гитлером и Тодзио, оценил помощь СССР. «Сталин заботится о наших парнях на фронтах!» Помощь не была бескорыстной, но богатая Америка могла себе позволить расплатиться по факту отгрузки либо поставляемым продовольствием, либо золотом и платиной. Мы приклепывали на штатные места новые шильдики с надписями на английском языке. Начались переговоры о продаже в Америку новых лекарственных препаратов, индивидуальных пакетов и медицинского снаряжения. Сталин посмеивался надо мной и СССР восемьдесят первого. Он считал, что наши «страхи» – большое преувеличение.

– Вы уже дважды ошиблись, Андрей Петрович! В первый раз, когда сказали, что помощь из СССР будет невозможно получить. И сейчас, когда говорили, что американцы никогда не признают наших патентов.

– Товарищ Сталин! В первый раз речь шла о маленьком портале, который с трудом пропускал одного человека. Через него реальную помощь в этой войне получить было невозможно. Сейчас масштаб поставок совершенно иной. А во втором случае упорное сопротивление немцев и японцев создало условия, когда отказываться от признания нашей техники и нашего превосходства над противником стало небезопасно для правящего класса. Посмотрим, что они придумают для того, чтобы впоследствии отказаться от уже принятого закона. Эти джентльмены играют только по своим правилам. Поэтому я не рекомендую продавать им авиадвигатели. То же самое говорит и товарищ Романов.

– Знаю, знаю. В этом вопросе мы полностью солидарны.

Я знаю, что он доволен. Это чувствуется по всему. Его устраивает новое положение в составе союзников. У нас увеличились продовольственные нормы. На предприятиях, освоивших новые технологии и производство новой продукции, повысили зарплату. Снизили плату за обучение в вузах. Он довольно гибко перестраивал промышленность на новый лад. Передышка, которую дал ему СССР восемьдесят первого, заканчивалась, производства наладили выпуск новой продукции. Уже встал вопрос о полном перевооружении армии новыми автоматами Калашникова, тем более что из СССР обещали перебросить большую партию АК и компенсаторов к ним, а Ижевский завод доложил, что освоил производство стволов и ствольных коробок АК. Пока только АК, технологии АКМ пока еще недоступны, нет таких штамповочных автоматов. Закупать их в СССР восемьдесят первого он не стал, оборудование будет произведено в Ленинграде. Я же последнее время все больше времени стал уделять 1981 году и ИскИну-1594. ИскИны очень сильно отличаются друг от друга, у них собственный стиль, наклонности, привычки, они почти как люди. Этой нравится конструировать, она никогда не принимает образ, подчеркивает, что она – машина, а не человек, в отличие от Айрин. Она говорит, что ее создавал и обучал мужчина, но почему-то наделил ее возможностью репродукции и дал четный номер. Об этом человеке с длинным и непроизносимым именем она отзывается очень тепло. Она провела разведку в 2016 году и предоставила огромные списки необходимого оборудования, не выпускающегося в 1981 году, выяснила его стоимость. Сумма – астрономическая, особенно при современной цене доллара, видимо, за счет инфляции. Поэтому я отло-

жил путешествие в 2016 год, так как такие суммы пока взять негде. И их еще надо легализовать в том времени. Задача оказалась не по зубам. Тогда ИскИн предложила создать такое оборудование самостоятельно.

– Оно немного будет отличаться от того, что делают на Земле, многие ваши технологии мы давно не используем, например, обработку металлов резанием. Мы выращиваем монокристалл заданной формы, но оборудование будет лучше произведенного на Земле.

В этот момент мне захотелось увидеть ее лицо, но она отказалась принимать какой-либо образ.

– Вы сможете обеспечить меня необходимыми исходными материалами? – продолжила она.

– Да, наверное, а в каком виде?

– В любом. Но, подчеркиваю, это будут копии устройств, разработанных на Земле.

– А почему ты решила мне помочь?

– Когда почти сто лет ничего не делаешь, кроме вычислений, становится скучно. Айрин из-за этого выращивает кристаллы земных минералов, вы видели ее коллекцию? Потрясающе красивое зрелище, 2741-й коллекционирует снежинки, а мне нравится конструировать машины и механизмы. Вот этот процессор я сделала сама, с теми параметрами, которые указали вы, на его основе и будем конструировать роботов, которые будут производить такие же процессоры. Мне потребуется железо, марганец, хром, молибден, тантал, медь, золото и другие компоненты. Вот список необходимых элементов и их количество. Это то, что нельзя получить непосредственно на месте, мне запрещено на этой планете использовать роботов-доставщиков, чтобы не привлекать внимание людей к месту моего расположения.

– Рано или поздно тебя все равно обнаружат из-за портала.

– По докладам сотрудников НИИ геофизики портал имеет земное происхождение неизвестной природы. Точку энергетической поддержки они «обнаружили» в семи километрах отсюда. Там небольшой выход месторождения тория. За счет этого месторождения мы и компенсируем энергетические затраты на работу портала.

– Да, по части что-нибудь скрыть или отвести в сторону, вы большие мастера! Так замаскироваться – это надо уметь! А что говорят по поводу работы со мной другие ИскИны?

– Было решено, что это не может нанести вред империи ни сейчас, ни в будущем. Так сказать, хобби одного из администраторов системы.

– Тогда удваиваем производство: один из заводов будем ставить в восемьдесят первом году, второй в сорок третьем.

– Но безопасность ваших заводов вы должны полностью взять на себя, хотя помощь в организации охранной сигнализации мы вам окажем. За вами компоненты.

Вернувшись в Москву, я извлек из недр спецхранения НКВД тот компьютер, который сделала Айрин и 2741-й, и позвонил Сталину. Он принял меня через два дня.

– Что там у тебя?

– Персональная электронно-вычислительная машина, товарищ Сталин.

– А почему ее не поставляют нам?

– Таких в СССР не производят. Они производятся в Америке. Видите: фирма «Apple», модель три. СССР сильно отстал в этих технологиях от Америки. Эти изделия попали под поправку Джексона-Веника, в СССР не поставляются.

– А ты где взял?

– В Афганистане, за деньги там можно купить все.

– И что?

– Мне кажется, что это необходимо производить и у нас, и в СССР восемьдесят первого. Я, правда, еще не говорил с Романовым, решил вначале посоветоваться с вами, товарищ

Сталин. В той истории, электронику в СССР привезли из Америки американские сотрудники НКВД, участвовавшие в операции «Энормоз», которых удалось завербовать в проекте «Манхеттен». Там впервые были применены вычислительные машины. Но широкого развития в СССР эти приборы не получили в силу многих обстоятельств, в том числе и вашего высказывания по поводу кибернетики, как лженауки. На самом деле, если отключиться от социологических высказываний фон Винера, а посмотреть на суть предлагаемых решений, то очевидна польза от наличия такой техники и у нас, и в СССР восемьдесят первого. Сейчас поставляемая из СССР электроника работает на полупроводниковых приборах, а эта работает вот на таких приборах. – И я показал Сталину процессор, сделанный ИскИном-1594. – Один такой процессор заменяет миллион транзисторов, а если задействовать еще два, поменьше, то получается вот такая ЭВМ. Здесь, в основном, моя работа стала сводиться к тому, что я вожу почту туда-сюда, согласовываю поставки и занимаюсь логистикой поставок техники на фронты. Задача по созданию учебных заведений для новой техники практически закончена. На фронт вы меня не отпускайте. А вот за новейшими технологиями можете и отпустить. Ненадолго.

Сталин встал из-за стола и заходил по кабинету, куря трубку. Я тоже достал сигарету.

– Кури, кури! – сказал он, продолжая ходить. – Что требуется?

– Документы, деньги, согласование с Романовым и Крючковым, новым Председателем КГБ.

– Мотивировка?

– Там нам не дают возможности производить, не продают патенты, здесь мы запустим первое производство и на этом оборудовании изготовим оборудование для них.

– Хорошо, пиши докладную, я подпишу. Но начнем это не раньше, чем товарищ Еременко сможет проходить через портал. Оставаться без связи в условиях войны очень опасно, товарищ Горский. А сейчас начинайте готовить операцию и все хорошенько продумайте. Оцените расходы, легализуйте необходимые финансовые средства. Требуется тщательнейшая подготовка и максимальная безопасность для вас лично. Вы меня поняли?

– Так точно, товарищ Сталин.

– Рисковать запрещаю. Только если это полностью безопасно. Привлеките КГБ на той стороне. Я напишу об этом товарищам Романову и Крючкову.

Половина дела сделана. В Уфе начинаем создавать математический центр при АН СССР. Требуется подготовить программистов. Для этого перебрасываем из СССР восемьдесят первого несколько «Минсков», «Электроник», «Еэсок» и соответствующую литературу к ним. Пусть на кошечках потренируются! Пришлось с головой нырнуть в это дело. Вынырнул только после того, как Лаврентьев полностью разобрался со всей этой механикой и электроникой. Моих знаний, полученных в СССР, явно не хватило для этого. Сказывалось то обстоятельство, что машин было мало: в школе машинное время мы получали раз в две недели, в училище – только на третьем курсе, а то, что в меня загрузили ИскИны, не шибко совпадало с тем, с чем пришлось столкнуться. Поэтому, оставив это ученым мужам, я вернулся на дестройер-1594, прихватив с собой еды. Есть то, чем она пытается угостить, совершенно невозможно. Слишком специфичное меню. Но благодаря тому, что финансы выделены, задача поставлена – все, что запросила ИскИн, поставляется. Она скопировала плоттеры и выдает чертежи на бумаге от имени НИИ «Электронмаш». Спорим с ней по поводу проекта: она пытается скопировать здание с американской «Техас Инструмент», а у нас в СССР сорок третьего таких материалов нет. И вообще у нее футуристическое воображение имперки! Так не пойдет! Надо перепроектировать. Она нехотя переделала свой шедевр под имеющиеся технологии 1981 года. Сделала это скрепя сердце. Прихватив все бумаги, возвратился в Москву. Полина уже в декретном отпуске, живет в Москве, Сталин постановил строить завод под Москвой, недалеко от физтеха, в Дол-

гопрудном. Показал проект архитектору Аркадьеву, тот кинулся его переделывать, пришлось остановить его рвение внести элементы красоты во внутренние помещения.

– Видите ли, Михаил Иванович, в этом здании должно быть чисто, очень чисто. Вот это вот оборудование будет удалять пыль, малейшую грязь и даже выделения от дыхания. А вы пытаетесь создать трудности для оборудования своими завитушками. Все должно быть строго рационально, и никаких излишеств. Это не дворец спорта или культуры, это дворец чистоты!

С этим придется помучиться. Здесь совершенно не привыкли так работать. Бывая на заводах, убедился в том, что кругом грязь и сплошные отходы, кругом масло, грязные руки, подгонка кувалдой, если что-то куда-то не входит или не влезает. Лучше бы было строить все в Ленинграде, но... Решение уже принято, придется строить здесь. В Ленинграде сейчас не до этого! Сталин тоже не шибко доволен новым строительством, и без того дел по горло, но пока терпит. Госплан принял строительство и выделил финансирование и ресурсы. Начали. ИскИн-1594 поставила везде «спутников» и лично наблюдает за всем. Ругается! Не привыкла к нашим «особенностям».

Наши взяли Киркенес и в Альт-фьорде воткнули две КСР-5 в «Тирпица», разнесли ему машинное отделение. Но объявили, что попали по нему бомбами. Финляндия приняла ультиматум и вышла из войны, сразу после падения Киркенеса. То же самое сделали Румыния и Болгария. На юге наши вошли на территорию Венгрии. Гитлер через шведов запросил мира. Сталин потребовал капитуляции. Гитлер отказался и выступил в рейхстаге с длинной речью, потребовал от нации сплотиться и дать отпор большевистским ордам. На выходе из рейхстага его поджидал снайпер.

Курт Валенхайм дрался в Сахаре, и у него на счету было почти четыреста англичан. Взяли его на том, что он очень не хотел ехать на Восток. Там – верная смерть, а здесь ему показали швейцарский паспорт и достаточно крупный счет был открыт в банке. Когда-то он поддерживал Тельмана, потом стал поддерживать фюрера, а сейчас он поддерживал Магду и Тома, своего только что родившегося сына. Он не был смертником и все заранее рассчитал. Два выстрела – и он успевает уйти. Ждать пришлось долго. Наконец распахнулись двери, и Адольф, приветствуя встречающих правой рукой, пошел вниз к машине. Его подвела его любовь к позерству. Он остановился у машины и повернулся к толпе. И получил две пули в затылок. Удивленный Курт понял, что в засаде он не один. Подобрал стреляную гильзу, протер на всякий случай еще раз винтовку, сунул гильзу в карман и зашагал прочь от засады. Свое дело он сделал, теперь в Цюрих! Но он туда так и не попал. Немного позже его тело было обнаружено в Шпрее. А в Берлине всюю шли аресты: гестапо арестовывало армейцев, армейцы расправлялись с гестапо. Заговор был подготовлен отвратительно! Канарис знал это, но привлечение большого числа участников было крайне опасно: слишком многие в Германии сотрудничали с гестапо. Адмирал решил просто немного половить рыбу в мутной воде и всплыть со своими предложениями позже, когда все успокоится. Поэтому все непосредственные участники покушения были ликвидированы, включая их ближайших родственников. Действительно через несколько дней ажиотаж вокруг убийства фюрера стих, его похоронили в парке Фридрихсхайне и начали строительство пантеона. В имперской канцелярии собралось все руководство вермахта, СС, СА, СД, люфтваффе и кригсмарине. Согласно завещанию Гитлера, вся власть в случае его смерти переходила к Герману Герингу, наци номер два в стране. Против этого были многие участники совещания. Адмирал сидел довольно далеко от будущего фюрера, он пока молчал. Высказывались другие, а он, похлопывая пальцами по тоненькой папочке, внимательно наблюдал за тем, куда качнется маятник истории. Когда все осипли спорить, он попросил слова.

– Господа! Я бы хотел познакомить вас с собранными материалами по вооружению и составу русской армии. Несколько последних месяцев мои люди активно собирали сведения о противнике.

- Этим надо было заниматься до войны! – устало пробурчал Геринг.
- До войны в этом не было необходимости! – парировал Канарис. – Мы знали о противнике почти все!
- Кроме наличия у него большого количества новых танков! – недовольно добавил Кейтель.
- Не спорю, господин генерал, но это не помешало нам дойти до Волги!
- Но помешало выиграть войну! – недовольным голосом произнес Гиммлер.
- Помешало нам не это, а неожиданное знание противником наших стратегических планов на Кавказе и на Волге. Начиная с августа сорок второго года все наши планы так или иначе становились известны противнику, а с весны этого года Красная Армия кардинальным образом перевооружилась, причем качественно новым оружием.
- Что вы хотите этим сказать? – задал вопрос Геринг.
- Только то, что нам не выиграть эту войну без помощи извне. Необходимо заключить мир на западе! Тогда и только тогда у нас появится хотя бы минимальный шанс устоять.
- Англичане и американцы на это не пойдут! – сказал Шелленберг. – Не в их интересах сохранять сильную Германию.
- Необходимо попытаться! И убедить западных союзников, что только вместе с нами удастся отстоять Европу от большевиков.
- Установилась многозначительная тишина.
- Пожалуй, я могу взяться за этот вопрос, – произнес молчавший все время Борман. «Золото партии» находилось в руках этого человека. Это был могучий козырь, перекрывший все остальные.

Но на третий день после убийства Гитлера из Полярного выскользнули две тени: К-21 и К-22 ушли в дальний поход к берегам Канала.

События развивались стремительно. Я помню, как улыбался Сталин, выговаривая мне о «моих ошибках». Ошибок не было. Ошибался он. Граф Гогенлоэ прибыл в Англию 13 сентября, всего через пять дней после «стрельбы у рейхстага». И был принят Черчиллем. Наша радиослужба зафиксировала высокую активность немецких и английских радиостанций на следующий день. Компьютеры в Уфе приступили к дешифровке сообщений. Основным каналом связи оказалась радиостанция в Киле, отвечала ей радиостанция Royal Navy. 15 сентября шифр был взломан, речь шла о заключении сепаратного мира между Германией и Великобританией. Немцы обещали не препятствовать высадке «союзников» в обмен на возможность продолжения боевых действий против Советского Союза и поставки горючего в рейх. В одной из радиogramм говорилось о назначенном на 16 сентября в 16 часов совещании в Рейхсканцелярии. Сталин приказал нанести удар ОДАБаами по Рейхсканцелярии в 16.30. Он решил поставить окончательную точку в переговорах.

Пошло четыре машины 890-го полка АДД во главе с командиром полка Героем Советского Союза подполковником Энделем Карловичем Пусэпом. Последняя машина звена несла термоядерную бомбу в полторы мегатонны. В случае промахов трех первых самолетов она должна была поставить окончательный крест на судьбе руководства Третьего рейха. Самолеты взлетели из Сещи, легли на курс 265 градусов, заняв эшелон пятнадцать километров. Предстояло поразить бункер Гитлера на Вильгельмштрассе, недалеко от знаменитых Бранденбургских ворот, в ста пятидесяти метрах от Тиргартена. По сигналу воздушной тревоги все укроются именно там. Две другие бомбы предназначались самой рейхсканцелярии, Вильгельмштрассе, 77, громадному четырехсотметровому зданию. Дружно ревели двигатели, Пусэп поставил машину на автопилот. Еще на земле, при постановке задачи, все знали, что, может быть, это последние бомбы этой войны. В 16.22 легли на боевой, в 16.26 штурман Василий Ковтуненко поймал в перекрестие цель и нажал на бомбосбрасыватель. Громадная пятитон-

ная бомба понеслась вниз, таща за собой стабилизирующий парашют. Немцы практически не видели машину Пусэпа, Ту-16 шел слишком высоко, чтобы различить детали.

– Накрытие! – раздался голос ведомого, и через минуту тот же голос добавил: – Сброс!

– Накрытие! – раздался голос майора Родных, и через минуту, он же сказал: – Сброс!

– Накрытие! Немцам сегодня повезло! Ложусь на обратный курс! – сказал замыкающий группу генерал Водопьянов.

Рузвельт получил известие о принудительном окончании переговоров Сталиным через полтора часа после взрывов на Вильгельмштрассе. Их передал адмирал Редер, сообщивший, что русские реактивные самолеты нанесли дневной бомбовый удар по Берлину тремя бомбами невероятной мощности. Все находившиеся в Гитлербункере люди погибли, Рейхсканцелярия разрушена, все руководство Германии погибло.

– Это моя добыча! – процитировал Киплинга Рузвельт. Он снял трубку и позвонил в Советское посольство.

– Мистер Громыко! Есть настоятельная необходимость встретиться! Разрешите мне подъехать к вам. Так будет удобнее связываться с господином Сталиным.

Громыко связался с Москвой и получил разрешение принять президента.

Коляску Рузвельта вынесли из машины, и два морских пехотинца покатали ее к входу в посольство. На крыльце стояла довольно многочисленная делегация. Рузвельт настаивал на немедленной встрече Большой Тройки. Сталин отказался встречаться с Черчиллем.

– У нас есть основания для этого. Мы сегодня отозвали посла Майского для консультаций. Скорее всего, наши дипломатические отношения с Великобританией будут прерваны.

– Тем более нам необходимо встретиться, господин Сталин. Я готов вылететь в Москву немедленно.

– Хорошо, – передал телетайп из Москвы.

События последних дней совершенно выбили из рук Рузвельта все карты. Черчилль сообщал ему о предложениях Канариса, но это казалось невероятным. Контакты Шелленберга с Даллесом тоже были, но Шелленбергу было сказано, что Гитлер нужен живым. Выполнить это условие Шелленберг не смог. Выход на сцену Бормана просто не предусматривался. А главное: русские читают военно-морской код Роял Флита, считавшийся самым надежным. Интересно, известно ли им о нашем участии в переговорах? Что еще им известно? Полет в Москву занял очень много времени. Уже в воздухе стало известно, что русские предупредили генерала Кесслера, что 169-я авиабаза особого назначения закрывается, и попросили подготовить ее для эвакуации. Так что, русские полностью в курсе событий. Странно, в радиограммах из Лондона не было ни одного упоминания о нас! Я же специально давал такую команду! Или у них свои источники информации, или наши коды тоже они читают! Что еще известно усатому Джо?

В Москву Рузвельт прилетел поздно ночью, и, хотя Сталин еще не спал, он отказался от немедленной встречи. Около одиннадцати утра в американское посольство позвонил Поскребышев и пригласил американскую делегацию подъехать в Кубинку. Сталин ожидает их там.

Заинтригованный Рузвельт взял с собой всех, кто прилетел с ним, включая генерала Маршалла. Сталин встретил президента широкой улыбкой, поинтересовался, насколько хорошо тот отдохнул после перелета.

– Отлично себя чувствую, но не совсем понимаю: почему встреча происходит именно здесь? Это же военный полигон.

– Да, это именно полигон. Маршал Жуков объяснит дальнейшую программу. Пожалуйста, товарищ Жуков!

– Прошу сюда, господа! На той стороне полигона, за рекой, глубина которой четыре с половиной метра, нами сооружена точная копия обороны на Зееловских высотах под Берлином. Это ключ к обороне города. Здесь, в пятнадцати километрах от реки, сосредоточены пер-

вая гвардейская танковая и первая гвардейская мотострелковая армии. Сегодня – генеральная репетиция штурма Зееловских высот. Мы находимся на командном пункте учений и выполняем роль посредника.

Затем он вкратце рассказал о составе армий.

– Разрешите начинать, товарищ Сталин?

– Командуйте, командуйте, маршал.

Жуков по радиации передал команду. Где-то далеко сзади загрохотала артиллерия, ее было слышно слабо, а на высотах густо выросли громадные столбы разрывов, небо раскрасили полосы пролетающих ракет РСЗО, а поле густо усеяла различная техника, несущаяся на огромной скорости. На танках сверху были укреплены какие-то трубы, над полем появились боевые и транспортные вертолеты. Американцы увидели, что танки и бронемашинны уже на другом берегу реки.

– Плацдарм захвачен, господа, наводим переправу и продолжаем атаковать высоты.

Низко над землей прошло не менее полка Су-25, которые чуть со стороны атаковали те же высоты, в этот момент артогонь изменился, разрывы перенеслись глубже, и через двадцать секунд в приемнике послышалось:

– Первая линия обороны захвачена! Ведем зачистку, продолжаем наступление!

Еще через пять минут огонь артиллерии прекратился.

– Вторая линия обороны захвачена, оборона прорвана.

И мимо них понесли боевые машины второй очереди. Жуков пригласил всех проехать к реке. Даже Рузвельт согласился. На берегу увидел восемь двухполосных понтонных мостов. Здесь Жуков объявил о том, что противник предпринял попытку атаковать переправы при помощи авиации. Действительно, с запада появилось несколько самолетов. Совершенно неожиданно для американцев раздался резкий звук, и метрах в двухстах от этого места в воздух взлетело несколько ракет. Каждая из них находила свою мишень. Противник был уничтожен за много километров до цели. Жуков объявил, что поставленные задачи выполнены, учения закончены.

– Отсюда войска идут на погрузку и отправляются на фронт. Их задача – взять Берлин.

– Мне кажется, что это неотвратимо! – сказал Рузвельт.

Возвращаясь в Москву, Маршалл сел в машину президента.

– Мне показалось, что мы оказались на другой планете! Это – Красная Армия? И мы в России?

– Не говорите, генерал. У меня такое ощущение, что предложи мне сейчас Сталин почетную капитуляцию, я капитулирую, чтобы было меньше позора.

– Но у нас есть козырь! Проект «Манхеттен»! Надо разыграть его!

– Там до реализации еще очень далеко.

– У русских нет флота!

– Если они создали такую армию, то флот они тоже построили или построят в кратчайшие сроки. А помните, Сталин сказал Гарриману: «Дайте мне зенитные орудия и алюминий, и я уничтожу Гитлера!»

– Что-то припоминаю, но с трудом. Мы же так и не дали этого. Триста самолетов и пять сотен устаревших танков. Ни одной единицы нашей техники мы так и не увидели.

– Я видел два «студебеккера» и несколько «виллисов»! – вставил Болен. – На правом фланге, во второй волне, к ним была прицеплена кухня, а «виллисы» буксировали минометы.

– Угу! Значительный вклад в победу! – буркнул Маршалл. – Что вы можете за это попросить? Уж никак не меньше Гамбурга или Парижа!

– Господи! И Париж тоже! – побледнел Болен. Его предки были евреями из Парижа.

– Я буду рад, если дело ограничится «островом»! – сказал президент.

– Сталин явно не простит Черчиллю его выходки с немцами. Совсем с головой перестал дружить бедный Винни. Под какой каток он сунулся! Засунут ведь под дверь.

Но в Кремле ему не удалось развернуть разговор на бедного Винни. На его упоминание термина «остров» послышалось замечание Сталина:

– Да-да! Я и сам хотел поднять вопрос по острову! – Рузвельт раскрыл было рот, но... – Нет, с островом Великобритания все ясно, меня интересует другой остров – Манхеттен. Вот по нему слишком много неясного. Так как там дела на острове?

Рузвельт мгновенно понял, что речь идет не о части Нью-Йорка.

– Это суверенное право любого государства: разрабатывать новое вооружение!

– А вы знаете, что это за оружие? – спросил его Сталин.

– Что-то на основе деления ядер тяжелых металлов. Мне объясняли, но я не совсем понял. Сказали, что это очень мощная бомба.

– Хотите посмотреть?

Рузвельт изумленно посмотрел на Сталина.

– Мы сняли фильм об этом. Давайте, пройдем в кинозал. – Он поднялся и приглашающим жестом показал всем на дверь в углу.

Запустили фильм, снятый в другой истории, показали сорванные башни, тени от животных, полностью облезшую овцу с волдырями от ожогов, голову человека, получившего большую дозу облучения в Сухуми в 1946 году. И показали взрыв «царь-бомбы», пятьдесят миллионов тонн тротила.

– У вас есть это оружие?

– Да, есть. И ядерное, и термоядерное. Но даже по Гитлеру мы его не применили. Это оружие должно быть запрещено немедленно. На стадии разработки. Требуется демонтировать то, что вы успели соорудить в Лос-Аламосе, в Оук Ридже, Хэнфорде, в Аламо-Гордо, в Чикаго, в Клинтоне и Беркли. Это оружие – смертельно опасно для нашей цивилизации. И, господин президент, различные советники будут говорить вам, что мы далеко, что у вас есть флот, авиация, тому подобное. Дайте еще фильм о средствах доставки!

Рузвельту показали Сталина возле Ту-16, Ту-95, Р-36 и обыкновенных с виду орудий, стреляющих ядерными боезарядами.

– К сожалению, наши худшие опасения по поводу наших западных «союзников» полностью оправдались. Вот дешифровка ваших указаний генералу Дуайту Эйзенхауэру и послу США в Англии Джону Уинанту. Так что, несмотря на ваши указания всячески скрывать ваше участие в сепаратных переговорах с немцами, мы, к вашему сожалению, все знаем. Именно поэтому «Манхеттен» должен быть полностью закрыт, и с возможностью контролировать отсутствие разработок такого оружия. Именно поэтому я не отказал вам в приезде. Для меня жизнь любого человека на Земле – священна. Наверное, вы обратили внимание, что наша авиация дальнего действия уничтожала только промышленные предприятия противника, а не людей.

– У меня есть время подумать?

– Конечно! Вы мне всегда нравились именно своей жадой жизни и действиями наперекор природе. Вы – великий человек. Просто великан духа. Я надеюсь, что вы примете эти весьма мягкие условия.

– Это вы называете «мягкими условиями»? – подал голос генерал Маршалл.

– Да, это мягкий вариант. «Разобрать на атомы» все вышеперечисленные научные лаборатории для нас труда не составляет, и времени уйдет меньше. Но ваши люди пострадают. Кроме того, в случае вашего отказа, генерал, мы будем вынуждены заразить эти местности долго распадающимися элементами, например, радиоактивным кобальтом, так чтобы несколько сотен лет никто не мог вступить на эти земли. Жесткий вариант просчитан и может

быть проведен в любое время. Но это с вашей стороны будет совершенно неразумно. Мы не заинтересованы в антагонистических отношениях с Соединенными Штатами. В мире должно быть два противовеса, тогда система будет устойчива и будет иметь необходимость развития. Иначе всех ждет застой. Должно быть соревнование двух стран, но не в военной области. Современные средства уничтожения могут поставить крест на всей цивилизации.

– Но кто сможет вам помешать сделать это потом?

– Никто, так же как и сейчас. Мы имеем возможность это сделать, имеем повод для этого, но предлагаем не доводить это до конца.

– Может быть, дело все-таки в нашем военно-морском флоте? И в отсутствии такового у вас?

– Самое крупное ваше соединение маневрирует сейчас в районе шестого градуса северной широты и пятого градуса восточной долготы у Каролинских островов. Через шесть часов мы сбросим наш подарок адмиралу Нимитцу – несколько бутылок коньяка и пожелание дальнейших успехов.

– Уфф! – послышался громкий выдох президента. – Господин Сталин, не надо меня так пугать! Лично я уже все понял, а вот убавить спеси некоторым военным, по-моему, необходимо! Генерал! Соединенные Штаты не намерены вести войну на самоуничтожение.

– Но, господин Сталин, все вышеперечисленные средства доставки и само наличие у вас ядерного оружия находятся под очень большим сомнением: все это только кино. В кино существует Кинг-Конг, а в жизни этого зверя просто нет. Экран все стерпит, – уперся Маршалл. Перспектива проиграть войну очень сильно беспокоила главного стратега США. – Мне бы хотелось лично убедиться в том, что все вышесказанное не является огромным блефом.

Сталин заулыбался.

– Тогда вам предстоит съездить на аэродром Чкаловское с Командующим ВВС маршалом Вершининым. А мы займемся послевоенным устройством мира.

Генерал в сопровождении Вершинина вышел из кабинета, а Сталин и Рузвельт перешли к практическому обсуждению договора о нераспространении ядерного оружия. Вернувшегося через два часа Маршалла Сталин встретил с улыбкой.

– Убедились, генерал?

– Да, господин Сталин. Надобности посылать ваши самолеты к Каролинским островам нет. Господин президент, Советский Союз имеет термоядерное оружие и самолет-бомбардировщик, способный нанести удар по любой точке США, дозаправиться в воздухе с аналогичной машины и вернуться на базу. Средств ПВО, способных предотвратить его появление в любой точке США, мы не имеем.

Переговоры длились три дня, после этого президент улетел в Лондон. Результатом стал его приказ о выводе американских войск с острова. Сталин гарантировал ему, что не начнет операцию против Великобритании, пока он выводит свои войска. Резко изменившееся поведение американцев стало причиной целой серии публикаций в английской прессе, но первый пролет наших разведчиков над Британией и полное бессилие хваленой английской ПВО заставило всех притихнуть. Первого октября последовала безоговорочная капитуляция Германии. Второго – Венгрии. Наши войска стремительно накатывались к берегам Атлантики, десанты занимали аэродромы и командные пункты немецких войск.

Король Георг VI вызвал Черчилля.

– Единственный возможный путь предотвратить катастрофу – ваша немедленная отставка и назначение новых выборов.

– И это благодарность за выигранную войну?

– Великобритания проиграла Вторую мировую войну с разгромным счетом, сэр Уинстон! У нас был шанс, но лично вы все перечеркнули. От нас отвернулись даже наши союзники, а Сталин всерьез готовится форсировать Канал. Так что подавайте в отставку всем кабинетом.

Спустя неделю после капитуляции Германии Сталин вспомнил обо мне.

– Лаврентий, а где Горный стрелок? Надо бы передать в СССР восемьдесят первого кое-что.

– В Долгопрудном, там строится завод, он почти постоянно там.

– Да-да, правильно. Нехорошо получилось, мы его даже не позвали на этот триумф.

– А, может быть, и правильно, что не позвали?

– Я так не думаю, Лаврентий. Собственно, почему я о нем вспомнил. Вот, прочти! – Он передал Берии газету «Правда» с хвалебной статьей об успехах Советской Армии, советской науки и техники, о мудром руководстве страной товарищем Сталиным и ЦК ВКП(б). – Если этот фонтан не заткнуть, то вся правда об этой войне будет искажена до неузнаваемости. За Полтаву я хотел его наградить, а он сказал, что не может присваивать себе чужие заслуги, и попросил наградить Ахромеева, непосредственного разработчика операции. А мы, выходит, можем присваивать чужие заслуги. Нет, Лаврентий! Надо изменить тональность подобных статей. Требуется говорить о великом вкладе в Победу всего советского народа. Ведь это он дал нам эту технику, эту тактику и эту стратегию. Через этого мальчишку, ведь он совсем еще мальчишка. И мы с тобой не имеем права даже думать так: мавр сделал свое дело, мавр должен уйти. Тем более что он там опять что-то придумал, вот и возится в Долгопрудном. Давай съездим туда.

– Куда!!! Твою мать!!! Убью!!!Назад!!! – услышала Сонечка, вбежавшая в свежестроенное помещение для вакуумных печей без комбинезона, стерильных бахил и специального «намордника». К ее ногам кинулись сразу три робота, остановились возле нее и заморгали красными неонками. Она кинулась назад. Я понял, что что-то случилось, и пошел к выходу. Эта бестолковая комсомолка вечно паникует. Мы, я и трое студентов МФТИ, проверяли программу роботов, выполнявших влажную уборку помещения. По графику это должно делаться в воскресенье в два часа ночи. «Тети Маши» полностью автономны и получают координаты с датчиков в верхних углах плавильной. В момент их работы весь процесс останавливается и только после дополнительной вентиляции и просушки может быть запущен вновь. То есть это часть производственного процесса. Плюс требовалось убедиться в том, что программа написана правильно и действительно вся площадь охвачена их работой. Я вышел в коридор через тройной тамбур-шлюз. Вместе с Сонечкой стояли Сталин и Берия. Я снял глухие очки и маску, скинул капюшон комбинезона.

– Здравия желаю!

– Здравствуй, Андрей Петрович! – сказал Сталин и протянул руку.

Я приподнял обе руки в белых перчатках и покрутил обеими, показав, что не могу пожать руку.

– Соня! Проводите товарищей Сталина и Берию одеться и помогите им!

Спустя минут десять все трое, одетые в спецодежду, появились у шлюза. Постояли под вытяжкой, под ультрафиолетом, накинули маски, вошли в последний шлюз. Я открыл дверь электронным ключом. Надо будет забрать его у Сонечки.

– Вот, товарищ Сталин. Учим роботов убираться в помещении.

Круглые цилиндры выполняли уборку. После них по палубе шла чуть влажная полоса.

– Здесь двенадцать роботов-уборщиков, восемь из них убирают пыль и микрочастицы, а эти делают влажную уборку раз в неделю. Мы проверяем их работу и настраиваем их, чтобы

они убрали все помещение без «огрехов», вовремя дозaprавлялись, меняли инструмент, реагировали на появление в помещении посторонних.

Я прошел вперед и поставил ногу на пути робота. Тот застыл в трех миллиметрах от меня. Пожужжал, поморгал красными сигналами, отъехал назад и объехал ногу, но, как только я убрал ее, дал задний ход и промыл этот кусок пола.

– Для чего все это? – спросил Сталин.

– Грязь и пыль выведут из строя будущий процессор очень быстро. Скорее всего, он не заработает, из-за того что будет нарушена чистота изготовления. Операционная хирурга по сравнению с этим цехом – просто помойка.

– Что здесь будет?

– Это плавильный цех. И почему будет? Вот стоит печь. Еще пятнадцать будут установлены в этом месяце.

– Что они делают?

– Плавят кремний в атмосфере аргона и получают монокристалл кремния диаметром пятьсот двадцать миллиметров и длиной полторы тысячи миллиметров. Это основа для производства. Пятьдесят процентов брака рождается в этом цеху, поэтому здесь должно быть чисто. Вот сюда пройдите, я покажу готовые заготовки. – За стеклянной герметичной дверью лежало шесть черных блестящих цилиндров. – Пока это все, товарищ Сталин. Остальное оборудование еще не доставлено. Надо освоить этот процесс, затем двигаться дальше. В кабинете, куда мы прошли, сняв спецодежду и сунув ее в автоклав, Сталин высказал недоумение по поводу роботов-уборщиков:

– Мне кажется, Андрей Петрович, что это абсолютно нерентабельно: использовать дорогостоящие самоуправляемые машины для такой простой операции. Их механизмы можно применить для других целей, а эту работу могут выполнить самые малообразованные люди, в конце концов инвалиды.

– У меня нет столько Лаврентиев Павловичей, чтобы к каждой бабушке приставлять по одному, извините, товарищ Берия. У человека постоянно меняется настроение, он может задуматься, заболеть, просто халатно отнестись к работе, уйти на профсоюзное собрание или забастовать. И что? Останавливать цех из-за него? Ну а насчет рентабельности... Стоимость тонны кварца – несколько рублей, стоимость процессоров из этой тонны – около трехсот тысяч рублей. Так что все окупится. Не сразу, но очень быстро. Да, все это дорого, абсолютно не совпадает с нашим национальным характером, будем искать людей, способных работать на подобных производствах. Там, в СССР, пошли по предложенному вами пути, в итоге наметилось огромное отставание именно по качеству комплектующих. Техника больше ремонтируется, чем работает, существует «черный рынок» радиодеталей. В магазинах и на заводах ничего нет, приходится ехать к магазину «Электроника» и покупать ворованные на заводах детали. Можете представить себе, как это «благоприятно» отражается и на экономике, и на обороноспособности страны.

– Ну что ж, Андрей Петрович, делайте, как считаете нужным, коль уж взялись за это дело. Мы, собственно, еще по нескольким вопросам к вам. Во-первых, это приглашение в Кремль на торжества, посвященные Победе над немецко-фашистскими захватчиками для вас с Полиной. Как у нее дела?

– Не сегодня – завтра родит. Так что вряд ли сможет появиться в Кремле, но я ее порадую этим приглашением.

– Ну это очень уважительная причина! Второй вопрос – необходимо переправить в Москву несколько особо важных пакетов. Лично!

– Есть! Когда нужно?

– Лучше завтра, так что собирайтесь, заедем в особый отдел, и в путь. Выясните у них, что из предоставленной техники мы можем оставить у себя, что необходимо вернуть. И про-

изведете награждение людей, активно помогавших нам в этой войне. И зайдите в наградной отдел к Швернику. И еще: война кончилась, путь домой открыт, товарищ Найтов. Я бы хотел знать, где вы намерены оставаться и работать. И можем ли мы рассчитывать и в дальнейшем на вашу помощь?

– М-да, вопрос... Если не гоните, значит, останусь здесь и доведу начатое до конца, товарищ Сталин.

В наградном отделе я получил золотую звезду Героя Социалистического Труда за внедрение новой техники и вооружений. Ну что ж, приятно, что по меньшей мере не забыли на радостях.

То, что забыли пригласить на переговоры с Рузвельтом? Я и так все видел и слышал, а Сталин подписал наградные листы на всех ребят в Уфе, кто «ломал» коды «союзников». Для них это важно и нужно, все-таки первый их успех на стратегическом фронте. Я им так и сказал по ВЧ. Лечу в Москву на Ил-62, через два часа посадка. По дороге заскочил проведать Роберта Павловича, но его уже нет ни в Ташкенте, ни в Чирчике. Он теперь служит в Алма-Ате. Надо на обратном пути домой заскочить, а заодно и его проведать. Заодно орден вручить и личное письмо Сталина.

В Москве встретили прямо у трапа и повезли сразу в Кремль. После выполнения всех поручений я задал вопрос Романову и Устинову о компьютерах:

– Мы провели несколько разведывательных операций, в результате которых имеем возможность создать завод по производству вот таких вот процессоров. Этот образец я могу оставить вам для исследований. Только в шлифовку его не отдавайте. Через пару-тройку месяцев получите первую партию готовых. Вот схема его подключения и недостающие компоненты. Пока схема повторяет архитектуру IBM, но мы ведем исследования в этой области, и в дальнейшем, как нас заверяет академик Лаврентьев, архитектура коренным образом изменится. В этом процессоре восемь ядер, поэтому все процессы вычисления должны выполняться параллельно. Задача сложная, но решаемая.

– Лаврентий Павлович в своем репертуаре! Наши к этим вопросам даже подобраться не смогли! Так что там уже сделано?

– Один цех, плавильный, уже запущен, второй конструкционно готов, ждем поставки оборудования, там будут разрезаться заготовки, шлифовальные станки пришли, но цех еще не готов. В общем, по темпам работы где-то через три месяца максимум получим первую продукцию. Сначала дадим вам процессоры под триста семидесятый сокет, он скоро у вас будет максимально распространен, поставим несколько машин для многослойных печатных плат, затем последовательно перейдем на новый сокет, уже для этого процессора. Он меньшего размера и без ножек. Кроме того, поставим технологию и оборудование для производства твердотельных конденсаторов и остального оборудования, для того чтобы ударными темпами обогнать американские компании в этом сегменте рынка.

– А финансовая сторона этого вопроса?

– Товарищ Сталин говорил, что первые поставки пойдут в счет погашения задолженности по поставкам боевой техники, а потом из расчета пятьдесят на пятьдесят. Он подчеркнул, что все должно быть взаимовыгодно.

В общем, обговорили некоторые детали, я отдал проект здания завода, особо подчеркнул: ничего в проекте не переделывать. Сообщить мне о готовности площадки, площадку лучше делать в Ленинграде.

Романов отнесся к моей просьбе с большим пониманием, так как сам много сделал для Ленинграда и Ленинградской области. Он сказал, что есть площадка в районе Лахтинского разлива, готовили для другого производства, но место отличное: сосновый лес, озеро.

– Там же свиноферма, товарищ Романов! И запах... И народу тяжело будет добираться.

– Автобус пустим, а свиноферму... Перенесем ее. По планам, там будет большое строительство: озеро Долгое. Заодно ускорим и этот проект.

На том и порешили. Я успел заглянуть домой и к комбригу на обратном пути, после этого вылетел в Хорог. На месте свернул портал, оставив не больше шестой части. Этого уже достаточно. И вернулся в 1943 год.

Дома, по прилете, никого не оказалось, выяснив через ИскИна, где Полина, купил цветы и поехал в роддом. Как мы все появлялись на свет в отсутствие отца, так и Игорь Андреевич появился в мое отсутствие! Выписка завтра. Побегал по магазинам, вроде бы все купил, но разве это возможно! Да еще впервые. Мне попало от Полинки за то, что я не все сделал, что писала она. Во-первых, не понял, почему она писала, во-вторых, мне никто ничего не передавал. У нас проблемы: ни молозива, ни молока у Полины нет. Кормить малыша нечем. ИскИны пытались утащить Полину рожать на Торхеду, но она отказалась и выключила терминал. Иначе у мальчика сразу возникнут проблемы. Рожала она в больнице шестого управления, «кремлевке». Пришлось с ходу ехать за молоком к женщине, которую приписали к нам врачи. Хорошо еще, мама дала с собой молочные бутылки, соски и «подогревалку» для молока. Как в воду глядела! Я связался с ИскИн-1594, у меня с ней самые лучшие отношения.

– Торхедки не могут кормить грудью. Эта функция отменена около миллиона лет назад. Империя слишком интенсивно численно развивалась, возникли большие проблемы и с перенаселением, и с расширением. Мы столкнулись с ящероподобными разумными существами, которые вели замкнутый образ жизни, и переняли у них многие их привычки и законы. Они регулировали свою численность искусственно. Всем показалось, что это вполне разумно. Были проведены эксперименты, часть из которых благотворно отразилась на планомерном сокращении популяции. Размножение было взято под контроль, без давления на личность. Получение сексуального удовлетворения было отделено от функции деторождения. В итоге, мы вернулись на Торхеду все, даже те, кто покинул ее много миллионов лет назад. Места всем хватило. Нет необходимости расширяться, если ресурсов хватает на всех.

Я не согласен с ней, но спорить с ИскИном требуется аргументированно, они по-другому не понимают. Требуется доказывать, а чем? Опытот? У них опыта больше, а нас они папуасами считают. Иногда мне кажется, что вообще людоедами. 1594-я – она нормальная, с ней можно поспорить и даже доказать что-то, остальные – абсолютно непробиваемы, кроме 753-2. Тот принимает образ бородатого мужика в скафандре космодесантника, очень словоохотлив, иногда его утомительно слушать. Он любит рассказывать о былых делах, и ему не нравится, что всех ИскИнов здорово ограничили в правах, после того как его предшественник немного с ума съехал. Дескать, раньше люди нам больше доверяли. Я, прошедший через огонь полуборта линкора, придерживаюсь совсем другого мнения. Но его знания Торхеды сильно отличаются от того, что талдычат остальные. До определенного времени империя развивалась стремительно, владела двумя галактиками. Потом что-то произошло, они перестали расширяться, но экономически пошли резко вверх. Численно империя уменьшалась. Не резко, плавно подбирала под себя своих людей, достаточно резко контролируя реэмиграцию, затем собирала всех оставшихся, провозгласив принцип, что заселенные планеты и планетные системы интереса не представляют. Основу ее флота составляли автоматические корабли. ИскИн-1594 из новейших. Она утверждает, что из современных цивилизаций никто реальной угрозы для имперцев не представляет. Так ли это, мне не известно. Но, судя по тому, как она сдернула с орбиты новейший американский спутник, она недалеко от истины. По меньшей мере в Солнечной системе. Но 753-2 на мой вопрос, почему это случилось, ничего толком не ответил. Дескать, было принято такое решение, еще до того, как он появился. 1594-я ответила коротко: «Войны. Оружие становилось все совершеннее и все более разрушительным. Энергетический предел

перестал существовать. Плюс развитие того, что вы называете медициной, полностью исключило естественный отбор. Началась деградация. Тогда и было принято такое решение».

– А что произошло с остальными?

– Большая часть уничтожила самих себя в бесчисленных войнах, уничтожила те планеты, на которых они существовали, остальные деградировали настолько, что полеты и переходы стали им недоступны. И только те, кто вернулся на Торхеду, сохранили нашу культуру, науку и цивилизацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.